

ТРИ ПРАВИЛА АНГЕЛА

ДЕТЕКТИВ ОТ
КАТЕРИНЫ СНЕЖИНСКОЙ

Дядюшка утверждал, что Ленка глупа, как пробка. Но она вовсе не дура, просто ей жалко всех, ведь хочется, чтобы счастье каждому досталось, пусть и по кусочку. Конечно, не все с такой делёжкой согласны, некоторым всё сразу подавай: и старинные бриллианты, и карьеру, и деньги, и мужа престижного. И они, эти некоторые, ни перед чем не остановятся, им даже человека убить, что муху прихлопнуть. Но в родном селе трусихи сроду не рождались и мухловские девчонки ещё покажут городским, где раки зимуют, почём фунт лиха и кого надо замуж брать! Эх, где наша не пропадала!

Глава 1

Донести набитые под самые ручки пакеты до лифта — это всего лишь полдела. А как их дотащить от лифта, решившего, что работать он устал, до пятого этажа — вот вопрос вопросов. Хоть ползком ползи, честное слово, потому как уже не руки трещат, что им, рукам, делается-то? Трещат эти самые пакеты и кто только их придумал такими? Ведь гипермаркетовские же, а продуктов в них влезает чуть, на четыре-то дня едва хватит, чего уж про неделю говорить.

— На дворе трава, на траве дрова, — скороговоркой буркнула Ленка, помогая себе коленом, перехватила особо подлую авоську, торчащую углами йогуртных упаковок, — а нам всё трын-трава. Где наша не пропадала? — Обернулась, глянула на лифт, притаившийся в решётчатой шахте, тяжело вздохнула и честно призналась: — Где только наша не пропадала!

Ленка решительно сопнула носом, попыталась сдуть вывалившиеся из-под прилипшей ко лбу шапки волосы, да и пошла на приступ лестницы. А ведь лестница-то немалая, дядюшкина семиэтажка — это вам не какая-нибудь «хрущевка», а серьёзный правильный дом, с потолками под небо, ну и пролётами соответствующими.

— Клара у Карла украла кораллы. — Чтение скороговорок при физической нагрузке способствует развитию дыхания — это парень так сказал, странный такой, с длинной, как у куклы, тёмно-синей чёлкой. Чёлка чёлкой, а его взяли, а вот Ленку нет, значит, правильно говорил. — Карл у Карлы украл кларнет. — Остановившись на повороте лестнице, она с силой выдохнула. — Ну и дурак!

Скороговорки — это, конечно, хорошо, контроль диафрагмы ещё лучше. Правда, где эта самая диафрагма находится, точно знал, наверное, только тот синеволосяй Мальвин. Ну, ещё, может, дядюшка, потому как он всё на свете знал. Но с песней жить всё-таки веселее. Допустим, эта: «Под деревней Крюково погибал наш взвод!» — классная же песня, боевая, решительная такая. Или ещё вот хорошо: «Врагу не сдаётся наш гордый «Варяг», пощады никто не жела-ает». Но оно для другого случая, например, для стирки белья, накопившегося за неделю, да ещё с двумя пододеяльниками и банными полотенцами.

Но песни песнями, а без правильного дыхания никуда. А ещё без чистой дикции.

— Шла Саша по шоссе и сосала слушку. Тьфу ты, сушку она сосала. Зубы повывадали, что ли?

Пакет с йогуртами, прижатый к боку, подличал, норовя выскользнуть. Мысль швырнуть его, да посмотреть, как растекается радужными лужицами заморская химия, становилась всё соблазнительнее. Тем более, Ленка, вскормленная на чистых сливках, парном молоке, да сметанке, таких вот «обогащённых живыми бактериями» решительно не понимала. Но так уж жизнь устроена: понимай — не понимай, а тащи. Потому как если не дотащишь, дядя недоволен будет. Вот он, в отличие от тёмной племянницы, жил правильно и питался тоже правильно. Если сказали по телевизору, мол, надо потреблять йогурты с бактериями, так и потреблял, не отлынивал.

— Под дере-евней... Нет, Крала у Клара сушку украла! — Впереди было ещё две лестничных пролёта и готовка ужина, а, значит, почти бесконечность. — Под дровами на дворе, дура, закопала.

Что-то сегодня вечером у Ленки все дураками выходили, а это нехорошо, неправильно. Наверное, просто запал решительности скукоживался с каждой ступенькой, взятой с боем, и

всё сильнее хотелось пожалеть себя, горемычную.

Дверь на четвёртом этаже распахнулась наотмашь, едва не ткнув Ленку ручкой в бок, и под ноги ей выкатился комок желтоватой шерсти, по-стариковски захлёбывающийся хрипом и скаливший сточенные клыки.

— Ой, Леночка, это ты? — изумилась Марьванна, хозяйка распахнувшейся двери, шестьдесят шестой квартиры и хрипящего комка по имени Барон. — А я думала, кто тут ходит в ночь-полночь? Мы с Барончиком на вечерний мацион собрались, и тут слышу: топает кто-то. Вот и перепугалась. Обстановка-то сама знаешь какая!

— Какая? — послушно уточнила Ленка, ничуть не злясь.

Во-первых, неожиданная передышка была в радость, а, во-вторых, Марьванна и Барон, а еще Палыч, их хозяин, ей нравились: смешные и не злые совсем, просто старенькие, а кто знает, какой она сама станет, когда до таких-то лет доживёт? Может, как Салтычиха из четвёртого подъезда будет кричать в форточку на прохожих матом.

— Криминогенная, — назидательно подняв узловатый палец, пояснила Марьванна, — кри-ми-но-ген-ная обстановка кругом, вот так-то! А ты тут ходишь, хотя уже девять пробило и темень на улице. Да ещё, небось, через сквер срезала. Знаешь, что с девочками по темноте-то случается? Я всё-таки поговорю с Михал Сергеичем, разве это дело?

— А что, верхний сосед сегодня опять стены сносил? — чересчур быстро, бодро и не очень-то вежливо перебила её Ленка.

О своей неправильности слушать никакого желания не было, а уж чтоб Марьванна дядюшку воспитывать взялась, хотелось ещё меньше.

— Да нет, притих чего-то, — старушка поджала сухонькие губы, очень кого-то не одобряя, может невежливую «девочку», может, её дядьку или вовсе соседа. Скорее всего, всех и сразу. — Затаился, ирод. Видит бог, не иначе новую пакость готовит.

Ленка покивала, поправив сползающую, кусающую мокрой шерстью шапку локтём — больше нечем было поправлять, руки-то заняты.

Не то чтобы она была согласна с Марьванной, по её мнению никаких пакостей «ирод» не готовил, наоборот даже. Когда въехал в квартиру, плакатик внизу, у почтовых, ящиков повесил: так, мол, и так, уважаемые жильцы подъезда, ремонт я делаю, не обессудьте и извините за беспокойство. А ещё кулёк с шоколадками снизу пристроил, вроде как чтобы не обижались люди. Ленка тоже хотела батончик взять, да постеснялась, а на следующий день и брать-то уже нечего стало.

Но этот ремонт, никак не прекращающийся добрых два месяца, успел всех до печёнок проесть. Какие тут шоколадки, когда с самого утра и до вечера канонада, пальба и стены рушатся? Да ещё всякие подозрительные личности, то есть строители, туда-сюда то и дело шастают, от чего не только Марьванну испуг берёт, но и дядюшки переживания случаются. Обстановка-то вокруг какая! Криминогенная — вот какая.

— Да ты иди, иди, Леночка, задерживаю я тебя, а там Михал Сергеич, поди, заждался совсем, — проворковала старушка, подхватывая так и не переставшую хрипеть болонку на руки.

А вот подлой Ленке — правильно мама говорила, любить людей надо! — с чего-то примерещилось, что добрая соседка вовсе даже не «заждался», а «зажрался» сказать хотела. Но выяснять, то ли Марьванна имела в виду или совсем не то, не стала, перехватила свои пакеты, да и пошла дальше: «Последний путь — он трудный самый!».

— Всем привет, я дома! — объявила Ленка в тёплую темноту квартиры.

Ответом ей было невнятное, но очень весомое бормотание, да ещё из-под двери дядюшкиной спальни высунулся язык голубовато-белого телевизионного всполоха, подразнил и убрался обратно. Это всё означало одно: провинилась племянница и нету ей никакого прощения. Задержалась, вот уже и главные новости идут, а девки всё нет и нет, куда это годится? Никуда. Потому следовало спешно заслуживать прощение, да поторапливаться, ведь времени оставалось всего ничего — как раз до окончания «новостной программы». Это дядя, Михал Сергеич, так говорил: «Новостная, — мол, — программа».

Новости дядюшка никогда не пропускал, смотрел их утром, в полдень и вечером. А ещё очень уважал всякие политические и «остросоциальные» программы. Не те, где мужики друг друга за лацканы таскают, да соком поливают, а такие, где серьёзные дядечки в костюмах и непременно при очках обсуждают важные вопросы, вроде «демонополизации» и «конъюнктуры рынка».

Про рынок Ленка знала многое, про конъюнктуру почти ничего. Разве что вот у её кошки Тигры как-то раз глаза заболели, и ветврач Лиска сказала, что у неё конъюнктивит и велела капли капать. «Конъюнктура» и «конъюнктивит» ведь похоже, правда? А вот дядя в таких проблемах хорошо разбирался, потому как его однажды, правда, давно уже, Ленка тогда ещё и не родилась, выдвинули по партийной линии и они с супругой отбыли на жительство аж в столицу. Где ему, Михал Сергеичу то есть, выделили квартиру и машину с шофёром, а ещё обещали дачку. Правда, потом к власти пришёл другой Михаил Сергеевич[1], а дядя мышей не словил, остался верен «ленинской партии». И квартиру с машиной у него отобрали, дачку так и не дали, да и отправили обратно, в родной город, пусть и не малый, но всё же не столицу. Хорошо, хоть тут прежнее жильё оставили и не какое-нибудь, а в правильном «сталинском» доме.

Покойная же супруга Михал Сергееча — не другого, а дяди — эдакой несправедливости не вынесла и в мгновение сгорела, померла то есть. А дядюшка остался, всерьёз озаботился вопросами здорового питания, пристрастился к умными передачам и приютил совсем уж было пропадающую племянницу, девку неблагодарную, шляющуюся по вечерам где попало и имеющую всего полчаса, чтобы ужин приготовить и свою вину загладить.

***

Жарящаяся картошка пахла на всю квартиру, а, может, даже и подъезд, жирным, вредным и очень-очень вкусным. Подрумянивающиеся котлеты шкворчали уютненько и тоже пахли на всю ивановскую. А в мисочке золотилась квашеная капуста маминой засолки и глянцево поблёскивали даже на вид хрустящие огурчики, размером с мизинчик. И ещё хлеб, утром купленный горячим, прямо из печки, лежал в плетёной корзинке — красота.

Ленка вздохнула, стянула со сковородки ломтик, отвернулась к окну и, остро не любя себя за слабование, сжевала картошку, рассматривая собственное отражение в тёмном оконном стекле. Есть захотелось только сильнее, а в животе недовольно заурчало и забулькало.

Ну вот о какой диете может идти речь, когда целый день на ногах, иногда и на перекус времени выкроить не удаётся? Хорошо Миленке с кассы: она маленькая, тоненькая, прям звонкая, и жуёт одни салатные листья да яблоки. А у Ленки не получается, ей кушать хочется, и если на ночь не съесть чего-нибудь существенного, то потом снится всякое. Например, мамины пирожки с ливером и ещё с малиной. От таких снов по утрам жить совсем неинтересно становится, а хочется плюнуть на всё и домой вернуться. Первым же поездом. Или как в книжке было написано? Утренним дилижансом? Вот им и вернуться.

Ленка, критически рассматривающая собственное отражение, не заметила, когда успела огурчик уцепить, только и поняла, что хрустит. Ну откуда такая напасть? Ведь слово же дала, что к весне дохудеет до вожделенных джинсов! Очень уж ей хотелось именно джинсы заиметь, а никак не получалось, хоть и деньги на них давно отложены.

Только что поделать, если китайцы в купе с турками и прочими «медами ин итали» никак верить не желали, что при попе полноценного российского пятьдесят второго размера можно иметь талию сорок восьмого! Видать думали, что если пятую точку наела, то и на боках «плюшки» будут непременно. А у Ленки ничего такого не было и не наедала она вовсе, вот уродилась эдакой. Мама говорила: «Кровь с молоком!», а один товарищ сказал: «Лошадь гренадерская».

Ну да, с ростом уж ничего поделать нельзя, а вот уменьшить спереди и ещё сзади очень даже можно. Если только картошку жаренную на ночь не трескать. Так ведь не выходит! И джинсы остаются самой что ни на есть розовой мечтой. Брюки с юбками она поднаторела на старенькой машинке покойной тётки ушивать и даже неплохо получалось, а с джинсами-то что делать?

Хотя вон Виталику всё и так нравилось, он Ленку «моя Кардашьяниха[2]» звал.

— Явилась? — хмуро поинтересовался дядюшка с порога кухни.

Видать, ничего хорошего в новостях не показали, вот у него настроение окончательно и прокисло.

— Прости, пожалуйста, — замела хвостом нерадивая племянница. — Я тебе звонила, но ты, наверное, гулять пошёл, а потом я... Мы решили в этом месяце на ревизию не оставаться, а так потихонечку остатки посчитать, хоть по-маленькой, потом разом всё подбить. — Михал Сергеевич неодобрительно глянул поверх очков, про остатки и ревизию ему неинтересно было. — Представляешь, меня сегодня покупательница спросила, почему мы продаём творог, который уже кто-то ел. — Дядюшка приподнял кустистые брежневские брови, прошаркал к плите, подозрительно к картошке принохиваясь. — Ну, просто на ценнике написано: «Творог б/у», вот она и решила. Ну, бэ-у, значит, «бывший в употреблении», то есть, будто его кто-то уже ел. — Дядя хмыкнул как-то неопределённо, но вроде бы неодобрительно. — А на самом деле это значит, что он в бумажной упаковке, — совсем сдувшись, закруглилась Ленка. — Давай, я картошечки положу? Тебе позажаристей?

— Елена, ты удручающе глупа. Это у тебя от матери, — припечатал дядюшка и ушёл из кухни, постукивая по полу палкой — руки отправился мыть.

А племянница ничего отвечать не стала, потому что привыкла уже и ещё занята была, картошку по тарелкам раскладывала. Хотя, конечно, сама-то она придерживалась совсем другого мнения по этому вопросу. И не только она, но и мама, и Алла Николаевна — классная руководительница; и Два-на-Восемь, то есть, Сергей Палыч — директор школы; и Моисей Львович — руководитель самодеятельности, а, по совместительству, начальник Дома Творчества, бывшего Дома культуры.

Моисей Львович вообще её, Ленку, Артисткой называл. Ещё она почти выиграла «Утреннюю звезду» в районе — это конкурс такой, где поют и пляшут. И ей грамоту дали, что второе место заняла, да и то лишь потому, что победительница по-английски пела, а Ленка до такого не додумалась, хотя у неё по английскому пятёрка была, вот второе и заняла.

Так что не прав дядя, пусть и твердит вечно: «Простота хуже воровства» и ещё вот это: «Ты удручающе глупа!» Да и пусть, может, и глупа. Только в уме ли счастье? Вот сам

Михаил Сергеевич куда как умён, а жалко его. И не старый ещё, а едва ходит, да и совсем один остался, если, конечно, Ленку с её матерью не считать. Так что пусть ворчит, хоть душу отведёт.

— В программе «Здоровье» сегодня опять сказали ужасающую ересь, — сообщил тот самый вроде как несчастный дядя, о жалостливых мыслях племянницы ничего не подозревающий. — Будто есть какой-то полезный холестерин, только представь себе! Наукой давным-давно доказано, что ничего подобного не существует. Холестерин — это яд и...

Ленка машинально кивала, уписывая картошку, а котлет себе не положила — наказала за обжорство, но всё равно было вкусно и очень горячо. Оказывается, она продрогла и даже не заметила, а картошечка грела изнутри, так что тепло до самых заледеневших пяток растекалось. Да и вечер с реальностью примирял: есть вкусный ужин, а потом будет чай и ещё с полочки припасённое на случай дядюшкиной обиды специальное печенье — в жестяной коробочке. Есть привычная недовольная воркотня Михал Сергеича — не молчит, значит, не смертельно провинилась племянница и ничего такого-эдакого выдумывать не придётся, и без вызова «неотложки» ночью дело обойдётся. И скоро можно будет забраться в кровать. Вернее, сначала посуду помыть, потом простирнуть бельишко — и спать. Точнее, не так: сначала посуду помыть, потом простирнуть бельишко, погладить брюки на завтра и спать — вот так будет вернее.

— Елена, ты не слышишь? — въедливый голос дяди ворвался в сытую полудрёму, заставил встряхнуться лошадью.

— Я слушаю, слушаю, — зачастила Ленка, — вот и нас Милена с кассы постоянно про этот холестерин...

— Ты и не слушаешь, и не слышишь, — деревянно постучал пальцем о край стола Михал Сергеич. А дверной звонок, будто заранее с дядей договорившись, залился дребезжащей трелью. — Не открывай, пока не узнаешь, кто явился и зачем.

Выдранная из блаженного покоя Ленка чуть было не ляпнула что-нибудь вроде: «А когда узнаю, что нас пришли убивать, открывать можно будет?» — но, слава богу, удержалась, просто побежала к двери, на ходу пытаясь вбить ноги в летающие разношенные тапочки.

***

— Привет, — помахала ладошкой Светланка, соседка с седьмого этажа и ленкина почти закадычная подруга. Не такая, как Оксанка, оставшаяся дома, но всё же. — Твой хрыч спать ещё не лёг?

— Нет ещё.

— Пойдём, покурим? — Светланка лихо прокрутила по костяшкам пальцев тоненькую сигаретку, как фокусники монетку. И как так она умудрялась? Ведь сломаться должна сигарета-то! — Разговор есть. Серьёзный.

Лена, заглотив последний кусок огурца не жуя, как анаконда, опасливо обернулась, прислушалась. Старый чайник, только что поставленный на плиту, ещё даже посвистывать не начал, значит, минут шесть есть, закипал он долго. Зато на кухне забубнил маленький телевизор — дядюшка включил очередную передачу со строгими и жутко умными дядечками.

— Ну, пойдём. Только быстренько, ладно?

Ленка выскользнула в подъезд, не переобуываясь и дверь до конца не закрывая, чтобы

услышать, если что. Благо далеко идти не нужно было, всего-то подняться на один пролёт, там, у щелястого, вечно сифонящего окна с упорно не желающей закрываться форточкой жильцы обустроили «курилку» — поставили жестяную банку из-под оливок.

— Рассказывай! — велела Светланка, устраиваясь на подоконнике и прикуривая свою тоненькую сигаретку.

Это у них называлось «покурить». То есть подруга, по словам Михал Сергеича, на самом деле травилась ядами и канцерогенами, а некурящая Ленка дымила пассивно, то есть стояла рядом, опёршись лопатками о ледяную шершавую стену, и рассказывала «про жизнь». Или Светланка рассказывала, тут как получалось. У неё всегда выходило интереснее, потому что она была фрилансером, а по дядюшкиному мнению тунеядкой, потому как трудовой книжки не имела и в пенсионный фонд ничего не отчисляла. Писала подруга на разные сайты в Интернете и ещё в настоящие журналы про то, как соблазнить шефа или, наоборот, не дать ему; устроить любимому незабываемый вечер при свечах и похудеть к праздникам за три дня.

Сама Светланка весила под девяносто живых кило, ничуть от этого не страдала, после развода, случившегося ещё три года назад, всех мужчин поголовно считала козлами и была глубоко убеждена, что «незабываемый вечер» — это когда удаётся сплавить сына Мишку с ночёвкой к матери, то есть в своё удовольствие валяться на диване, ужин не готовить и смотреть до опупения «Отчаянных домохозяек».

— Чего молчишь? — шикарно прищурилась над дымными прядками Светланка.

— А чего говорить? — вяло отозвалась Ленка, вдруг и разом уставшая так, что даже колени помягчели.

— Ясно, укатали сивку крутые сявки, — решила подружка. — Ладно, тогда без прелюдий. Работа нужна?

— Да у меня вроде как есть...

— Ага, на рынке сопли морозить и фтюхивать наивным гражданам итальянские джинсы, пошитые в Шли Б Вы В Пень?

— Я давно уже не на рынке, а в магазине, — вяло отбилась Лена.

— Колоссальная разница, — с уважением протянула Светланка и помахала у подружки перед носом, разгоняя дым, о здоровье позаботилась, значит. — Теперь ты получаешь не три копейки, а целых пять? Ладно, слушай сюда, маза такая. Про ремонт в семьдесят пятой квартире слышала?

— А про него ещё кто-то не слышал?

— Вот и я о том же. Короче, в соседнем подъезде живёт некий Макс Петров, мой друган с детства, мы ещё в песочнице друг друга лопатками колотили и бабайки отбирали. Теперь-то он ба-альшим человеком стал, даже свою фирму заимел. «МастерОК», знаешь? — Ленка отрицательно помотала головой. — Правильно, потому что ты тёмная. Я тоже тёмная, понятия не имею, чем они там занимаются. Но не соль. Главное, что Макс решил от матушки отселиться. Говорила, что он вместе с матерью жил? Нет? Ну вот теперь сказала. В общем, подсуетился друган мой, семьдесят пятую купил, а родительнице прежнюю оставил. Умно, между прочим: вроде как под присмотром мамахен, но всё-таки в сторонке. Вот бы мне так. Как думаешь, Ленк, заработаю я когда-нибудь на такую квартиру?

— У тебя же своя есть.

— Да ну! — Светка с силой утопила окурок в банке с торчащими кривыми хвостиками «бычков». — Одно дело, когда от бабки досталась и совсем другое, когда за свои денежки

приобретено. Разницу чуешь? Знаешь, сколько в нашем доме квартирки стоят? Ну и не знай, крепче спать станешь.

— Светланк, мне идти пора, — нервно оглянувшись на дверь дядюшкиной квартиры, призналась Ленка.

— Вас понял, сворачиваюсь. В общем Макс мне тут на днях звякнул... Вот ещё одна странность, почему он с рождения Макс, а я Светланка? Не Света, не Светлячок, не Светлана Евгеньевна, заметь, а Светланка? Не знаешь? Мне вот в голову никогда не приходило его Максимом называть. Или Максиком. Или Масиком. — Подруга хихикнула. — Ладно, ладно, не нервничай, уже перехожу к сути. Короче, ему нужна женщина, чтоб за матушкой присматривать. Ничего особенного, прибраться, поесть приготовить, много ли одной старушке надо? Развлечь там ещё, погулять вывести. К ней медсестра ходит, но та по медицинской части, а требуется эдакая помесь домрабы с компаньонкой. Платит Макс очень прилично, поверь.

— Ну не знаю, — засомневалась Ленка. — Вот так срывать? А если у меня не получится?

— Что там может не получиться? — фыркнула Светланка.

— Вдруг характерами не сойдёмся?

— Ты же не замуж за Макса собираешься. А мать у него мировая старушенция, я тебе говорю. К тому же от тебя никто не требует немедленно подписывать контракт кровью. Ты как в своей богадельне работаешь, два через два? Вот в выходные и сходи, попробуй. Не выйдет, так свалишь, зато хоть чуть-чуть, а подзаработаешь. Ну чего, я звоню Максусу?

— А звони! — чувствуя молодецкую удачу, махнула рукой Ленка. — Попытка не пытка, да?

— Это смотря какая попытка, — охладила её пыл Светланка, выуживая из кармана халата телефон. — Макс, привет! — сладко разулыбалась подруга трубке. — Нашла я тебе порядочную женщину. Да какая мигрантка, ты чего! Зовут Лена, фамилия... э-э... — Светланка накрыла телефон ладонью и зашипела по-змеиному. — Слушай, у тебя как фамилия?

— Старообрядцева.

— Ого, — почему-то уважительно протянула подруга и опять зачастила в трубку. — В общем, русская она, посконная. Там сами разберётесь. Макс, ну какая разница, старая она или нет, чай не курица, не на ужин берёшь. Нет, не девочка. Хотя я не проверяла, конечно. Да поняла я, в каком смысле! Ну двадцать два, двадцать три. Пойдёт?

Ленка натянула рукава свитера на замерзшие пальцы, сунула руки подмышки, опёрлась затылком о холодную стену, закрыла глаза и затосковала, старательно не вслушиваясь в светланкин трёп.

Помнится, мама говорила, что у каждого человека есть свой ангел-хранитель. И если не обижать его, то он всегда поможет, из беды выручит, и самую-самую заветную мечту исполнит. Ленка очень старалась своего хранителя не расстраивать, только вот ангел ей достался то ли слишком суровый, то ли ленивый, то ли вообще какой-то бракованный: помогать не спешил, а на мечту и вовсе плюнул. Или просто мечта была неправильная? Или это сама Ленка какая-то не такая? Сложно всё...

Эх, на траве двора да лежат дрова. Чтоб им пусто было.

***

В некоторых книжках пишут: «Сражён наповал», мол, так чего-то героя или там

героиню удивило, что у него аж ноги отказали. В принципе, Ленка верила, что эдакое на самом деле случается, вон в родном Мухлово дело было. У соседки Степановны муж уж как пил, не просыхал просто. Ну она, отчаявшись растолковать супругу весь вред пьянства подручными средствами, то есть всем, что под руку попадёт, начиная от полотенца и заканчивая кочергой, отправилась к местной бабке-ворожее, а та и насоветовала: «Поймай, — говорит, — ужика, да сунь мужу в штаны, пока дрыхнет. Тот проснётся, пойдёт до ветру, портки-то сымет, как увидит змею, так и испугается, что до чертей допился». Ну, Степановна так и сделала, а случилось всё по бабкиному. Муж-то соседкин, змею увидев, мигом «наповал сразился», потому как жена для надёжности не ужика, а гадюку запихала. Почему та мужика не кусанула, бог весть, пригрелась, наверное. А сосед и впрямь пить бросил, только с тех пор разговаривал невнятно и ногу приволакивал. Не восстановился ещё после инсульта.

Вот и Ленку, как того героя или соседкиного мужа чуть наповал не сразили. Никак она не ожидала, что дверь — громаднейшая, под самый потолок; да ещё с бронзовой ручкой, украшенной бронзовым же кулаком, сложенным в кукиш; да ещё с блестящей табличкой в вензелях, на которой было причудливо выведено «Петров А.И.» — откроется так неожиданно. Обычно-то хоть шаги слышно по ту сторону, а тут даже звонок не зазвенел, когда Ленка на него нажала, вот она и подумала, что сломался. Собралась стучать и чуть по лбу не заработала, едва отскочить успела.

Что-то не складывалось у неё в последнее время с чужими дверьми.

— Ну? — совсем недружелюбно спросила дебелая тётка, нарисовавшаяся на пороге.

Одета она была почему-то в спортивный костюм и ни на старушку, ни на Макса, владельца чего-то там, не походила категорически. Скорее уж на борчиху или, допустим, метательницу ядра.

Ленка оробела.

— Кто там, Махрутка? — раздался из глубин квартиры звонкий девчачий голос.

— Не знаю, — пожалала могучими плечами «борчиха», — девка какая-то.

— Девка? Девка — это интересно. — Ленка вытянула шею, пытаясь рассмотреть что-нибудь за тёткой, и увидела край здоровенного, явно старинного зеркала, кусок какой-то тумбочки под ним, а на ней, на тумбочке, то есть, гигантского кота. Даже и не кота, а целую рысь, у него и кисточки на ушах имелись. — Давненько к нам девки не заходили, — сказал кот и захлопнул пасть.

— Здрасти, — сперепугу выпалила Ленка, судорожно пытаясь сообразить, могут ли кошки разговаривать девчоночьими голосами или всё же нет.

Книжки утверждали, что могут. По крайней мере, некоторые — некоторые утверждали, а некоторые разговаривали.

— И тебе не хворать, — пробасила «борчиха» и канула куда-то за дверь, оставив створку открытой.

Кот сидел на трюмо, явственно мерцал янтарными глазами и больше пока ничего не говорил. Ленка облизала пересохшие губы, переступила с ноги на ногу и глянула через плечо. Путь для отступления пока был свободен.

— Что ж вы на пороге-то застыли? — спросил опять, кажется, странный кот.

Хотя нет, не кот, тот как раз тоже куда-то пропал, спросила женщина, очутившаяся на его месте. Вернее, не совсем на его, на тумбочку она забираться не стала, рядом стояла. Правда, ростом она была чуть-чуть побольше зверюги, а Ленке гладко причёсанной

макушкой едва ли до подбородка бы достала.

— Так не приглашали, — растерянно пробормотала Лена, рассматривая лилипутку не лилипутку, но Дюймовочку точно.

— Смотри ты, какие политесы и в наше-то время! — фыркнула женщина и шагнула вперёд. — Ну давайте знакомиться, меня зовут Элиза Анатольевна. Только не вспоминайте Бетховена, я вас умоляю! А вы, я так понимаю, Елена?

Ленка кивнула и аккуратно пожала протянутую ладонь, во все глаза таращась на старушку. Хотя какая там к чёртовой старушка, чего там Светланка буровила! Разве бабушки носят брюки, блузки с бантами у горла и туфли на каблуках, да ещё дома? И где вы видели старушек с маникюром и подведёнными глазами и напомаженными благородно-розовым губами? Да ещё перстень на пальце, как в кино про мушкетёров и серьги такие же. А пахло от неё непонятным, но явно очень дорогим. А ведь бабкам положено пахнуть щами, на худой конец пирогами.

— Да вы, я смотрю, никакая и не Елена, — вроде бы насмешливо прищурилась непонятная Элиза Анатольевна, — а самая настоящая Елена Прекрасная. Ну-ка, идите сюда, на свет.

Старушка, которая вовсе не старушка, вцепилась в запястье Ленки с совсем не дряхлой силой, потянула и вытащила, как морковку, куда-то, где света оказалось так много, что невольно пришлось зажмуриться.

— Ма-акс! Макс, иди сюда, немедленно! Нет, ты видел такое? Половчанка! Княжна! Ярославна и Анна в одном лице! И это в наших-то сугубо средних широтах, затоптанных монголами и прочими французами.

— Мама, перестань, — раздалось раздражённое откуда-то из-за сияющей пелены.

— Что «мама»? Скажи, я не права? Да у неё коса в твою руку.

— У неё нет косы.

— А если бы заплела косу, то она была толщиной с твою руку.

Ленка, наконец, проморгалась, и первым, что увидела, стал давешний кот, растянувшийся всей тушей на огромном кожаном диване — нормальных человеческих размеров в этой явно ненормальной квартире, кажется, не признавали. Кстати, диван тоже был ненормальный, почему-то с деревянной полочкой на спинке и зеркальцем над ней. А рядом с ним, с диваном, то есть, стоял мужик: очень сердитый, глядящий исподлобья и голый по пояс.

— Здрости, — повторила Ленка, воровато отводя глаза.

Ну не пялиться же на всяких разных, неприлично!

— Ну-ну, — непонятно буркнул полуголый и отвернулся, продемонстрировал смуглую, худую и жилистую, как у грузчиков на рынке, спину. А ещё волосы, стянутые в совсем коротенький хвостик. Уж лучше бы постригся по нормальному, чем такой куцый таскать. Или он шевелюру отращивал, как байкер?

— Не обращайтесь на него внимания, — Элиза Анатольевна опять ухватила Лену за запястье, — он не выспался и потому злится на весь свет. Да ещё голодный, а, как известно, нет ничего хуже голодного мужчины. Но почему-то кашу, которую мне Махрутка варит, сын наотрез отказывается есть. Хорошая же каша, овсяная, на воде, без соли и сахара. Очень полезно для фигуры и печени. Ма-акс, хочешь каши? — крикнула «старушка» так неожиданно, что Ленка вздрогнула.

— Идите все к чёрту, — отозвалось приглушённо откуда-то издалека.

— Так, может, что-нибудь приготовить? — робко предложила Ленка.

— А у нас не из чего! — радостно сообщила Элиза Анатольевна. — Есть только кошачьи консервы и овсянка.

— А мне не плотют, чтоб я ещё и по магазинам бегала, — тоже издалека, но поближе, прогудела «борчиха».

— А тебе сколько раз предлагали платить? Сама же не желаешь.

— А я не нанималась сумищи таскать! Один ваш троглодит сколько жрёт? Всё жрёт и жрёт, разожрался совсем.

— Это ты про Макса? Ма-акс, слышал? Махрутка говорит, ты нас вконец объел.

— Да не! Чего я, дура какая, про Макса Алексеевича такое говорить, да чтоб он услышал? Про бегемота вашего речь-то веду.

— Он не бегемот, а кот.

— Чего я, котов не видела?

Лена постояла, поскребла ногтём кончик носа, да и потопала искать кухню.

— Мам, я пошёл, — давешний мужик, на ходу завязывающий галстук, но уже в рубашке, вывернул из-за какого-то угла неожиданно, совсем по-хамски задев Ленку плечом.

Глянул сверху вниз сердито — оказалось, что он выше едва не на полголовы, а она сразу и не заметила, — хмыкнул непонятно и, обойдя её по широкой дуге, будто заразную, опять исчез.

И вот чем, спрашивается, не угодить успела? Правильно в каком-то фильме сказали: у богатых свои причуды. Ну да и пёс с ними.

[1] Имеется в виду Горбачев М.С., последний Генеральный секретарь ЦК КПСС, первый и единственный президент СССР

[2] Ким Кардашьян — американская звезда реалити-шоу, актриса, фотомоделль, получившая известность, в том числе, благодаря выдающимся ягодицам.

Зима в этом году выдалась какая-то не местная, будто забрела случайно с Северного полюса или из Сибири. Ни тебе привычной городской слякоти под ногами, ни дождя мелкой колкой крупкой на голову, зато снег который уже день валил крупными картинными хлопьями, притом ещё и подмораживало эдак всерьёз, даже в углах пластиковых окон инистый узорчик нарисовался. И выбегать на улицу, чтобы на звонок ответить, совсем не хотелось, но пришлось, потому что Светланка так и будет наяривать, пока не отзовёшься, а в магазине телефон даже доставать нельзя, Митрофанова, администраторша, мигом оштрафует «за простой», да ещё хозяйке нажалуется.

— Ну что там у тебя? Только побыстрее, времени совсем нету, я на минутку выскочила, — выдохнула Ленка, воровато прикрывая телефон ладонью и натягивая куцую куртейку, в которой товар разгружала, на голову, чтобы уши не поморозить.

Облачко пара на секунду повисло перед носом и растаяло, словно дразнясь. Дома, наверное, сейчас тоже снег валит, Мухлонька вся белая, только тропка на другой берег синее. А мама, наверное, уже купила у егеря дяди Славы ёлку. Или ещё нет? До Нового-то года всего ничего осталось, а с другой стороны, не так уж и мало, две недели почти...

— Некоторым всегда некогда, — протянула Светланка. Хорошо ей в интернетах сидеть, не холодно совсем. — Ну что, устраивают тебя Петровы?

— Конечно, устраивают, — с энтузиазмом отозвалась Ленка, переступая «рабочими» сабо, так и норовящими свалиться и утонуть в снегу, на ногах-то носки толстые, самовязанные. А как иначе? В магазине вечный сквозняк по полу, а в ботинках нельзя, Митрофанова ругается.

— Ну да, о твоих трудовых подвигах я наслышана, — хмыкнула подруга. — Элиза уже звонила и горячо благодарила, что я нашла такую «золотую девочку». Квартиру вылизала, всех накормила, пшено перебрала и розы посадила. Как тебе старушка, кстати? Мировая бабка, согласись.

— Никаких роз я не сажала. И Элиза не бабка, она классная, ты не представляешь просто! Мы когда пили чай с ней и Махруткой...

— Кто есть Махрутка?

— Да это «борчиха», то есть Марина, сиделка. Или медсестра, что ли? В общем, она Элизе Анатольевне уколы делает и массаж. А ещё давление с сахаром меряет каждый день.

— Ответственная работа, — оценила Светланка. — Ну так и что случилось, когда вы чай гоняли?

— Она нам про алмазы рассказывала. Ну, например, как отличить подделку от натурального. А ещё, представляешь, существуют дуплексы! Это когда верхняя часть камня настоящая, а нижняя, та, что в зажимах, например, кольца, фальшивая. На них ещё бывает клеят зеркала, чтобы...

— Актуа-альная информация, особенно для меня. Когда в следующий раз пойду покупать алмазы, непременно воспользуюсь.

— Да ну тебя! Это же на самом деле любопытно очень, — обиделась Ленка. — Элиза Анатольевна столько знает и так рассказывает интересно.

— Ясно, в придачу к дядюшке я тебе всурипила тётушку. Лен, ты только не забывай у Макса денежки брать, ладно? Любовь любовью, а денежки — это в нашей жизни главное.

— Какая любовь? К кому любовь? — перепугалась Ленка.

— Ну не к Максусу же. Это в его матушку ты, похоже, влюбилась.

— Это да...

— «Это да» что?

— Знаешь, Светланка, — Лена оглянулась, не слышит ли кто, почти совсем спрятав трубку в ладонях, залезла в куртку поглубже — я этого вашего Макса боюсь. То есть, не совсем боюсь, но так... побаиваюсь.

— Кусается? — деловито уточнила подруга.

— Ещё нет, но почти. Он, похоже, вечно злой, как чёрт. Я, правда, его всего два раза видела, в первый и вчера ещё. Пришёл аж серый весь, ну видно же, что устал. Я ему говорю: «Давайте ужин подогрею», а он как зыркнет! Вот честное слово, у меня сердце в пятки ушло.

— Да-а, тяжела ты жизнь коммерсанта. Но не трусь зря, он даже и не лает обычно. Интеллигенция, понимаешь! Не то, что мы с тобой, крестьянская кость.

— Это ты кость?

— Девушка, а, девушка, вы из магазина? — слышалось сбоку деловитое.

Ленка не сразу догадалась обернуться. Подойди кто сзади, со стороны чёрного магазинного хода, она бы, конечно, не удивилась. Но как раз сзади-то никого и не было, только тяжёлая, оббитая стальными листами дверь, подпертая ломиком, чтобы не захлопнулась. Справа глухая стена автобазы, возле неё переполненные мусорные баки, подванивающие гнильцой даже на морозе. Слева наглухо закрытые ворота, прямо ещё одна стена, но уже складская.

— Девушка, я вас спрашиваю! — нетерпеливо напомнила дама в норковой шубе до пят и норковой же шляпе.

— Меня? — невесть зачем уточнила Ленка, оглядываясь на чернеющий коридор за железной дверью. И откуда это тётка только взяться могла? Главное же, на снегу никаких следов, кроме утоптанного Леной же пяточка. — Я да, я из магазина.

— Девушка, посмотрите на меня вменяемо! — строго велела дама. — У вас в магазине авокадо есть?

— Чего?

— Авокадо. Это фрукт такой.

— По-моему, это овощ.

— Так есть или нет?

— Свет, я тебе перезвоню, — быстро шепнула в трубку Ленка.

— Э-э, погоди, не отключайся! Я тоже хочу про авокадо послушать! — развеселилась подруга.

— Авокадо, девушка! — напомнила дама, сурово сведя выщипанные в нитку брови.

— Да, есть. Кажется. Вы в овощном отделе спросите. — Ленка почесала бровь и всё-таки добавила: — Вход в магазин с той стороны.

— А они у вас откуда?

— Кто? — вытаращилась Лена.

— Авокадо же, девушка!

— Ща, минуточку! — шепнула в трубку Светланка и защёлкала чем-то, наверное, по компьютерной клавиатуре забарабанила. — О! Из Кении.

— Из Кении, — послушно озвучила Ленка.

— А они свежие?

— Вчера на пальме росли, — просуфлировала хихикающая подруга.

— Вы спросите в овощном отделе, ладно? — предложила Лена, кривовато улыбаясь. —

Они там лучше знают.

Дама величественно кивнула шляпой.

— Вам бы девушка тоже авокадо поест, — сообщила она снисходительно. — Аллигаторова груша богата фолиевой кислотой, которая позитивно влияет на работу нервной системы и повышает стрессоустойчивость.

— Какая груша?

— Авокадо так называется, темнота, — хрюкнула сквозь смех Светланка. — Что это сейчас было?

— Покупательница, — задумчиво протянула Ленка и огляделась. Дама исчезла, будто никого и не было. Правда, теперь следы остались, только вели они, почему-то, к мусорным бакам. — Груши грушами, а вот яблок Элизе Анатольевне купить надо.

— Я думала, ты хотя бы сегодня ко мне заскочишь. Посидели бы, потрындели.

— Не, сегодня никак не могу, — призналась Лена, тряхнув головой и решив, что загадочная дама внимания не стоит. — Я после работы с Виталькой в кино иду. В торговый центр на Ленина, знаешь?

— О, господи! — тяжело вздохнула подруга. — В кино, да ещё в торговый центр, да ещё с Виталькой. И как тебя угораздило, Лен?

— Да чем он тебе не нравится? — мигом разозлилась Ленка.

Догадаться, что подруга в виду имеет, было совсем несложно. Не первый раз у них разговор в эту степь заезжал.

— Ну-у, даже не знаю. Может тем, что твой Виталька натуральный быдлоконь? — предположила Светланка.

— Ничего он не такой! Просто простой парень.

— Вот именно, что «просто простой». Мужчина с нашего двора. Лен, скажи честно, на кой фиг он тебе сдался?

— Всё, Светланк, пока-пока! Меня зовут, — протараторила Ленка, нажимая на кнопку, потому что, во-первых, ей на самом деле была пора бежать, отпросилась-то на минуточку, а сама вон сколько проторчала.

Во-вторых же, потому, что связного, а, главное, правдоподобного ответа на сакраментальный вопрос подруги у неё не было. Аргумент, мол, у каждой женщины должен быть мужчина, ну хоть какой-нибудь, зато свой собственный, Светланка принимать категорически отказывалась.

Эх, Карл у Клары украл рекламу, а Клара у Карла украла бюджет. Сложна штука жизнь.

***

Фильм оказался на удивление скучным, Ленка почти сразу перестала понимать кто из скачущих на экране «наш», а кто «не наш» и чего им всем друг от друга нужно. Какие-то роботы, которые вдруг превращались в грузовики и обратно, разносили небоскрёбы в крошку и, кажется, это и была их главная задача. Почему грузовики, а, например, не автобусы или, скажем, экскаваторы? И небоскрёбов жалко: строили, строили и на тебе! Прискакал, вернее, прикатил какой-то грузовик и всё порушил. Да ещё звук, который, конечно, был «долби сураунд» на самом деле долбил по ушам кувалдой.

Зато Виталику фильмец очень нравился, а это уже хорошо. Во-первых, Лена была искренне за него рада. А, во-вторых, Виталя, увлечшись грузовиками, радостно гыкал,

трескал попкорн, тянул вонючее пиво, а к Ленке с поцелуями и лапаньем не лез. Обычно-то возлюбленный предусмотрительно покупал билеты на задний ряд, где, как всем известно, располагаются специальные места для поцелуев. Можно подумать, целоваться больше негде! Да не очень-то Ленка любила это дело и не понимала общих восторгов: мокро и слюняво, а никаких бабочек в животе нету. Но вот так её любимый романтику понимал, что уж тут поделаешь? Ведь и хуже случается. Например, Светланкин бывший муж на последнее их совместное восьмое марта подарил благоверной веточку мимозки и надрался в хлам в честь международного женского дня — вот вам и романтика! Так что Виталик с его местами для поцелуев ещё не самый худший вариант, нет, точно не худший.

К тому же бизнесмен, два тонара[1] на рынке держит, «молочкой», между прочим, торгует, не водкой. И собирается магазин открыть, то есть мужчина с перспективами. И рыночные девчонки Ленке обзавидовались, когда она с Виталиком «захороводила». Наш, отечественный, что на рынке случается не часто — это раз, при деньгах — это два, свою квартиру имеет, от родителей досталась — это три, почти не пьёт — это четыре, по бабам не таскается — пять. Чем не жених? Правда, Светлана его почему-то иначе как «быдлоконь» и не называла. Но она вообще мужчин не слишком жаловала, у неё травма.

— Ну чего, может, ко мне завалимся? — предложил Виталик, деликатно рыгнув пивным духом в кулак, когда роботы-грузовики окончательно сравняли небоскрёбы с землёй. — Шампусика купим. Моя зайка хочет шампусика?

«Зайка» не хотела, да и с пониманием шампанского у неё выходило примерно как с поцелуями, то есть не слишком ясно, от чего восторги испытывать.

— Да нет, Виталь, мне ещё к Элизе Анатольевне заскочить надо, — пробормотала Ленка, стараясь побыстрее выбраться из тесных рядов кресел.

Не успела. Любимый её всё-таки выловил, правда уже в проходе, и привычно руку на плечо забросил. Пришлось так же привычно подгибать коленки и приспособливаться, пытаться идти на полусогнутых. Опять-таки, что тут поделаешь, если большинство мужчин ростом с ней поспорить никак не могли и Виталик не исключение? А что влюблённые ходят в обнимку, так это же естественно, как и лапаться на последнем ряду в кинотеатре. Романтика, чтоб вы понимали.

— погоди, зайк, я сбегая, отолюю, — Виталик клюнул Ленку сухими губами в скулу. — Пиво просится наружу, количество выпитого равно количеству выпитого.

Любимый гоготнул, довольный, шуткой и потопал, куда стрелочка с мальчиком и девочкой указывала. А Ленка осталась стоять, где была — неудобно, на проходе. И ведь не отойдешь, если вернувшийся Виталька её не найдёт, сердиться станет.

— Чего раскорячилась, кобыла? — какой-то шпендель, густо покрытый прыщами вследствие нежных шестнадцати лет и неумеренной любви к заморской газировке, больно пихнул локтём и глянул победительно.

Ленка тоже посмотрела — сверху вниз, вздохнула и всё-таки отошла в сторонку. Ну не связываться же с обормотом! А Виталька сам виноват, приспичило ему, видишь ли. Пива надо меньше дуть! Пусть теперь ищет.

Внизу, под стеклянным балкончиком, люди сновали, как муравьи: деловито так, осознанно, будто у них важнее дел нет, как только по магазинам бегать. Слева, от кафешек — вернее от футкорта, о как! — вкусно тянуло сытным духом. На первом этаже не слишком завлекательно, уныло даже, обещали купившим сколько-то там сахару губку для мытья посуды в подарок. В спину бил сердитый мужской голос, требующий пройти зрителей в

кинозал. Вверху, почти над самой головой, чуть подрагивал на совсем не чувствующемся сквозняке огромный плакат. Мужчина, чем-то смахивающий на Макса, такой же сердитый, в костюме и при галстукe, рекламировал, похоже, часы. Только вот часы были как будто отдельно от красавца, и Ленка бы такие ни за что не купила, уж слишком хмурым выглядел мужик.

— Ты куда девалась-то? Ищу, ищу тебя, — Лена обернулась к Виталику, на ходу застёгивающему ширинку, словно у него в туалете на это времени не хватило, и ничего не сказала. Он же сам виноват, бросил её! — Я тут вот что подумал, зай. — Любимый наладился опять ей руку на плечо положить, но Ленка ловко увернулась, нагнулась, будто понадобилось шнурок на ботинке поправить. Кто его знает, помыл он эту самую руку или тоже не успел? — Бросай ты свою возню с бабкой и дело с концом.

— Чего бросать? — не поняла Лена, теребя туго затянутый шнурок.

— Ну, эту свою старуху. Меня ж пацаны засмеют, если узнают. Чего за дела, моя баба в полумойках ходит, за чужими дерьмо подтирает.

— Ты чего, Виталь? Ни за кем я ничего не подтираю. Элиза Анатольевна очень хорошая, весёлая и совсем не старая. Давай я вас познакомлю? Она говорила уж, что б я своего парня привела...

— Давно ты её знаешь, чтоб говорить, хорошая или нет? — молодым бычком насупился Виталик.

— Две недели, ну и что? Сразу же видно...

— Если б она тебе квартиру отписала, так я б понял. А так, задарма! Нет, зай, бросай, я сказал. Ясно тебе? Чего тебе, в магазине хреново работается?

— А то ты сам не знаешь! — Ленка почему-то так и не додумалась встать, ругалась — ведь они впрямь ругались, всерьёз, между прочим, первый раз за год — сидя на корточках. — Макс мне обещал платить в два раза больше, чем в магазине.

— Какой он тебе ещё Макс! — совсем взбеленился Виталик. — И обещал не значит заплатит, меня-то не лечи, я знаю, как это делается!

— Не просветите? — раздался за спиной сердитый голос. — А то я, как лох последний, всегда плачу, что обещал. Видимо зря.

Ленка, так и не встав, развернулась на пятках, уставившись на явно не к добру упомянутого Макса.

— Это ещё что за чмо? Ты его знаешь, зай?

— Здрости, Макс... э-э... Алексеевич, — выдала Ленка.

— Добрый день, Лена.

Работодатель глянул на неё мельком и без особого интереса. Кстати говоря, выглядел он как угодно, но только не... Тем, как его Виталька назвал. И впрямь хоть сейчас на плакат, чтоб он отдельно, а часы отдельно, а всё вместе стильно до невозможности. Да и в руках он держал чёрный пакет с солидным золотым вензелем, будто, отрекламировавшись, уже успел отовариться. Лишь кожаная куртка с большим мохнатым воротником, совсем к костюму не подходящая, несколько портила образ.

— А вам, молодой человек, на правах старшего товарища я дам совет: если не хотите, чтобы ваша девушка работала, необходимо обеспечить ей соответствующий уровень жизни.

— Чего? — озадачился Виталик.

— Бабки заколачивай и не жмотся, — расшифровал Макс.

— Чё-о? — угрожающе протянул Виталька. — Да я тебя!..

— Спарринг прямо тут устроим? На радость охранникам? — поинтересовался ленкин работодатель, едва заметно усмехнувшись, отчего его лицо стало ещё неприятнее. — Я почему-то так и думал. Лена, вас подвезти?

— Мне ещё надо в магазин заскочить, я хотела Элизе Анатольевне яблок купить и...

— Надо, значит, заскочим, — кивнул Макс и... подал ей руку, помогая встать!

Ну точно как в каком-нибудь фильме!

— Ленка! — приказным тоном рявкнул Виталька, — иди сюда!

Прозвучало это почти как: «К ноге!»

Мама говаривала, что выйти из себя очень легко, а вот войти обратно трудно. Маленькую Ленку эта невинная, в общем-то, фраза, очень пугала. Было в ней что-то от света в конце туннеля и фильма «Полтергейст», который они с Оксанкой сдуру посмотрели, когда никого из взрослых дома не было. Наверное, поэтому Лена, даже выросши, из себя старалась не выходить. Но ведь есть вещи посильнее детских страхов и собственных принципов. Гордость, например. Правда, её обычно предпочитала дремать, лишь иногда просыпалась, позёывая и, как правило, тут же опять благополучно засыпала.

— Я кому сказал? — рыкнул доведённый до белого каления Виталька, а Макс вопросительно приподнял брови.

Как в фильме, так как в фильме, чёрт с вами!

— Я буду вам очень благодарна, если вы меня подвезёте, — вывезла Лена и почувствовала, что стремительно краснеет, даже щекам жарко стало.

***

— Пристегнитесь, — приказал Макс.

— Я не умею, — честно призналась Ленка, никогда таких машин не видавшая.

Нет, видеть-то она их, понятно, видела — на улицах. А вот кататься в таких — чтоб пахла кожей и ещё чем-то жутко приятным, чтоб на панели и у руля настоящие компьютерные экранчики, чтоб женский голос вежливо напомнил закрыть дверь — не доводилось. Того гляди в работа превратится.

Макс над ней насмехаться не стал, усмехаться тоже, чего Ленка откровенно опасалась, просто перегнулся — пришлось спешно втягивать живот с грудью — и пристегнул сам.

— Прошу прощения, минуту! — сказал непонятно к чему, выудил из кармана куртки истерично заливающийся светом телефон и вдруг... зачирикал, по-другому не скажешь, такого языка Лена тоже никогда не слышала.

Правда, чирикал недолго, на самом деле с минуту, примерно.

— Что вас так удивило? — спросил Макс, выруливая с парковки.

Между прочим, подземной, опять же как в кино. Вообще, всё происходящее уж слишком что-то напоминало.

— На каком это языке вы только что говорили? — буркнула Ленка, с чего-то разозлившись.

И ведь непонятно с чего, а, главное, на кого.

— На китайском. Хотя я больше матерился, чем разговаривал.

— На китайском матерились? — тяжело поразились Лена. — А зачем?

— Потому что партнёр сроки поставки срывает, — как ни в чём не бывало, пояснил Макс. — А на матерном все лучше понимают, что китайцы, что русские.

— И чего он вам не поставил?

Петров снова глянул на неё эдак быстро, вскользь, но, кажется, ему стало смешно, хотя

он даже не улыбнулся. Просто у глаз появились такие смешливые морщинки.

— Мономеры акриловых сополимеров, — ответил совершенно серьёзно.

— А-а, — протянула Ленка, не сообразив ничего умнее.

— Точно, ничего интересного. У нас производство, Лен, краски делаем. Ещё шпатели всякие, тару для той же химии, тазики. Никакой нефтяной трубы и алмазов.

— Только вы своими красками очень гордитесь, — помолчав, всё-таки сказала Ленка, старательно глядя в боковое стекло, за которым мелькали жёлтые пятна фонарного света и косой снег.

— С чего ты... Прошу прощение, с чего вы взяли?

— Лучше на ты. Вернее, вы ко мне лучше на ты, а я вас, конечно, на вы буду. Мне так привычнее.

— А на вопрос ты не ответила.

Ленка пожалала плечами. Чего тут говорить? Всё же слышно по его тону. Помолчали. Там, снаружи, по-прежнему мелькали полосы света, перемежающиеся короткими полосками темноты, будто бесконечная жёлто-серая зебра тянулась. «Дворники» мотались по стеклу, как маятник, сбивая снег в пластинки.

— Чёрт, — проворчал Макс, растирая костяшкой пальца глаз. — Лен, поговори со мной о чём-нибудь, а то я сейчас усну. Пожалуйста.

— О чём?

— О чём хочешь.

Ленке ни о чём не хотелось. Ей было жутко некомфортно, даже немного страшновато, а ещё стыдно и тоскливо. Зря она так с Виталькой, он же, на самом-то деле, ни в чём не провинился, ну, сморозил глупость, с кем не бывает? Ему же действительно, наверное, важно, что там пацаны скажут. Наоборот, надо было его защитить, послать этого Макса породному, а она за ним потопала зачем-то. Разве хорошо?

— Лен?

— Почему вы куртку носите? — спросила Ленка первое, что в голову пришло.

— А что я ещё должен носить? — явно удивился Макс.

— Ну, пальто. Такое длинное, чёрное. Оно же костюму больше подходит.

Не в силах подобрать достойного описания, Лена изобразила руками что-то такое, должное изображать то самое пальто.

— Машину водить в куртке удобнее. Остальное мнётся, да и мешается.

— А у вас разве водителя нет?

— Нет у меня никакого водителя и охранников тоже нет, — вот теперь он точно улыбнулся. — И по магазинам хожу сам, хоть и не часто. Сегодня вот пришлось. У нужного человека юбилей, надо было подарок подходящий купить.

— А секретаршу послать?

— Лен, у меня такая секретарша! — Коротко и совершенно неожиданно хохотнул Макс. — Она сама кого хочешь пошлёт! Величать её Суламиф Рудольфовна. Сокровище, а не секретарша, сто ке-гэ чистого золота. Зовет меня «мой мальчик». Ну это наедине, естественно.

— Так вы, значит, никакой не миллиардер?

— Представь себе. И фамилия моя не Серов. Да и тебя вроде не Настей звать[2].

— Разве мужчинам положено такие книжки читать?

Стыд, тоска и всё прочее куда-то вдруг подевались, прихватив с собой острое чувство не

своей тарелки, зато Ленка неожиданно развеселилась, даже развернулась вкресле, бросив тарашиться в окно.

— Ну, не знаю, как другим, а мне было именно что положено, — отозвался Макс. — На тумбочку. Одна моя... гм!.. Одна знакомая забыла. Ну вот я и... ознакомился, когда не спалось.

— Предложение руки и сердца сделали? — серьезно поинтересовалась Ленка.

— Зачем?

— Такие книжки просто так на тумбочках у... знакомых не забывают.

— Тебе-то откуда знать? — снова усмехнулся Макс, а потом вроде как задумался, кашлянул, опять потёр уголок глаза. — М-да, мне как-то в голову не пришло. Нехорошо получилось. Откуда ты взялась на мою совесть такая умная?

— Из Мухлово.

Ленка-то, понятно, ожидала, что он начнёт переспрашивать, мол: «Откуда, откуда?», или засмеётся, или выкинет ещё что-нибудь эдакое, но ошиблась.

— А здесь чего забыла? — просто спросил Макс и опять глянул быстро.

— Актрисой стать хотела. Приехала поступать.

— У нас? За этим делом всё больше в Москву, вроде, рвутся. А ты, считай, триста километров не доехала.

— В Москве бы я точно не поступила, а тут училище. Колледж культуры.

— И как у тебя с культурой?

— И никак.

Настроение, только что вполне радужное, моментально съехало куда-то вниз, а от веселья ни следа не осталось. И что это с ним, с настроением этим? В последнее время скачет, как мартовский заяц.

— Мог бы сам догадаться, — буркнул Макс под нос и опять посмотрел на неё, но теперь взгляд подольше задержал, то ли рассматривая, то ли оценивая.

В общем, неприятно так глянул, а смешливость и он, кажется, подрастерял. И ведь вроде бы ничего такого не случилось, всё так хорошо шло, сидели, болтали, а тут на тебе! Нет, жизнь на самом деле сложная штука, даже если на секунду примерещится, будто она стала как в кино или книжке. Ну и правильно, и нечего фантазировать. Прав дядюшка, когда говорит, что надо жить реализмом. Вот ей, Ленке, как раз реализма всегда и не хватало.

***

— Макс, это ты? — Всё-таки слух у Элизы Анатольевны был замечательным, даже и не для её возраста, а вообще, в общечеловеческом таком смысле. Услышать, как ключ в замке поворачивается — это ещё умудриться надо. — Что-то рано сегодня.

— Нет, это не я, — буркнул почтительный сын, стаскивая ботинки, и тут же пояснил, повысив голос. — Это мы.

— Мы-ы? — изумились из комнаты.

А на пороге появился рыжий котиче с дивным именем Людвиг фон Легштенкопф, попростому Люк, таинственно блеснул глазами, даже, кажется, фыркнул снисходительно так: «Всё с вами понятно, люди!», распушил павлином хвост и бочком, совсем, вот совершенно незаинтересованный в происходящем, потёрся о притолоку.

— Мы — это кто? — уточнила Эльза Анатольевна, появляясь в коридоре вслед за котичей. — А, здравствуй, Леночка.

Очки она сняла, сунула дужку в зубы, глядя исподлобья и вроде бы так же мерцающая

глазами, как Люк. Наверное, ей тоже всё стало моментально понятно. А Ленке остро, просто до судорог в желудке, захотелось оказаться где угодно, но только не в этой громадной, забитой странной, будто только что из музея вынесенной мебелью.

И чего она, дура деревенская, припёрлась? Вот сейчас хозяйка — а она хозяйка, именно что хозяйка, никакая не тётушка, — спросит о том же и что отвечать? Я о вас позаботиться решила и вот Макс меня на машинке прокатил? Нужна им такая забота! А с Максом на машинках кататься рожей не вышла. И ведь будут правы, сто раз правы! «Елена, ты удручающе глупа!»

— Я вот... яблочек принесла, — жалко проблеяла Ленка.

— Яблочки — это хорошо, это железо, — одобрила Элиза Анатольевна. — Но ты же после работы, верно? Значит, надо поесть. Ничто так не примиряет с жизнью, как сытный и вредный ужин. Макс, ты с нами?

— Да нет, мам, — крикнул откуда-то из глубин квартиры работодатель, неведомо когда успевший смыться из коридора и от ленкиного позора. — Я на минуту, только рубашку переодеть и снова уматываю.

— Значит, ты против нас, — заключила Элиза Анатольевна. — Ну и чёрт с тобой, нам больше достанется. У нас сегодня на ужин... Понятия не имею, что у нас сегодня на ужин, но пахло вкусно. Сейчас разогрею.

— Да я сама, — всполошилась Ленка, этот самый ужин вчера и готовившая. — Вы лучше отдыхайте.

— Вот это правильно, это по-нашему, — согласилась хозяйка. — Отдохнуть после целого дня ничегонеделанья просто необходимо. Идите-ка мыть руки, Лена и не спорьте со мной. Это вредно для здоровья. Вашего.

— Истину глаголет, — подтвердил Макс, вырвавшийся из-за очередного угла, и чмокнул мать в щёку. — Всё, девушки, я ушёл.

В итоге оказалось, что никакого позора и нет, а всё происходит, будто так и надо. Вот кухня есть и приглушённый свет из-под широкого, как старинная юбка, абажура. И стол есть, а на нём накрыто вроде не по парадному, но очень необычно: майонез, простецкий, покупной, в специальном низеньком кувшинчике; селёдка, которую Ленка вчера же засолила по-быстрому, в хрустальной штучке рыбкой, а вилки, тяжёлые, в вензелях, на льняных с мережкой салфеточках. Кот, вытребовавший внеочередную миску еды, тоже есть, дёргает кончиком хвоста недовольно. И Элиза Анатольевна, какая-то очень домашняя, почти своя, хоть и непонятная, тут.

— Вот ведь зараза какая! — хозяйка указала вилкой в сторону телевизора, на экране которого почти не слышно прыгали полуголые девицы в блёстках. По мнению Ленки, голости у них было гораздо больше блеска. — Никак без него. Зачем я сюда пришла? Поесть. Но первым делом его включила. Спрашивается, на кой мне это нужно?

— И на кой? — улыбнулась Ленка.

— Понятия не имею, — торжественно заявила Элиза Анатольевна. — Я ж всё равно не смотрю, что там. И как это у вас получилось, Лена? Вроде бы селёдка селёдкой, а вкусно как! Всё бы одна слопала!

— Да в маринад просто надо горчички положить.

— Горчицу? В селёдку? Феноменально! Вам бы не в артистки, в шеф-повары идти.

— А от... — Ленка длинно сглотнула. — Откуда вы знаете, что я в артистки?

— Разве не угадала? — лукаво прищурилась Элиза. — Или вы в эти вот, — она снова

ткнула вилок в сторону телевизора, — в певицы мечтали?

— Вообще, я мечтала в балерины, — опять же на ровном месте развеселилась Лена. Беда с этим настроением. — Но мне сказали, что с таким ростом надо не в балерины, а в стриптизерши идти. И что я старая. А мне тогда двенадцать исполнилось.

— Чтобы начать заниматься балетом, и впрямь старовата. Это я вам как ба-альшой специалист говорю.

— А вы были балериной? — совсем не удивилась Ленка.

— Нет, я была театральным критиком, — непонятно чему, но как-то не слишком радостно, усмехнулась хозяйка. — Ну вот посмотрите, что это такое, а? — Лена глянула через плечо. В телевизоре вытанцовывала девица — полуголая и в блёстках. Правда, не понять, одна из прежних или другая. Наверное, всё-таки другая, потому что под красотой на синей полосе значилось: «Певица Степашка» и название песни «Обними меня розово». — Вы мне можете объяснить, почему Степашка? Её зовут Степан? Или Степанида? Группа «Спокойной ночи, малыши!» И розово обнять — это как?

— Наверное, так же, как фиолетово.

— Что-что?

— Ну, говорят же: «Мне это фиолетово».

— Вот ведь странность. Полная бессмыслица, но я поняла, о чём речь идёт, — подивилась Элиза Анатольевна, отправляя в рот очередной кусок селёдки. — Всё-таки феноменальная штучка эта ваша рыбка, а Макс дурак и я... Что? — Хозяйка вдруг выдохнула длинно, с громким присвистом. Упавшая вилка гулко ударилась о скатерть, оставив безобразное масляное пятно от «феноменальной штучки». Женщина вмиг побледнела так, что на щеках стали видны синеватые прожилки, и невесть откуда взявшиеся тени легли под глаза, делая лицо похожим на череп. — Что... как это?

Ленка обернулась, пытаясь понять, что так поразило старушку, но ничего такого не увидела. Кухня как кухня, прежняя. Люк сидел на диванчике, топориком насторожив уши с кисточками. Окна плотно зашторены, да и что за ними увидишь, всё-таки четвёртый этаж. В телевизоре по-прежнему скакала певица Степашка.

— Элиза Анатольевна, вам плохо? — спросила Лена почему-то шёпотом, а, главное, не понятно зачем, как будто без вопросов не ясно: плохо, да ещё как. — Сейчас, «скорую» вызову. Какие таблетки дать?

— Перстень! — сдавленно прохрипела хозяйка, держась ладонью за горло, будто высокий ворот блузки её и вправду душил. — Лена, перстень! Ты видишь?

Ленка снова обернулась к телевизору. Блестящая Степашка как раз открыла рот так широко, что стали видны, кажется, даже зубы мудрости, а вот никакого перстня Лена не разглядела.

— Боже мой! — очень чётко выговорила Элиза, тяжело вздохнула и начала заваливаться на бок.

Ленка, уронив стул, подхватила её, то ли донесла, то ли доволокла до диванчика — показалось, будто старушка весит не больше кошки — спихнула недовольного таким оборотом Люка и, наконец, догадалась, что, честно говоря, стоило сделать с самого начала, вытащила из кармана телефон.

[1] Тонар (здесь) — передвижной коммерческий ларёк, магазинчик на колёсах (или снятый с колёс). Название произошло от завода «Тонар» (расшифровывается как «Товары

народу»), который первым начал производить такие фургоны.

[2] Намёк на произведение «Пятьдесят оттенков серого».

— Вы бы поберегли бабушку, — посоветовала на прощание докторица, уставшая тётка с добрым и немного грустным лицом. — Всё-таки не девочка. Хорошо ещё, что у неё гипотония[1].

— Разве болезнь может быть хорошей? — буркнула Ленка, натягивая рукава свитера на пальцы.

Её знобило, ладони замёрзли так, будто руки она в ледяной воде держала, и морозец по спине пробирал. Это со страху. Хорошо, что всё обошлось.

— Ещё как может, — покивала врачиха, натягивая форменную куртку, больше смахивающую на ватник. — Особенно в таком возрасте. Была б гипертония, неизвестно, чем дело кончилось бы. Но вы всё равно берегите, нервничать не давайте.

— Угу, — кивнула Ленка, закрывая за «скоропомощинскими» дверь.

— Что у вас произошло? — тут же накинулся на неё Макс, до этого вполне успешно прикидывавшийся молчаливым приведением, а тут зашипел подколодным гадом.

В свете слабосильного бра, едва-едва освещавшего коридор, его глаза казались совсем уж чёрными, и мерещилось, что нос вытянулся ещё больше, стал крючковатым, ведьминским. Короче, жуть с ружьём, а не мужик, даром, что никакого ружья нету. И какой чёрт дёрнул ему звонить? Вот и Элиза Анатольевна всё твердила: «Не надо, не надо!». Правильно, между прочим, твердила, без него бы прекрасно обошлись. А ещё спиртным от господина Петрова тянуло, сейчас как буянить начнёт и что делать прикажете? Полицию вызывать? Тогда уж и пожарных до кучи, чтоб, так сказать, охватить все службы.

— Чего молчишь? — рыкнул Петров.

— Потому что сказать нечего, — огрызнулась Ленка. Устала она, уж больно день выдался каким-то бесконечным, края ему не видно, а ещё нервотрепательным. — Ничего не произошло. Ели себе спокойно, Элиза Анатольевна селёдку мою хвалила. Потом вроде как в телевизоре что-то увидела, ну и сознание потеряла.

— Что увидела?

— Да почём я знаю! Она про кольцо какое-то говорила, я не поняла.

— Какое ещё, к хвостам собачьим, кольцо?

— Я всё слышу, — донеслось почему-то не из хозяйкиной спальни, а из кабинета. — Потому можете не шептаться, а идите лучше сюда. Макс, принеси мне сигареты. Они на кухне, закопаны в банке с чёртовой овсянкой. В смысле, с хлопьями.

Элиза Анатольевна, которой, вообще-то, было положено в кровати лежать, закинув ногу на ногу, сидела за столом, крытым зелёным сукном, барабанила наманикюрными ноготками по клавишам ноутбука и покачивала тапочкой, висящей на самом кончике ступни. С волосами, собранными в небрежный пучок, в длиннополом халате с широченными рукавами старушка выглядела непривычно, но странно моложе, чем обычно. И, между прочим, тапочка её была не только с пушистой розовой оторочкой, что для такой обуви, в общем-то, нормально, но и с немалым каблучком.

— Mam, от тебя «скорая» только что уехала!

— Очень надеюсь, по дороге обратно они не заблудятся. Или, думаешь, им всё-таки стоило выдать карту?

— Мама, врач сказал...

— Сына, о вреде курения, а так же алкоголизма и злоупотребления вредной пищей, мне всё рассказал доктор Зильберман ещё в тысяча девятьсот семьдесят восьмом году. — Элиза сдвинула очки на кончик носа, строго глядя поверх оправы. — Между прочим, сам доктор Зильберман, никогда в жизни не куривший и не пивший ничего крепче кефира, помер в восьмидесятом от инфаркта. Делай выводы. Лена, если вас не затруднит, приготовьте, пожалуйста, кофе. И плесните туда коньяка. Хотя нет, коньяком я займусь сама, а то знаю вас, заботливых. Капните, чтобы даже на понюхать не хватило.

— Мама!

— Макс!

— Мама, чёрт тебя подери!..

— Макс, тебя подери! Вам что сказали? Не давать мне нервничать! Поэтому руки в ноги и бегом. Марш, марш!

Хозяйка замахала на них, будто мух отгоняя. Ленка с Максом переглянулись.

— Чёрт знает что такое, — проворчал под нос Петров и пошёл куда-то, видимо, откапывать сигареты из банки с овсяными хлопьями.

Ну и Ленка тоже пошла, только кофе варить, хотя со своим работодателем она была полностью согласна: лишь чёрт и знает, что тут творится! Дядюшка бы после эдакого не за компьютером сидел, а ещё пару дней в лежку лежал, стонал, «был при смерти» и требовал повышенного внимания с заботой. Впрочем, представить Михал Сергеича за ноутбуком так же невозможно, как, например, саму Ленку полуголой, в блёстках и с микрофоном. От него же излучения вредные! В смысле, от компьютера, не от микрофона. Дядя даже на электрический чайник не соглашался ни в какую...

— Итак, дети мои, вас наверняка интересует, с чего это я вдруг взялась выкидывать эдакие коленца. — Торжественно начала Элиза Анатольевна, на самом деле плеснув в крохотную фарфоровую чашечку коньяку — изрядно, между прочим, кажется, даже больше, чем Макс налил себе в пузатый бокал, у него-то получилось на доньшке, а кофе едва из берегов не вышел. — Ну так смотрите.

Элиза развернула к ним ноутбук, на котором, растянутое во весь экран, чуть заметно мерцало изображение: рука, судя по длинным ногтям в блестящих стразах, женская, в ней микрофон. На одном пальце перстень, такой большой, что без труда закрывал целую фалангу.

— Куда смотреть? — уточнил Макс без особого интереса.

— Сюда, — хозяйка постучала дужкой снятых очков по экрану. — Камень видишь?

— Ну вижу. Топаз, что ли? Или просто стекляшка?

— Сам ты топаз, а стекляшки у тебя в голове. Обрати внимание на отражение света. Почти гало[2], да? Ещё в центре, видишь, яркое пятнышко, а оправы под ним совсем не видно.

— И что?

— А что это такое? — выпалила Ленка дуэтом с Максом, указав подбородком на экран ноутбука.

Элиза Анатольевна тяжело вздохнула.

— Иллюзии об умственных способностях сына у меня рассеялись давно, его кроме обожасмой химии и прибылей ничто не интересует. Но вы то, Лена! Не разочаровывайте меня, пожалуйста. Это рука певицы Степашки, которая нас с вами сегодня вечером развлекала. Я имею в виду, конечно, певицу, а не руку.

— А откуда вы её взяли?

— О, господи! Узнала программу передач, выяснила, что за концерт шёл, нашла запись и сделала скриншот. Благо программа старая, давно на YouTube выложенная. Что не ясно?

Ленка, поскребя кончик носа, промолчала. Чувствовать себя полной дурой... Или как там Светланка говорила? Лузером и ламером? В общем, вот так себя чувствовать, да ещё по сравнению со старушкой, было не слишком уютно.

— Теперь с тобой сын, — Элиза наставила дужки очков на Макса. — Стоило бы знать, что такую световую ауру даёт только огранка бриллиантов. Так что никакой это не топаз и не стекляшка, а самый натуральный жёлтый бриллиант.

— Такой здоровый? — усомнился Петров.

— Был ещё один, больше почти на полтора карата. — Элиза Анатольевна помолчала, аккуратно положила очки перед собой, сложила руки, как школьница, опять вздохнула, но теперь не раздражённо, а грустно. — Только данный перстень я и без всякого свечения узнаю. Сядь, Макс, ты этой истории тоже не слышал.

— Мам, может не сегодня? Поздно уже.

— Сядь, я сказала, — Голос Элиза не повышала, только тихонько прихлопнула ладонью по столу, но вот тон у неё был таким, что сын, больше рта не раскрывая, немедленно опустился в кресло, а и без того сидевшая Ленка вытянулась во фронт.

***

— Во-первых, звали моего папу не Анатолий, им он уже в двадцатых годах стал, а Аншель. Что, между прочим, переводится с иврита[3] как «счастливый». Но это к делу не относится, — начала Элиза Анатольевна негромко, глядя на свои сложенные руки. — Во-вторых, он был ювелиром, как и его отец. Не из самых известных, но — это я теперь понимаю — в этом виноват не недостаток таланта или мастерства. Просто они не чурались... Ну, скажем, сомнительных сделок.

— Неужто ворованное скупали? — усмехнулся Макс, видимо, нисколько не огорчённый, что в его предки жулики затесались.

— Про ворованное ничего не знаю, — чуть нахмурилась Элиза, головы по-прежнему не поднимая. — Но одну историю помню, мама рассказывала. Дело ещё до революции случилось, к папиному отцу, моему деду обратился некий англичанин, вроде как даже целый герцог. И предложил дедушке купить ожерелье. Такое, знаете, индийское, похожее на воротник, — старушка повела рукой вокруг собственной шеи. — Варварское великолепие, но золото и камни можно килограммами мерить. В том числе в украшении было и четыре крупных жёлтых бриллианта. Вроде бы, изначально их выковыряли из статуи богини Кали или какой-то другой, не знаю. Но привезли ожерелье действительно из Индии, хотя оно было и не слишком старым, по тем временам вообще новодел.

— Сколько же такое стоило? — негромко спросил Макс.

— Не так много, как могло бы. Дело в том, что этот джентльмен, который предположительно герцог, недаром со своим ожерельем в Россию приехал. Долгов у него было слишком уж много, вот и решил украшение продать и заказать его имитацию, подделку. Вроде как ничего не продавал, вот оно, ожерелье, дела идут лучше некуда, репутация герцогского рода незапятнанна. Сам понимаешь, всё проворачивалось в строжайшей тайне, стоимость изготовления подделки входила в цену. В общем, дед в накладе не остался.

— Умно, — оценил Макс.

А Ленка, забравшаяся в кресло с ногами, сердито глянула на него и едва не цикнула. Ну вот куда лезет со своими комментариями? Лишь слушать мешает, ведь почти же сказка, только на самом деле случившаяся. Интересно же!

— Оставлять ожерелье дед побоялся, мало ли что? Всё-таки вещь очень уж приметная. Поэтому украшение разобрали, золото переплавили и сделали парюру.

— Что есть парюра? — снова вклинился Петров, правда, в этот раз Ленка была ему почти благодарна.

— Попросту говоря, набор украшений, выполненных в одном дизайне, — пояснила Элиза Анатольевна, всё так же рассматривающая собственные руки. — Например, кольцо, браслет и брошь. Дедушка сделал колье, перстень, серьги и две заколки для волос. Но колье не простое, а с секретом. — Хозяйка наклонилась, повозилась с ящиками стола и, небрежно сдвинув локтём ноутбук в сторону, аккуратно выложила на столешницу переливающийся ручеёк. Камни, будто обрадовавшись чему-то, ярко вспыхнули в луже света от настольной лампы. Золото оправы масляно подмигнуло. По тёмно-зелёному сукну стола скакнули брызги солнечных зайчиков. Макс тихонечко, уважительно так присвистнул. — Видите? — Элиза нежно коснулась желтоватого камня в форме слезы. — Вот один из тех жёлтых бриллиантов, этот самый большой. А теперь смотрите, — старушка сделала что-то такое, не очень заметное и ручеёк распался на две мерцающие змейки. — Видите листочки? Очень модный элемент эпохи модерна, кстати. Вот под ними замочки и теперь можно носить, как два браслета, — Элиза Анатольевна обвила своё запястье блестящей дорожкой. — А если соединить вот так, то получится налобное украшение.

— Что-то я его раньше не видал, — заметил Макс, наклонившись к столу и даже лампу поправивший, чтобы удобнее было рассматривать. — Хотя отец в своё время надарил тебе кучу цацек.

— Потому как раньше тебе и не показывали, — улыбнулась хозяйка. — Хотя, конечно, твой отец на мне не экономил, знал, как я люблю винтажные украшения. А их в советские времена было не так просто достать. Вам нравится, Лена?

Элиза протянула к ней руку с накинутым браслетом. Ленка кивнула, мерцающий ручеёк действительно завораживал. Да что там говорить, красиво — и всё тут. И дорого, наверное. Хотя как по ней, китайские украшения, которые в таких прозрачных пакетиках да на картонной подложечке продают, блестели ни чуть не хуже. Нет, понятно: тут настоящее, а там даже и не подделка, а так, фуфло, но... В общем, что было дальше с камнями, выковырянными из статуи богини Кали, хотелось услышать гораздо больше, чем рассматривать алмазы, пусть самые и настоящие-принастоящие.

Да, прав, наверное, дядя: «Елена, ты удручающе глупа!». Ведь, как известно, бриллианты лучшие друзья всех девушек, об этом даже песня есть.

— Всё это замечательно, — решил Макс, откидываясь на спинку кресла. — Но при чём тут какая-то певица? И, кстати говоря, уже второй час ночи.

— Я не знаю, при чём тут певица, — снова нахмурилась Элиза Анатольевна, погладив ручеёк, словно он живой был. — А тебе придётся потерпеть, я ещё не закончила.

Петров вздохнул, но вроде бы расслабился, сложил руки на животе, наверное, приготовился терпеть.

— Папа женился поздно, я родилась в тридцать седьмом, маме тогда исполнилось девятнадцать, а отцу пятьдесят. Дедушка к тому времени уже умер. — Макс опять присвистнул и Элиза сердито глянула на него. — Не мешай, пожалуйста, а то я так до утра

не закончу. — Петров примирительно выставил руки ладонями вперёд и свесил голову — покаялся, значит. — Я, между прочим, тебя тоже родила в сорок четыре. И, насколько знаю, бабушкой до сих пор не стала. Так что можно считать, поздние браки традицией нашей семьи. — Макс серьёзно покивал. — И не паясничай, обаяния тебе это не добавляет. Короче говоря, чтобы не затягивать, в сорок первом году мы жили в Ленинграде.

Петров резко выпрямился в кресле, положив руки на подлокотники.

— Об этом тебе тоже не рассказывали, — грустно улыбнулась Элиза Анатольевна. — А вам, Лена, дата ни о чём не говорит? — Дата Ленке на самом деле ни о чём не говорила, но она, конечно, сама догадалась. — Восьмого сентября тысяча девятьсот сорок первого года началась осада Ленинграда. — Старушка потёрла лоб. — Папу в армию по возрасту не взяли. Он умер уже в ноябре. Я это хорошо помню, хоть мне исполнилось всего четыре. Он просто лёг и лежал долго-долго, а потом его куда-то унесли.

— Мам, — почти шёпотом позвал Макс, но Элиза подняла руку.

— Моя мать работала, не помню где, но приходила она только ночью. Или мне это уже сейчас кажется? Нами, детьми, занималась соседка. У нас была огромная коммунальная квартира, комнат на двадцать, не меньше, и очень много детей. Днём тётя Рая не давала нам ложиться, заставляла играть, пусть даже в ладоши хлопать, но не ложиться. А очень хотелось спать и ужасно болел живот. Есть не хотелось совершенно, просто живот болел. Я пряталась в шкаф, у нас в коридоре был такой здоровенный шкаф, я забиралась в него и мгновенно засыпала, хотя было так холодно... Но тётя Рая меня вытаскивала оттуда и опять заставляла хоть что-то делать. Она так жутко материлась!

Элиза Анатольевна подняла голову и снова улыбнулась. Глаза у неё блестели ничуть не меньше, чем камни на столе. От слёз, наверное.

— Тётя Рая мне потом и рассказала, как всё случилось. Понятия не имею, откуда мама узнала об этой женщине, наверное, кто-то подсказал поменять обручальное колечко. Ведь о парюре, которую отец сохранил, никто не знал. Кроме неё, кажется, ещё что-то было, какие-то украшения. — В этот момент Ленка даже вздрогнула, о богине Кали и алмазах она и думать забыла, представляла девочку, забирающуюся в громадный шкаф, чтобы поспать, потому что сил совсем не осталось, очень холодно и от голода болит живот. — Я эту женщину буду называть просто «она», ладно? До войны Она вроде бы работала директором магазина, а потом его разбомбили, но Она знала, как попасть на склад. Правда это или нет, не важно. Просто у Неё были продукты и Она их охотно обменивала на драгоценности, только на драгоценности и не на что другое.

— Представляю, какой был курс, — буркнул Макс.

— Не представляешь. Так или иначе, но эти продукты помогли нам выжить. Мне, маме и тётке Рае, которую мать подкармливала, чтобы она смотрела за мной. Потом мама ушла менять перстень из парюры, остался только он и кольцо, но не вернулась. Мы с тёткой Раей ждали сутки, а с утра пошли узнать. Она боялась оставлять меня одну в квартире, ведь соседи... В общем, к тому времени уже никого не осталось, лишь мы трое... Лена, не плачьте, пожалуйста. Всё давно-давно уже прошло, вот я, живая и здоровая. — Ленка, только теперь сообразившая, что ревёт, уже всё лицо мокрое, поспешно утёрлась рукавом. — В общем, мы добрались до этой женщины, но Она сказала, что мать мою давно не видела и ни про какой перстень, естественно, не слышала. Ну а потом нас эвакуировали и всё закончилось не так плохо.

Люк, недовольно дёрнув ушами, заглянул в комнату, удивляясь, чего это люди не спят.

Совсем бесшумно прошёлся в глухой тишине, мягко вспрыгнул на стол, тронул лапой кольцо, но не заинтересовался, улёгся под лампой, принялся размеренно вылизывать мохнатый бок.

— Ну, хорошо, — наконец, протянул Макс. — Допустим, это тот же самый перстень. И что? Может, его кто-то нашёл, когда твоя мама?.. Нашёл, в общем.

— Точно, нашёл. В обмен на тушёнку и сухое молоко, — Элиза Анатольевна пощёлкала клавишей ноутбука, картинка на экране отъехала, показывая, что на ней всё-таки не только рука, а вся певица Степашка целиком. — Видишь, заколки? Они из парюры.

— Хорошо, хорошо, — Макс недовольно мотнул головой. — Пусть у этой... Фили откуда-то взялись ваши украшения. Как они у неё оказались, вопрос отдельный. Но ты-то что хочешь? Вернуть их? Во-первых, ничего не докажешь. А, во-вторых, твоя мать отдала их добровольно, никто ей руки не выкручивал и на большой дороге не стерёг.

— А перстень? Как перстень оказался вместе с заколками?

— Ладно, тогда во-первых. Хотя не понимаю. Был у тётки тихий, непыльный, налаженный бизнес. С чего ей на криминал идти? И, повторяю, ты-то чего хочешь?

— Я не знаю, Макс. Может, в глаза ей посмотреть?

— И у неё тут же проснётся совесть, она раскается и немедленно уйдёт в монастырь. Да тётка наверняка давным-давно умерла. Всё, мам, кончай глупостями заниматься, ей богу, но я тебе не помощник. Выпей валерьянки и ложись спать. А я Лену провожу, через десять минут вернусь. Это понятно?

— Не понятно, чего ты раскричался. Лена, ткните его там головой в сугроб, чтобы охолонул и переживал за меня не так активно.

Ленка, как раз выбиравшаяся из кресла, неловко дёрнула головой, то ли кивнув, то ли мотнув отрицательно. Она тоже переживала за Элизу Анатольевну и весьма активно. Ей хотелось обнять старушку, может, даже поцеловать, но Лена, конечно, не решилась.

***

Снегопад, наконец, закончился, но ощутимо похолодало и двор с домом стали сами на себя не похожи, будто над ними настоящий зимний маг поработал. Кирпичные стены серебрились инеем, сугробы переливались, словно в них стразы горстями бросили, даже старые покосившиеся турники выглядели вовсе не турниками, а арками из какого-нибудь «Холодного сердца». Машины, сонно приткнувшиеся мордами к парапету, дремали под тонким снежным налётом. Дом же, в котором ни одно окошко не светило, казался и вовсе замком Спящей красавицы.

Ну, по крайней мере, Ленке он таким мерещился, Макс же ничего подобного в голову наверняка не приходило. Он вообще шёл, ткнувшись носом в мохнатый воротник куртки, думал о чём-то своём, наверное, за мать беспокоился.

Лена тоже беспокоилась, а ещё её очень интересовало, зачем это Элиза Анатольевна при ней всё рассказывала и показывала. Ну ладно, рассказать, но такие драгоценности обычно чужим людям не демонстрируют, а, как ни крути, она Петровым чужая, приходящая домработница.

Хорошо хоть, идти было совсем не далеко, от одной двери до другой, так что сложные мысли одолеть не успели. Лена остановилась у своего подъезда, Макс тоже встал, а больше ничего не сделал, дышал в воротник. Постояли, помолчали, мороз начал прихватывать за нос.

— А это у вас кто? — спросила Ленка.

Ну не торчат же здесь до утра! А что ещё сказать, в голову не приходило. «Спокойной

ночи»? «Спасибо, что проводили»? Как-то это всё... по подростковому слишком.

— Где? — не сразу отреагировал Макс.

— На воротнике.

— А-а... Волк.

— Что, настоящий волк?

— Не совсем, — Петров усмехнулся в мех, — скорее, его шкура.

— А вам волка не жалко?

— Лен, клянусь тебе, я его не убивал. Купил в готовом виде и даже не у нас, а в Норвегии. Поверь, если я немедленно запишусь в «Гринпис», конкретно этот волк не воскреснет. Зачем же добру пропадать?

— Вот если б все люди разом решили больше такого не покупать... — пробормотала Ленка, старательно отводя глаза.

Вечно так, сначала сама ляпнет, а потом чувствует себя идиоткой.

— Вот когда все разом решат, я немедленно выкину куртку на помойку, договорились? Ладно, ты иди. Которые окна твои? Зажги свет, как зайдёшь, я пока тут постою.

— Зачем это?

Ответить Макс не успел, потому что дверь подъезда — нет, в последнее время с этими дверьми точно беда приключилась, как и с ленкиным настроением — распахнулась, больно саданув девушку между лопатками. А на улицу вывалился Виталька, поскользнулся, едва не упав, схватился за плечо любимой, чуть и её не свалив, заодно обдав крепким пивным духом.

— Я-то думаю, где это моя зая шляется? — глумясь, протянул Виталя. — Жду-пожду её, все глаза просмотрел. Тут, гляжу, идёт, рисуется, да не одна, а с левым мужиком, ма-лад-ца, какая!

— Позвольте, — Макс взялся за другое её плечо, явно собираясь Лену отодвинуть подальше, да и объяснить Витальке кое-что из правды жизни.

Такой расклад Ленку не устраивал в любом случае: Петров любимого побьет, Витальку жалко, ведь не виноват ни в чём, это она сама сегодня фордыбачить взялась, а Виталя просто дурак, вон выпил с расстройства, в подъезде её сколько ждал! А если наоборот случится, так жалко уже Макса и нехорошо получится: разве это дело, когда работодателю из-за тебя морду чистят?

— Максим Алексеевич, не надо, — заторопилась Ленка, старательно загораживая собой любимого. — Мы тут сами... Вы идите домой, там Эльза Анатольевна волнуется. Идите, идите!

— Слышь, мужик, чего тебе говорят? Иди! — Виталька глуповато осклабился. — Иди на...!

— Вы уверены? — с сомнением спросил Макс, то ли у Ленки, то ли у Виталя.

— Уверена, уверена, спасибо вам большое. До свидания! А к Элизе Анатольевне я завтра после работы заскочу обязательно. Вы идите!

— Иди, мужик, в ...! — подтвердил Виталька. — Нам тут с моей бабой побазарить нужно, потому что ... учить надо, иначе они ... и останутся.

— Ну, как знаете...

Её плечо Макс отпустил и даже назад шагнул, и Ленка уже было вздохнула облегчённо, а на бубнёж любимого и эпитеты, рифмующиеся с «людей» и «людьми», она внимания не обращала: ну ведь пьяный же, чего с него взять? Но тут...

Давно, ещё в школе, Лена читала про Аннушку, которая масла пролила, и очень

удивлялась, ну как из-за такой мелочи заварилась эдакая каша? Не бывает же такого, придумал всё господин писатель. Или впрямь мужика под трамвай нечистая сила пристроила, как и уверял бедный поэт, а Аннушка была только для отвода глаз. Но — вот же подлость! — оказывается и взаправду похожее может быть.

Дело в том, что уборщица Соня, мывшая их и соседние подъезды, имела дурную привычку выливать воду из ведра прямо перед дверьми, на замёрзшей луже и поскользнулся Виталья. А сейчас, хоть он за Ленку и держался, неловко переступил и поскользнулся опять, да как неудобно, нелепо, разъехавшись ногами, словно новорождённый телёнок. Лена, конечно, бросилась его спасать, но вышло только хуже, получилось, что она толкнула парня плечом, ноги у того вовсе в стороны разошлись, как у завязанного фигуриста, и Виталик, громко, но невнятно рыкнув, грохнулся плашмя, приложившись подбородком о смерзшийся в камень снег так, что зубы клацнули. А из-под его живота дунула длинная пенная пивная струя, залил любимому физиономию. Наверное, он запазухой пластиковую бутылку прятал, та не выдержала удара, пробку сорвало, ну и получился брандспойт.

— Виталья! — ахнула Ленка, цепляя парня подмышку.

— Уйди! — прохрипел возлюбленный и добавил непечатное ругательство.

Тоже, в общем-то, понятно: и больно ему, и неловко, мокро, в таком виде ещё до дому добираться, ни одно же такси не возьмёт. А тут ещё Макс не придумал ничего умнее, как заржать стоялым жеребцом, Виталик и осерчал. Не успев толком на колени встать, отвесил Ленке такую оплеуху, что у той в глазах потемнело.

И учителя, и просто люди частенько хвалили Лену Старообрядцеву за понимание, миролюбие и удивительную незлобивость. Про необходимость подставления правой щеки, когда ударили по левой, она тоже слышала. Но всё-таки существуют в этом мире вещи, способные взбесить даже святого.

Вот и Ленка сложила кулак, да, как папа учил, со всей мощи своих кардашьяновских форм вlepила любимому в нос, целясь под ноздри. Куда целила, туда и попала, кровь мгновенная залила и виталькин подбородок, и уже мокрую куртку. А любимый, сев на задницу, бессмысленно хлопал глазами и только рукавом утирался.

— Ого! — оценил Макс и снова заржал, ещё пуще прежнего.

— Чего? — Ленка развернулась к веселящемуся работодателю.

— Я женщин принципиально не бью! — заверил Петров, выставляя ладони вперёд, будто защищаясь. — И, вообще, я смирный.

— Ну и... — Лена не без труда прожевала комментарии в стиле любимого, уж очень они наружу рвались. — Виталь, иди домой, ладно? — сказала примирительно. — Мы с тобой потом поговорим.

— Ну я!.. — буркнул возлюбленный, неловко вставая, придерживаясь за тряский, запорошенный снегом заборчик, огораживающий газон. — Я вас!.. Ну!..

И побрёл, чуть пошатываясь.

— Я тебе позвоню! — крикнула ему в спину Ленка.

— Интересно, зачем ты ему звонить собралась, — проворчал отхихикавшийся Макс, разворачивая девушку к себе и прикладывая к скуле что-то жутко холодное. От неожиданности она даже зашипела сквозь зубы, скосила глаза — оказалось, что Петров успел слепить снежок, его-то и приложил. Снятые перчатки при этом он почему-то в зубах держал, потому и говорил невнятно. — Собираешься ему матч-реванш предложить? Да стой ты спокойно, не дёргайся. Синяк же будет.

— Он и так будет, — проблеяла Лена, послушно замирая сусликом.

Снег был обжигающе холодным, а вот рука Макса — кончиками пальцев он касался её виска и щеки — обжигающе горячей. И от такого контраста Ленку так и тянуло плечами передёрнуть.

— Что, большой опыт в получении фингалов? — нахмурился Петров. Она промолчала, только независимо дёрнула головой. И на этот раз Макс её удерживать не стал. — Ты дома всё-таки лёд приложи. Ещё бодяга хорошо помогает.

Бодяга, бодяга! Это с мужиками сплошная бодяга. Вот чего ему, заботливому такому, нужно? Или он это так, из вежливости?

***

— Не-е, не въезжаю я в эти страдашки, — заявила «борчиха»-Махрутка, критически рассматривая конфету.

Вообще-то, конфета была как конфета, шоколадная, с орешками, свежая — Ленка сама сегодня покупала и чего там рассматривать, не понимала совершенно.

— В какие страдашки ты не въезжаешь? — спросила Лена, локтём убирая со лба выбившиеся из «хвоста» прядки волос: на руках-то резиновые перчатки надеты, а те в порошке — раковину кухонную она чистила.

— Да вот этих, — медсестра кивнула на телевизор и, наконец, отправила конфету в рот. — Битый час лаются, а чего лаются, непонятно. Вот от этой, которая в розовом, ушёл вон тот, который в подтяжках, к той, что в шляпе. А та, от которой ушёл, отсудила у него миллион, прикинь! Целый миллион! И теперь жалобится, что тот, который в подтяжках, ей жизнь порушил и молодость сгубил. А чё жалобиться-то? У тебя же миллион есть! Любой мужик теперь твой и тьфу на эти подтяжки.

— Может, она любви хочет? — рассеянно отозвалась Ленка, не очень разобравшаяся в подтяжках и шляпах.

Да и вообще медсестру она слушала невнимательно, а происходящее в телевизоре Лену совершенно не интересовало, она больше к кабинету прислушивалась. Кажется, Эльза Анатольевна опять с кем-то ругалась по телефону. Вот уже три дня с её приступа прошло, а хозяйка всё названивала то одному, то другому, пыталась узнать, как связаться с певицей Степашкой. Все нервы себе измотала, бедная, даже осунулась и чувствовала себя нехорошо, но дела не бросала. И Макс, как назло, куда-то пропал, нет бы ему мать успокоить и к порядку призвать.

— Так кто ж её не полюбит-то с миллионом? — изумилась Махрутка, шумно прихлёбывая чай. — Вот если б у меня стока деньжищ было, то я б мигом кого надо в ЗАГС затащила.

— А кого надо?

— Там бы разобралась. Думаешь, чего я до сих пор мужа себе не сыскала? Да потому что голь перекатная. А те, кто страшную да нищую хотят взять, мне и даром не нужны. Нет, шутишь, что ль? Мне вот такого, как наш Макс, подавай, чтоб красивый, солидный, в костюме. Только богатые денежки любят ещё больше бедных.

— Ну так разбогатеи, — посоветовала Ленка, пытаясь представить пару Махрутка — Макс.

Выходило не очень. Нет, пара-то наверняка получилась бы колоритной, но вот представляться она никак не желала.

— Легко сказать, мол, разбогатеи, — кобылой фыркнула в чашку сиделка. — А как? Ну

вот считай. Образование у меня медсестренское, ладно. Курсы физиомассажа закончила, тоже в плюс. Силой бог не обидел что стариков, что мужиков лежащих ворочаю, только в путь. Плотют, — она так и сказала, «плотют», — мне по самой высокой расценке. Но ведь больше, чем за одним не походишь.

— И тут платят по самой высокой расценке?

— Да не, Эльза ж не лежащая. Какая тут работа? Витаминчик уколоть, да давление померить. За это много не дадут.

— Тогда чего ж ты тут?.. — «Чай гоняешь» Ленка проглотить сумела.

— Так о чём и толкую! — Махрутка постучала себя крепким коротким пальцем по лбу. — Всё едино сиделкой на хорошего мужа не заработаешь, так чего ломаться? Мне надо так, чтоб всё разом. И побыстрее бы. А то все уж девки замужние, одна я, как дура. — Медсестра тяжело вздохнула и вдруг затянула могучим шаляпинским басом: — Даже если вам немного за тридцать, есть надежда выйти замуж за принца... — Правда, выходило у неё почему-то на манер похоронного марша. — А чего наша барыня какой день кому-то названивает, не знаешь?

Ленка пожала плечами. Рассказывать Махрутке про певицу Степашку и парюру — загадочное всё-таки слово «парюра» — она, конечно, не собиралась. Да Лена даже Светланке ни словечком не обмолвилась. Правда, про Виталика тоже. Впрочем, о чем говорить-то, самой непонятно, как у них теперь, любимый трубку уже третий день не брал. К немалому ленкиному облегчению, между прочим. Она, может, и не против пострадать, что вот так криво у неё с любовью вышло, но ведь не страдалось, хоть плач! Хотя, как раз плакать и не получалось, наоборот, ей отчего-то даже весело было.

— Ладно, — медсестра выгребла из вазочки последнюю конфету, хорошо, Ленка догадалась не все выложить, половину припасла, — у вас тут неплохо, но я домой. Скоро «Страсти по Изабель» начнутся. Вот у них всё красиво и богато.

— И? — ничего не поняла Лена, занятая собственными мыслями.

— А у меня дома телевизор побольше, — отмахнулась Махрутка и пошла, не утрудив себя прощанием.

Правда, она и не здоровалась никогда.

Ленка помыла чашку, оставленную сиделкой, протёрла стол, не без удовольствия оглядела сияющую чистотой кухню, хоть сейчас рекламу снимай, и стянула перчатки. Ей бы тоже стоило домой собираться, дядюшка-то про вторую работу племянницы ничего до сих пор не знал, а узнал, вряд ли бы одобрил. Вот и приходилось врать про внезапно уволившуюся продавщицу из осеннего отдела, да про ночные ревизии. Один раз, когда всё с Элизой, драгоценностями и Виталькой случилось, дядя поверил, пусть и ворчал долго, а во второй раз может и не прокатить.

— Вы уже уходите? — спросила Элиза Анатольевна из кабинета, как будто подслушав ленкины мысли. — А задержаться не могли бы? Я как раз хотела попросить.

— Конечно! — отозвалась Лена с готовностью новобранца, которого сам генерал приказом ошастливил. — Что нужно сделать?

— Да фактически ничего. — Хозяйка сунула дужки очков в зубы. Выглядела она на самом деле неважно, даже постарела вроде бы. — Дело в том, что у меня скоро день рождения. Даже не юбилей, но Макс решил закатить грандиозную пьянку. Утешает, понимаешь, старуху.

— Ну что вы, Элиза Анатольевна...

— Ладно вам, — махнула рукой хозяйка. — Я ж не против. Грешна, люблю всё такое и эдакое. Коли блистать красотой уже не суждено, так хоть удостоверюсь, что и другим это не грозит. У меня хоть мозги не прокисли, а у некоторых, которые к тому же гораздо моложе, уже полный маразм. Что, заметьте, не помешает им явиться на банкет. А мне, конечно, не помешает похихихать в кулачок и порадоваться собственной удаче, я-то, слава богу, в здравом уме и почти твёрдой памяти. Только вот опять запамятовала, куда кошелёк сунула. — Элиза лукаво смутилась, мол: «Ах, какая же я рассеянная! Ну да простим мне это», — Так вот, подхожу к сути. Запомните, Лена, вам это пригодится лет через шестьдесят: ничто так не красит женщину, как молодая, привлекательная компаньонка. До этого ещё умницы англичане додумались. Короче говоря, вы будете меня сопровождать. Отказ не принимается. О платье не беспокойтесь, сейчас как раз придёт портниха, обшивавшая меня ещё в те времена, когда фамилии Скиапарелли и Лагерфельда принимали за особо изысканные ругательства. Итак, ваш ответ?

— Так отказ же не принимается, — улыбнулась несколько ошарашенная Ленка.

— Я в вас не ошиблась, — прихлопнула ладонью по зелёному сукну Элиза Анатольевна. — Мы произведём сногшибательное впечатление.

Вот в этом Лена нисколько не сомневалась, потому как уверена была: её деревенская простота всех с ног повалит. Но с другой стороны, когда ещё выпадет шанс побывать на такой вот «пьянке»? Да никогда, а любопытство разбирает. Интересно же!

[1] Гипотония (артериальная гипотензия) — понижение артериального давления.

[2] Гало (здесь) — оптическое явление, свечение, имеющее форму круга, кольца или дуги.

[3] Иврит — язык семитской семьи; на данный момент государственный язык Израиля.

В школе Ленка ненавидела физкультуру. И не потому, что бегала-прыгала плохо, просто стоять первой в ряду — это же самый настоящий позор. Учитывая же, что мальчики и девочки выстраивались в одну шеренгу, только сначала парни по росту, а потом так же, по росту, все остальные, то соседом Лены справа неизменно оказывался Федька Зайцев, который её макушкой и до плеча не дотягивался, отчего у него периодически приключались острые приступы комплекса неполноценности. А поскольку Федька был не только коротышкой, но ещё существом крайне пакостным и злопамятным, Старообрядцевой от него регулярно доставалось. Нет, бить Ленку Зайцев не решался, побаивался, наверное, но вот юбку задирали, дохлых мышей в сумку совал и стул соплями мазал.

Ну а в девятом классе, после летних каникул, оказалось, что она длиннее не только мерзкого Федьки, но и Смирнова, который до этого счастливого момента считался самым высоким в параллели. Правда, большинство одноклассников потом её всё же переросли, но осадочек остался.

Поэтому Ленка искренне полагала, что хуже дылды может быть только дылда на шпильках и никогда, естественно, не носила ни шпилек, ни платформ, ни чего другого, способного росту прибавить. А тут мало того, что её на такие каблучищи водрузили, что голова от высоты кружиться начинала, так ещё и причёсок соорудили, смахивающий на Пизанскую башню — не в смысле кривой, а в смысле здоровенный, просто никаких других башен Лена вспомнить не могла. Да ещё она в лимузине, который за Элизой Анатольевной заботливый сын прислал, выбираясь, застряла — запуталась в собственных ногах, подоле, каблуках и причёске.

В общем, больше всего Ленке хотелось стать маленькой и неприметной мышкой. Но никак не получалось, потому что хозяйка, за спиной которой гренадёром-телохранителем вышагивала «компаньонка» моментально оказалась в центре внимания. Понятно, что и на Лену народ посматривал.

Вот кто чувствовал себя как рыба в воде, так это Элиза Анатольевна: в платье до пят, в камнях на шее, ушах, запястьях и пальцах, подкрашенная по вечернему, хозяйка, казалось, помолодела лет на... Много, в общем, хотя она и в обычные дни на свой возраст никак не выглядела. Разрумянившаяся, с блестящими глазами, Элиза порхала, щебетала и была весела, словно птичка, комплименты принимала с удовольствием, на ответные скупилась, преподносимые подарки игнорировала, зато хоть не язвила по своему обыкновению.

В смысле, громко не язвила.

— Лена, обратите внимание вон на того господина, который лысый, как моя коленка после депиляции. Прошу любить и жаловать, Андрей Павлович, сын старинного приятеля моего мужа. Чуть старше Макса, а выглядит хуже собственного отца. Если учесть, что папаша его уже лет десять как благополучно помер, достичь такого результата ещё умудриться надо. Зато денег куры не клюют. Потому взял в привычку регулярно менять жён. Признаёт женщин исключительно в диапазоне от восемнадцати до двадцати трёх. В смысле, на восемнадцатилетних женится, с двадцатитрёхлетними разводится. — Это Элиза Ленке нашептывала. — Андрюша, как же я рада тебя видеть! Всё мужаешь, всё цветёшь! — Это, с сладкой улыбкой, прильнувшему к ручке лысому господину.

Или:

— Видите очаровательницу, смахивающую на смерть? Согласитесь, только косы не хватает. Сделала то ли семь, то ли, вообще, девять подтяжек. Всё-таки хорошо иметь в зятях пластического хирурга. Хотя нет, не хорошо, меня бы коса с плащом не украсили, не подходят цвету лица. — И снова обаятельная улыбка. — Дашенька, чудесно выглядишь! Как помолодела!

Или:

— Думаешь, вон тот боров в синем с внучкой пришёл? Ха! Чем упорнее муссируют слухи о его импотенции, тем моложе девок он с собой таскает! — И сироп рекой: — Аркашенька, что же без супруги? Ах, с племянницей! Какой очаровательный ребёнок.

Поначалу Ленке было и неудобно, и неуютно: ну в самом деле, нельзя же так, да ещё и за глаза! А потом заметила, что, во-первых, тут все эдак улыбались, словно боясь зубы показать, зато губы растягивая до ушей — ну точь-в-точь белая кобра из старого мультика про Маугли. Серьёзны, торжественны и даже суровы в зале были лишь официанты. Во-вторых, всё друг друга называли исключительно уменьшительно-ласкательно: Коленька, Анечка, Эдуардик. Элиза же Анатольевна превратилась почему-то в Эльзочку. И, в-третьих, поражало обилие откровенно немолодых людей всеми силами старающихся омолодиться. Чаще всего безрезультатно. Правда, ленкиных ровесников или около того тут тоже хватало: девушки при джентльменах, парни при дамах. Один господин в золотом пиджаке и вроде бы с накрашенными губами умудрялся держать под ручку аж двух красоток разом.

В общем, Элиза Анатольевна яд продуцировала в промышленных количествах, но по сути замечаний она, кажется, была права.

— Лена, вы случайно не видите Макса? — всё тем же полусшепотом прошипела хозяйка. — Куда этот поганец подевался? Приволок мать в болото и бросил на съедение крокодилам. Разве так делается? Ах, Олечка, как я рада тебя видеть!

Элиза расцеловала воздух рядом с серьгами очередной «подруги», а Ленка, тяжело переступив на своих каблучищах, как застоявшийся индийский слон, вздохнула: «пьянка» ей быстро наскучила. И ещё ноги невыносимо ломило от непривычных каблучков. И желудок от голода начало подводить. Она то и дело поглядывала на столы, щедро украшенные букетами и ледяными скульптурами. Столы надежд не внушали: красиво, конечно, но есть явно нечего, разве что фруктики, да такие штучки на пластиковых шпажках. И не понятно, куда девать бокал, потому что пить это шампанское, и без того не слишком любимое, невозможно, во рту сразу делалось кисло и гадко. А Макса в самом деле не видно. Неужели и впрямь бросил мать, да ещё в день её рождения?

Вот в этот самый момент Ленка его, то есть работодателя своего, и заметила, да не одного, а с какой-то девицей. Петровская дама особого впечатления не производила, тут все такими были: не слишком большая, не слишком маленькая, компактная, ладненькая, волосы до круглой попы, талию можно запросто ладонями обхватить, личико сердечком, шатенка — последнее, видимо, для разнообразия. Но, несмотря на её похожесть на всех остальных красоток скопом, Лена совершенно точно девушку уже где-то видела, но вот где именно, вспомнить не могла. И это мешало, как камешек в туфле — вроде и не велика проблема, а спокойно жить не даёт.

Пока Ленка парочку разглядывала, максова спутница нежненько погладила его по плечу, что-то сказала и скрылась в боковом коридорчике, а сам Петров остался стоять, видимо, дожидаясь, когда девушка «носик попудрит».

— Элиза Анатольевна, я отойду? — пробормотала Лена как можно тише, не дай бог ещё

услышит кто-нибудь, как она в туалет отпрашивается, будто школьница.

— Конечно, Лена, ступайте, — несколько рассеянно отозвалась хозяйка, эдак легонько, ненавязчиво, утирая висок, на котором бисером блестела испарина, да и лицо именинница чуть побледнело.

— Вам плохо? — всполошилась Старообрядцева шёпотом.

— Нет, с чего вы взяли? — ослепила её счастливой улыбкой Элиза. — Просто тут душно. Вы идите, идите. Если встретите Макса, дайте ему пинка. Что это он, в самом деле? Оставил меня без кавалера, разве так можно? Мог бы подумать о моей хрупкой репутации.

Ленка кивнула, решив, что пинок некоторым и в самом деле не помешает. Прежде чем чужих красоток окучивать, нужно о своих вспомнить.

Глава 4.2

Где-то когда-то, кажется, в одном из глянцевого журналов, которые очень уважала подружка Оксана, Лена вычитала, что класс заведения можно оценить по его туалетам. Если так оно и было, то банкетный зал, где вроде как праздновали день рождения Элизы Анатольевны, принадлежал к супер-пупер элитным, туалет здесь на самом деле и впечатлял, и поражал: мрамор, золото, хрусталь и бархат. Ну да, бархат: у стен стояли такие банкеточки, кто бы ещё сказал, зачем в туалете пуфики? И чистота, конечно, как в операционной. А из посетителей только давешняя шатенка, подкрашивающая губы у зеркала в раме, как у музейной картины.

Ленка, стесняясь собственного громкого цоканья по мраморной плитке, попыталась понезаметнее скользнуть в кабинку. И зря старалась, потому что девушка на неё никакого внимания не обратила, у неё как раз телефон зазвонил.

— Да, Мась? — Слышимость в шикарном туалете тоже была на высоте, что, наверное, не всегда удобно. — Ну не могла я позвонить, занята была. Где, где! В Караганде! На юбилее каком-то старпёрном, Жулик поволок. Нет, не могла! Да говорю же... Мась, у вас туса, а я... Между прочим, я тут та-акого мужика цапанула, отпад полный. Нет, не старый ещё. Ну сороковник где-то. Прикинь, без пуза и не лысый. Конечно, при бабках! Не так, чтобы очень, но на побаловаться хватит. Да у него фирмёшка какая-то, название ещё такое дурацкое... В общем, как раз мой кадр. — Девица хихикнула. — Ну, я ж не замуж за него собираюсь! Так, пострижём малость и удовольствие получим... Да ты что, Мась, на меня и не повёлся? Обижа-аешь, подруга. Ладно, я тебе потом в «мессер[1]» постучу, обсосём. Не-е, ну ты чё? Я на первой свиданке и сама не ам, и вам не дам, у меня принципы железобетонные! Но там как пойдёт, посмотрим на его поведение. Всё, целую крепко, ваша детка.

Телефон, отключаясь, пиликнул, каблучки зацокали по камню — легко, задорно, совсем не как у Ленки, приглушённо бахнула дверь.

Без пуза и не лысый, да? Пострижём малость? Ах ты ж!..

В Мухлово для таких вот красоток существовало своё, абсолютно чёткое определение. Только мама уж очень огорчалась, когда доча им пользовалась.

Лена, для конспирации спустив воду, подкралась к выходу, выглянула в щёлку между притолокой и дверью. Девица, томно глядя на Макса снизу-вверх, эдак многозначительно откинула волосы за плечо, блеснув колечком, знакомым до боли — возмись Ленка умирать и то бы его не забыла. А ещё девица, выпятив грудь, интимно подалась к Петрову, тот вроде и не против.

Было б чего выпячивать, вобла сушёная! Эх, рододендроны из дендрария, в душу вашу, в бога, в мать...

Пока Ленка себя скороговорками и ругательными непотребствами успокаивала, эти двое уже к Элизе Анатольевне наладились, пришлось догонять. Правда, Старообрядцева так зла была, что по дороге подхватила с официанского подноса бокал и одним махом влила в себя, а потом ещё пару минут длинно дышала в кулак, коньяк — а вовсе никакое не шампанское! — оказался даже крепким.

— ... меня все обычно зовут Степашкой, — чирикнула девица, когда Ленка всё-таки доскреблась до хозяйки. Элиза Анатольевна диковато оглянулась на «компаньонку» и вцепилась в её руку так, что больно стало. Лена ничего не поняла, но на всякий случай успокаивающе накрыла ладонку старушки своей. — Это мой сценический псевдоним. А вообще-то я Ольга или Лёлик, так мне больше нравится.

— А фамилия у вас есть, Лёлик? — очень, ну просто очень доброжелательно поинтересовалась Элиза.

— Есть, конечно, — серебряно или как там таким положено? Хрустально? В общем, очаровательно рассмеялась дива. — Но я её не люблю, она неприличная.

— И всё же? — поднажала хозяйка.

— Ой, — мило смутилась красотка, потупив раскрашенные глазки. — Распопова я.

— И чего тут неприличного? — для себя же неожиданно подала голос Ленка. Просто сухая ладошка Элизы Анатольевны слишком уж заметно дрожала и чересчур тесно эта краля прижималась к рукаву максового смокинга, который, кстати говоря, дико ему шёл, делая похожим то ли на француза, то ли на итальянца, то ли какого другого иностранца. — Фамилия как фамилия. Наверное, в роду распоп был. Ну, расстрига, священник, которого сана лишили. — Макс искоса глянул на неё, кажется, только сейчас Ленку заметив, и непонятно приподнял брови. — Что? Нам в краеведческом кружке про фамилии рассказывали.

— Ну не знаю, — снова зазвенела колокольцами красотка, то есть рассмеялась, умудрившись смерить Ленку снисходительно-прощающим взглядом. — Мне она не нравится. Элиза Анатольевна, Макс сказал, что вас мои украшения заинтересовали?

— Да, очень необычный дизайн, — голос хозяйки едва заметно дрогнул.

— Если б ещё и камни были натуральные! Хотя имитация приличная, жутких денег стоила. Это дедушка на день ангела подарил.

Веселушка-поскакушка опять захихикала, протянула костистую ручку, повертела туда-сюда, давая всем желающим возможность рассмотреть перстенёк. Даже на ленкин совершенно неискушённый взгляд жёлтый камень в оправе блестел совсем не так, как сверкало хозяйкино ожерелье на зелёном сукне кабинетного стола. Было в нём что-то ненастоящее.

— Всё равно оригинально, — улыбнулась Элиза.

— Мне тоже нравится, — довольно равнодушно ответила девица. — Ма-акс, — её тон моментом сменился, будто кто выключателем щёлкнул, стал мурлыкающим, ластящимся. — Мне тут кое с кем переговорить надо. Ты меня найди потом, ладно?

Петров кивнул, и Ленка почувствовала, что ей остро не хватает ещё одного бокала. В смысле, не самого фужера, конечно, а его содержимого.

— Ты знаешь, что от тебя коньяком разит? — осадил её желания Макс, когда его краля отошла, а Элиза отвлеклась на очередного желающего поздравить именинницу.

Видимо, в семье Петровых дар читать мысли передавался от матери сыну.

— А только вам можно, что ли? — огрызнулась Ленка. — Или вы про то, мол,

приличные девушки крепкого не пьют? Так я не приличная, я деревенская, а у нас пьют всё, что горит.

— Ты чего кусаешься?

— И не начинала даже. Зачем вы эту... певицу притащили? Элиза Анатольевна и так расстроилась, а вы ещё фальшивые блестяшки подсунули. Это ведь не забота, это фигня какая-то!

— Ничего я не подсовывал, — Макс, кажется, всерьёз растерялся. — Я с ней только здесь познакомился. Увидел этот перстень, решил матери показать, чтобы она дурью больше не маялась. И, вообще, почему я перед тобой оправдываюсь?

— Потому что теперь дурью будете маяться вы? То есть дурой. А она, между прочим...

Ленка уж совсем собралась выложить про подслушанный разговор, но вовремя успела язык прикусить. Не её это дело — и точка. Да и подслушивать нехорошо. Тут ещё и Макс не то чтобы нахмурился, но эдак потемнел, брови будто бы вперёд выехали, занавесив глаза, и нос загнулся крючком по-ведьмински.

— Я довольно большой мальчик и личные проблемы привык решать самостоятельно, — процедил работодатель. Лена чуть не выпалила нечто вроде: «Так вы согласны, эта девица проблема?», но, спохватившись, так и оставила язык прикушенным. — И очень не люблю, если в них лезут другие. Будьте добры, позвоните мне, когда доставите маму домой.

— Хорошо, Максим Алексеевич, — проворчала Ленка. — Я всё сделаю.

А чего ещё ждать? Сама нарвалась, сама по щам и получила, утирайся теперь. А то захотела курица с соколами знаться, приятельствовать! Наверное, вот так бы мама и сказала.

Глава 4.3

Поесть так и не дали. Ленка всё-таки выкроила минутку, эдак бочком, бочком, по шажочку подобралась к столам, но там уже ничего, кроме разочарования, не осталось. Нет, конечно, тарелки, цветы, ледяные скульптуры и обглоданные шпажки от эдаких штучек тоже никуда не делись. Но они, как ни странно, особого оптимизма не внушали и желудок, который начал угрожающе, но пока тихонечко порывивать, не успокаивали.

Лена тяжело вздохнула, подхватила с настойчиво подсунутого официантом под самый нос подноса бокал и призадумалась о схожести слов «нос» и «поднос», прихлёбывая коньяк: горький, как разочарование, тёмный, будто обида, и крепкий, словно желание доказать, что она... Ну тоже человек, между прочим, и, может быть, ничем не хуже каких-то там!

И всё-таки, почему «поднос»? Неужто и вправду потому, что его под нос суют? Нет, наверное, потому что на нём подносят. Но ведь «носить» и «нос» не слишком-то и похожи, а вот «поднос» и «нос» очень даже. И как это выходит?

— Кто же так коньяк пьёт? — раздалось даже не над ленкиным ухом, а будто прямо в нём, так близко оказался говоривший.

Старообрядцева, понятное дело, шарахнулась, и, яшень пень, ничего хорошего из этого не вышло. Проклятый каблук подвернулся, щиколотка с коленкой невесть с чего оказались не привычно жёсткими, а какими-то мягкими, будто тряпками набитыми, и Лена самым позорным образом начала заваливаться на мужика, так не вовремя решившего с ней пообщаться. К счастью, катастрофы не произошло, общительный успел её подхватить и Ленка его не раздавила, даже на пол не сшибла, потому что габариты у него оказались вполне подходящими. То есть, подходящими для ловли таки рухнувших «Пизанских башен», явно перебравших с крепкими напитками: рост приличный, в плечах не косая сажень, но близко, под шелковистым рукавом смокинга очень даже внушительные мускулы каменели.

— И какому идиоту в голову пришло делать мраморные полы? — Спросил мужчина почему-то у повисшей на нём Ленки. — Сам чуть не навернулся. Хотя в моих ботиночках немудрено.

— А что не так с вашими ботинками? — вывезла Старообрядцева.

Это она с перепугу и от смущения ляпнула, больше всего ей сейчас хотелось провалиться сквозь всё тот же каменный пол. А общительный помог ей выпрямиться, ещё немного подержал за локоть, наверное, хотел убедиться, что больше падать Ленка не собирается, и задрал ногу, демонстрируя подошву.

— Кожаная, — сообщил то ли с гордостью, то ли с отвращением. — В Англиях прикуплено за несметные тыщи. Ходить совершенно невозможно. Ноблис, блин, оближ[2], кабы не сказать грубее.

— У вас хоть каблучков нет.

— Строго говоря, есть, — улыбнулся мужчина. Улыбался он диво как хорошо, не только губами, но даже глазами, а ещё на левой щеке ямочка протаивала. — Но, конечно, вашим нечета. Предлагаю вернуться к нашим баранам. Почему вы так пьёте коньяк?

— Так — это как? — насупилась Ленка, отставляя подлый бокал на стол, от греха подальше.

— Как компот в детском саду, глоточками, — общительный прочесал волосы пятернёй, откидывая длинную чёлку назад, умудрившись стать раз в десять обаятельнее. — Надо уж или залпом, или смаковать.

— В наших приходских школах таким тонкостям не обучали, — буркнула Лена.

Блондин посмотрел на неё эдак серьёзно и ни с того ни с сего расхохотался так, что на них оборачиваться начали.

— Кл-ласс! — непонятно что оценил он, отсмеявшись. — Хотите, научу? У меня дома есть отличный коньяк, не то, что эта морилка для тараканов.

— Не хочу, — честно ответила Ленка.

— Почему? — вроде бы даже удивился мужчина.

Старообрядцева в ответ только плечами пожала. Ну а что тут скажешь? «Мне мама запрещает к незнакомым мужчинам домой ездить, потому что после таких экскурсий дети случаются»? «Покажите справку от психиатра, что вы не маньяк»? «Я не такая, я жду трамвая, то есть колечка, машины с куклой на капоте и «умерли в один день»? А красиво отшивать мужиков Ленка не умела, все советы, почерпнутые Оксанкой из статей, которые писала Светланка, в её голове не задерживались.

— То есть объективных причин для отказа нет? — поднажал блондин.

— А «не хочу» — это не объективно?

— Нет, это совершенно точно субъективно. Поэтому предлагаю следующий вариант...

— Андрей, отстань от нашей Елены и топай распускать хвост перед местными курицами. Они оценят, а мы нет, — строго велела так к месту появившаяся Элиза.

Между прочим, явилась она не одна, а под ручку с весьма импозантным господином, до изумления походившим на блондина, знатока коньяков. Правда, этот был седым, как лунь, но стать та же, похожая чёлка на левый глаз и сами глаза такие же серо-голубые, но голубизны куда больше, чем серости. И даже ямочка на щеке присутствовала.

— Слушаюсь и повинуюсь, — красавец, который молодой, а не старый, по-гусарски щёлкнул каблучками и приложился к лапке именинницы. — Хотя на счёт хвоста я бы поспорил. Прошу заметить, между распусканием, как вы изящно выразились, хвоста и

демонстраций себя любимого с лучшей, но вполне реальной стороны существует гигантская разница.

— Иди, иди, трепло! — отмахнулась от него Элиза Анатольевна. — К тому же, ловить тут тебе совершенно нечего, мы уже отбываем. Вот только познакомлю Лену с Юлием Александровичем и поедем.

— Уже? — и удивился, и явно огорчился седовласый. На Ленку он не то чтобы внимания обратил, престарелый красавец её попросту не увидел. Ну вот как будто у стола никого и не стояло, пусто там было. — Я думал, хотя бы посидим, если уж встретились. Сколько мы не виделись, Динь-Динь?

Элиза — вот уж на самом деле диво! — покраснела, да так активно, что заалевшиеся скулы не смогли скрыть ни пудра, ни прочие основы под макияжи. А ещё хозяйка затрепетала ресницами — смущённо так, и улыбнулась, но уже лукаво.

— Да здесь и присесть-то некуда, Юлик, — сказала, будто пуховкой погладила. Лежала у неё в спальне на туалетном столике такая, большая, лебяжья, мягкая-мягкая — Ленка раз не удержалась, потрогала. — А поговорить спокойно нам не дадут. Ты бы лучше заехал как-нибудь, навестил старуху.

— Ну какая ты старуха, Динь-динь, — укорил седовласый ласково, накрыв ладошку Элизы, лежавшую у него на локте, своей. — Не говори глупостей.

— Ещё скажи, что время надо мной не властно, старый льстец, — звонко, ничуть не хуже всяких Степашек, рассмеялась хозяйка. — А лучше проводи нас до машины. И большое спасибо, что пришёл, честно говоря, не ожидала.

— Не ожидала, что помню, когда твой день рождения? Разве я могу забыть?

— В последние десять лет тебе это удавалось весьма успешно.

— Помнится, ты сама заявила, что не желаешь меня видеть. Кажется, упоминала даже помойное ведро, которое непременно окажется у меня на голове, если я рискну...

Ленка таращилась на них во все глаза. И ведь понимала, что не стоит, неприлично, да и не хотела, а всё равно откровенно пялилась, но как не смотреть, когда всё точно как в кино! Причём не в современном, а старом таком, «душевном» — мама их так называла: и красиво, и трогательно, аж слезу выжимает, и самой вот эдак тоже хочется.

Только не слишком ли часто в последнее время случается «как в кино»? Опят, выходит, прав дядюшка.

Глава 4.4

В машине Элиза притихла, разом как-то сдулась, словно шарик, из которого воздух выпустили, но не до конца. Она сидела, закрыв глаза, опершись затылком на подголовник, и вроде бы снова побледнела, хотя в этом Ленка уверена и не была, вполне возможно, виноваты уличные фонари, то и дело заливающие салон мертвенным зеленоватым светом. Старообрядцева посматривала на хозяйку исподтишка и никак не могла понять, поплохело ей или ничего, ещё держится? А, главное, что она будет делать, если Элизе Анатольевне действительно станет хуже. «Скорую» вызывать? Так сама же старушка разозлится. Максимум звонить? Тогда разозлится он. И ведь кругом сама же Ленка виноватой окажется.

— Думаете, совсем из ума выжила старуха? — спросила Элиза, не открывая глаз и к Лене не поворачиваясь. — Возомнила себя молодухой, глазки начала мужикам строить?

— Ничего такого я не думаю, — пробормотала Старообрядцева, у которой на самом деле и мысль подобная не мелькала.

— Просто с Юлием у нас очень старые и очень непростые отношения, — кажется,

ответы Элизе Анатольевне и не требовались. — Они были очень дружны с Алексеем, моим мужем. Ещё со студенческих времён, оба обожали горы, занимались скалолазанием, на этой почве, вернее на скалах и сошлись. Ух, как я ненавидела эти их поездки! Как там у Владимира Семёновича? «Если друг оказался вдруг и не друг, и не враг, а так...» — Хозяйка вздохнула, села ровнее, с силой растёрла виски. — Когда мы поженились с Алексеем, Юлий был... Не помню. То ли в Южной Америке, то ли в Африке. В общем, двигал карьеру и зарабатывал деньги в дружеских социалистических странах по поручению родной партии и правительства. Вернулся года через три, тогда мы и познакомились. На беду. Одна беда на троих. Звучит как название пошленького романчика, да?

— Элиза Анатольевна, — начала было Ленка, понятия не имея, чем и как будет продолжать.

— Вы правы, это скучно, неинтересно и сто лет как мхом поросло, — невесело хмыкнула хозяйка.

— Нет, не в этом дело! — горячо заверила Старообрядцева. — Мне очень интересно! Просто...

— Правда? — Элиза вроде как даже лицом просветлела. — Ну вы сами виноваты, Лена. Старикам только дай повспоминать дела минувшей молодости. А ехать нам ещё далеко.

— Нет, мне правда... Но вам нужно нервы побережь. Врачиха сказала...

— Да что там нервы! — раздражённо отмахнулась старушка. — Сколько мне их беречь осталось? Я ведь думала, отгорело-отболело давным-давно, уж не по возрасту так возбуждаться-то. А увидела Юлия и всё словно вчера. Шалит сердечко-то, пакость такая.

— У вас с ним был... роман? — робко уточнила Ленка.

Ей и вправду стало жутко любопытно.

— Что ты, какой там роман! — снова махнула рукой старушка, отворачиваясь к окну. — Просто я с ним кокетничала. Ну так, чтобы себя и мужа в тонусе держать. Потом поняла, что возненавидела эти их поездки в горы вдвое сильнее. Сначала-то боялась за одного, а теперь за двоих. Дальше больше, больше — веселее. Иной раз он так смотрел, у меня земля из-под ног уходила, честное слово, Лена. И, знаете, так жутко и возбуждающе разом: вдруг кто-то заметит, вдруг Алексей увидит?

— Ну да, они же друзья...

— Дело не только в этом. Юлий с моим мужем вместе вверх пошли. По хозяйственно-административной части. Потом Алексея перевели в химпром. То есть в министерство химической промышленности, было у нас и такое. Илюша в здравоохранение подался. У него, между прочим, и сейчас фабрики какие-то, лекарства делают. Не свечной заводик, конечно, но тоже вполне прилично. Да и сам товарищ Сапунов... Ой, простите, господин Сапунов то ли депутат, то ли сенатор, то ли ещё какой-то выдвигенец. Всё как положено, один раз выдвинули, и с тех пор никак обратно задвинуть не могут. — Элиза усмехнулась. — Так о чём это я? — спросила и сама же себе ответила. — О любви, вестимо. Понимаете, Лена, в те времена нам о романе даже подумать было страшно. Узнай об этом кто, мигом бы в парткомы-месткомы наступали. А это значит разбирательство и позор на всю вселенную. И даже, возможно, партбилет отнимут и всё, и конец карьере, если вообще в истопники пинком под зад не вышибут. За «аморалку», то есть за аморальное поведение, имелась такая статья. Родной партии вместе с не менее родным правительством было очень любопытно, кто с кем спит, как часто и в каких позах.

— Так это и сейчас всем интересно.

— Это всегда всем интересно, только нынче за шалости должности не лишают, даже если ты иностранный президент и заигрался на саксофоне с секретаршей. — Про саксофон Ленка не поняла. Но переспрашивать не стала. — А лишение должности — это значит никаких спецраспределителей вместе с финским сервелатом, чешскими люстрами и французскими духами. Никаких квартир улучшенной планировки и путёвок в Болгарию, а то и куда-нибудь в капстраны[3]. Короче говоря, лишение всех благ и полное отлучение от рая. Алексей бы мне этого не простил. Да я и сама себе этого не простила. Тогда казалось, что любовь того не стоит.

— А сейчас?

— А сейчас не кажется, сейчас я в этом уверена. К тому же, такой повод пострадать, взбодрить нервы. Всё жить веселее.

— И вы никогда?..

— Вас, как партию с правительством, интересуется наша половая жизнь? — снова усмехнулась Элиза. — Не смущайтесь, Лена, любопытство вполне естественное, да я и сама собиралась добавить перчику. Случалось у нас с Юликом, грешна, но не каюсь. Ни тогда, ни тем более теперь. Хотя и не часто это было. Но дивную неделю в Сухуми я буду на смертном одре вспоминать. Честно-честно, вот вознесусь, встретит меня у врат апостол Пётр, я ему так и скажу: «Уважаемый апостол, или отправляй меня назад в Сухуми или я пошла в ад чертям нервы мотать, потому как рай у вас неправильный».

Элиза замолчала, глядя в окно.

— А что было в Сухуми? — открыть рот Ленка решила только минуты через две.

— Много солнца, любви и вина, — не сразу ответила хозяйка. — Преимущественно вина. Тогда мы почти решились послать всё к чёртовой матери. Но... Но я обнаружила, что беременна Максом и к этому Юлий ни руку, ни другие части тела приложить никак не мог. В общем-то, на этом всё и закончилось. Мужу изменять мне совесть позволяла, а вот сыну нет. Я ведь настоящая стопроцентная еврейская мамаша из анекдотов. Для меня ребёнок даже не свет в окошке, а единственный смысл существования. И никакая любовь, никакие мужики никогда не могли бы заставить меня сделать что-то, способное хоть на ноготок ему навредить. Вот такая история любви. Романтично?

Ленка промолчала. Ну не спорить же с Элизой! Хотя, конечно, та была в корне не права. Если так-то любишь, чтоб годами, чтоб «земля из-под ног уходила», то не плевать ли на всё остальное? Да и ребёнку всё можно объяснить, это она уж точно знала.

[1] Мессер — от «мессенджер», система мгновенного обмена сообщениями, например WhatsApp, Telegram, Skype

[2] Иск. «Noblesse oblige» (фр.) — расхожая фраза, означающая «положение обязывает». Дословно: «Дворянское происхождение обязывает».

[3] Капстрана — капиталистическая страна, то есть не принадлежащая социалистическому лагерю.

В бессонных ночах всё-таки есть и своя прелесть, и польза. Ведь только утром с недосыпа человек по-настоящему может прочувствовать на что способен. Вернее, на что способна его голова и каких границ дичи может достичь собственная фантазия, особенно спаренная с генератором идей, почему-то наиболее плодотворно работающим часа так в четыре после полуночи. Хотя и это не совсем верно, как известно, у дичи границ не существует, а, значит, и достигать нечего.

Готовя для дядюшки утреннюю овсянку — из пакетика, обогащённую минералами, бактериями, трухой, выдаваемой за «живые ягоды», и рекламой — Ленка тихо поражалась себе, любимой. Ведь действительно собиралась позвонить Элизе Анатольевне, только не смогла придумать, как это дело обстряпать поделикатнее. Вариантов было три: позвонить, но ничего не говорить; позвонить и сделать вид, что номером ошиблась; позвонить и попросить к телефону, ну, скажем, Люсю. Или Изабеллу, чем она хуже Люси? Смысл-то в том, чтобы хозяйкин голос послушать, уж больно неважно выглядела Элиза вчера после банкета — и расстроенной, и уставшей, и даже приболевшей. А, главное, старушка ей, Ленке то есть, остаться не позволила и строго-настрого запретила дёргать Макса, Махрутку, скорую помощь и все остальные спецслужбы скопом.

Да, беспокойство за хозяйку дело, наверное, хорошее, даже местами благородное, но будить пожилую женщину, чтобы справиться о её самочувствие — дело такое, сомнительное. Кто угодно больным сделается, если в три ночи ему будут в трубку дышать или попросят Люсю поискать. Хотя, конечно, отозваться могла не сама Элиза Анатольевна, а вовсе даже Макс. Это при условии, конечно, что он у матери ночевал, а не у всяких там...

А интересно всё же, где он ночевал? И с кем.

Хорошо, что она так и не позвонила.

Может, это сейчас сделать? Конечно, придумав что-нибудь поумнее Люси с Изабеллой, например, спросить, не нужно ли хозяйке чего. А что, вдруг на самом деле что-нибудь понадобится? Яблок там или стиральный порошок закончился? Правда, Элиза Анатольевна даже, кажется, не знала, где он в её доме хранится. Но Макс-то должен знать! Ну, или может знать. В конце концов, за спрос денег не берут. Конечно, даже если он трубку возьмёт, то ничего это не значит, мог по дороге на работу заскочить, проведать.

Нет, Ленку, конечно, не сильно волновало, где он там ночует, не её это дело. Просто непорядочно так поступать: сбросил мать на совершенно постороннего — ну ладно, почти постороннего — человека, а сам ускакал... всяких дур валять! Разве так можно? С какой стороны не посмотри, а никак нельзя!

— Елена, что ты делаешь? — ворчливый голос дядюшки вломился в тяжкую задумчивость с деликатностью пьяного громилы, заставив вздрогнуть. — Это уже не каша, это кисель. Никакой пользы теперь в ней нет.

— Ой, прости, пожалуйста, — всполошилась Ленка, безрезультатно и запоздало пытаясь спрятать от родственника миску с чем-то сильно смахивающим на клейстер. — Я сейчас другую сделаю, ты посиди.

— Другую она сделает! — возмутился Михал Сергеич. — А о деньгах ты подумала? Если вот так запросто продукты переводить, то недолго и на паперти оказаться, никакой пенсии не хватит. Ведь теперешнее, с позволение сказать, государство не желает нести

ответственность...

Ленка, снова отключившись, только кивала, как цирковая лошадь. Государство вместе с его ответственностью — или безответственностью? — её не интересовало совершенно, про него дядя давно и ни один раз всё подробно растолковал. А интересовало Старообрядцеву... Нет, это тоже не интересовало, потому как не её дело. Вот накрепко, просто железобетонно: не её.

— Елена!

— Я слушаю, слушаю.

— Слушаешь, да не слышишь, — дядюшка сурово сдвинул очки на кончик носа. — Ты вчера опять явилась ночью. Как я должен это понимать?

— Да эти ревизии просто замучили совсем. Ничего не сходится, опять целую коробку потеряли и... — Ленка сунула голову в холодильник, как страус в песок. К сожалению, внутри ничего нужного не обнаружилось. Хотя вот можно полочку протереть, кажется, на неё молоко пролилось. — Новый же год на носу, надо всё посчитать. Нас, наверное, заставят ещё...

— Мне доложили, что ты завела какую-то странную дружбу с этой тунеядкой Петровой из третьего подъезда. Это правда?

— Дядюшка, она никакая не тунеядка, а просто пенсионерка, — промямлила Ленка, не спеша выбираться из холодильника.

— Пенсионерка?! — Михал Сергеич аж задохнулся от возмущения. — Пенсионер — это человек, всю жизнь честно служивший своей стране и трудовому народу, который и отправил его на законный отдых. А это рвачи, дельцы, кровопийцы! Скажи, может ли гражданин с чистой совестью подарить своему сыночку целый химический комбинат? Я тебе отвечу: не может!

Дядюшка веско, деревянно постучал пальцем по столу.

— Кто кому чего подарил? — искренне не поняла Лена, у которой от близости морозилки начало подмерзать левое ухо.

— Этот хапуга Петров своему бандюгану сыну! У нас, между прочим, был прекрасный химический комбинат, сотни людей на нём работали, доверились этому... мерзавцу! — от горячности голос дядюшки съехал на фальцет. — Назначили его директором! А он! Разорил! Распродал! Пустил по ветру! Тысячи остались без работы! Тысячи! Лишил страну... продукта!

Ленка, наконец, выбралась из холодильника, аккуратно, будто та была из скорлупы сделана, закрыла дверцу, промыла губку, которой полку протирала, так же осторожно пристроила на край раковины.

Старообрядцевы хорошо знали, что такое без работы остаться. Старший Старообрядцев, Ленкин отец, служил мастером цеха на фабричке близ Мухлово, где резали такие деревянные шули, на которые потом наматывали нитки, чтобы ткань делать. А потом пришли лихие парни, и фабричка переквалифицировалась на выпуск ящиков для овощей. Ящики папа делать не умел и его уволили вместе с другими. А вместо них наняли странных, смуглых и будто испуганных людей, совсем не говоривших по-русски.

Этих нерусских Ленке было очень жалко, но папу жалче гораздо больше. Потому что из весёлого мужика, любившего обливаться ледяной водой и ухавшего филином, он как-то мигом превратился в злобного трясущегося старика, воняющего немытостью и перегаром. С папой Лена прожила свои первые семь лет, со стариком просто так, от злобы лупящего

дочь и жену, ещё почти десять.

«Что ж, — говорила мама про лихих парней, «прихватизировавших» фабричку. — Им деньги надо зарабатывать. До людей ли тут?»

Выходит, и Макс у не до людей? А Элиза так необыкновенно живёт, потому что у кого-то отец тоже превратился в злобного старикашку?

Правда, случилось и по-другому, это Ленка тоже знала. Летом, когда ездила мать навещать, своими глазами видела диво дивное. Непонятно откуда в их Мухлово объявилась городская тётка, настоящая бизнесменша и вроде даже иностранка, женила на себе мухловского мужика и организовала для местных работу. Теперь половина села у неё в цеху работает, делают не какие-то там шпули или ящики, а воду в таких чудных радужных бутылках, «Прошкин ключик» называется. Говорят, если её постоянно пить, то станешь просто необыкновенной красавицей. Насчёт красоты Лена была не уверена, а воду пробовала: и простую, и газированную, и с малиной. Смешно, конечно, вода и вдруг с малиной, но правда ведь пахнет и вкусно.

Может, Макс всё же из таких, как эта бизнесменша Архиповна?

Глава 5.2

Хозяйка магазина, из которого Ленка никак уволиться не решалась, была дамой прогрессивной, в своё время закончившей колледж высшего менеджмента и управления, ранее именовавшийся кулинарным ПТУ, а потому очень любила нововведения, особенно на западный, то есть прогрессивный же, манер. А ещё она очень уважала интернет и не чуралась оттуда идеи черпать.

Порой они были совершенно безобидны, как, допустим, правило, гласившее, что с каждым покупателем необходимо поздороваться, спросить как у него дела, ну и попрощаться не забыть. Правда, некоторые посетители при вопросе: «Как ваши дела?» почему-то шарахались и смотрели странно. Да и продавщицы, особенно к концу смены, промахи допускали. Например, ленкина сменщица Наташа так и вылепила, мол: «Добрый вечер, как ваши дела, спасибо, что посетили наш магазин, приходите ещё!». Господин, по всей видимости, желавший колбасы купить, очень удивился, но безропотно ушёл, хоть и без колбасы.

Были и очень неудобные, даже проблемные новшества, чаще всего родившиеся в странах сильно восточной Азии и на русской земле приживаться отказывавшиеся, как требование всему персоналу носить на груди значок с кровавой капелькой во время... Ну, этих самых дней. Чтоб покупатели видели: дама не совсем здорова, может нарычать или там ошибиться, и не обижались. По странному совпадению, как раз после этого нововведения всех продавщиц массово накрыл климакс. По крайней мере, за три последующих месяца значок не надела ни одна. Зато отличился грузчик Василий, нацепивший три капельки не только на грудь, но ещё две на бейсболку и охотно объяснявший всем интересующимся, к чему это.

А случались идеи, которые иначе как «геморрой» никто не называл. Так в начале зимы хозяйка потребовала, что в зале должен постоянно присутствовать консультант и мерчендайзер в одном лице. Что есть этот самый «дайзер» никто толком не понял, зачем в «зале», размером с кухню в «хрущёвке» нужен консультант, поняли ещё меньше, но в обязанности этому загадочному человеку вменялось следить, чтобы товары на полках выглядели красиво, и отвечать на вопросы посетителей. Нанимать дополнительного человека на эту ответственную должность хозяйка, естественно, и не подумала, вот сотрудники и выкручивались, как могли. «Дайзели» по очереди, норовя спихнуть

обязанности на тех, кто меньше места занимал, чтобы не перекрывать проходы для покупателей.

Так получилось, что в Ленкиной смене самой мелкогабаритной — кроме Миленки, естественно, но та на кассе сидела и места своего покидать не собиралась даже под угрозой увольнения — оказалась сама Старообрядцева. То есть ниже её был даже Василий, но вот объемами другим она уступала, так и получалось, что дежурить ей выпадало чаще других. Обычно она не протестовала, работа-то не самая пыльная, но в этот день, когда у неё голова совсем другим забита была, всё выходило вкривь и вкось.

— Девушка, где «Максим»? — прицепилась к Ленке покупательница, когда Старообрядцева в задумчивости почти уже отколупала ламинирование со своего бейджика с гордой надписью «Консультант по товарам» и ниже, совсем маленькими буквами «Мэрчиндайзир».

— На работе, наверное, — растерянно вывезла не словившая мышей Ленка. — Или дома.

— Очень смешно! Оборжаться можно! — мигом обозлилась женщина. — У вас есть «Максим» или нет? — «У меня его точно нет» — едва не призналась Лена, но вовремя сообразила, что речь, наверное, всё-таки не о Петрове идёт. — Мне нужен «Максим» для унитаза.

— Это к бытовой химии, — вовремя подсунулась Зойпетровна из «молочки». — Там и зелёный, и жёлтый, и чёрный есть. Вам какой надо?

— Мне чёрный больше нравится, — помягчала покупательница.

Ленка представила себе чёрного, а так же зелёного и жёлтого Макса, и ей стало совсем худо. Представлять его же, но «для унитаза» почему-то не захотелось.

— Эй, у вас тут живого Петрова нету? — «Да вы сговорились, что ли?» — едва не выпалила Лена, таращась на тщедушного, но очень продвинутого, аж извивающегося от своей продвинутости всем хилым тельцем парня. Впрочем, вполне возможно, извиваться его заставляли горошины наушников, наглухо залепившие уши. — Чего уставилась? Говорю, живого Петрова мне нужно.

— Боюсь, нам даже дохлых не завезли, — вежливо ответила вконец измаявшаяся Лена.

Правда, ответила она под нос и тихо.

— Чего говоришь? — Парень вытащил из уха одну горошину, из которой приглушённо, равномерно, будто метроном, забумкало. — Нету, чё ли, живого Петрова? Ну, это хрень такая, типа круче колы, от неё ещё рожь косится и борода растёт. Чего, не видала по телику, чё ли? — Ленка помотала головой, признаваясь, что не видала. — Тёмная, да? — скривился продвинутый посетитель.

— Ой, я видала, видала! — встряла розоволосая девчонка и зачастила, благосклонно, хоть и искоса поглядывая на извивающегося. — Это реклама такая. Там такое поле, а на нём мужики типа прикинутые. Потом они давай косить и у них вместо крутых костюмов такие отстойные рубахи, прикинь? Ну откуда у таких косы? Ой, идиотизм! А ещё бороды повылазили! Ну, маразм, не? Квас называется, «Наследие Петрово», типа живой. Ну типа этот, который царь, нам квас завёз из Штатов. Во!

— Сечёшь, — одобрил пацан то ли девицу, то ли её познания. — Ну, есть такой?

— Там посмотрите, — вяло махнула рукой Ленка, чувствуя себя очень старой, просто дряхлой.

И безнадежно отставшей от жизни. А ещё мелькнула мысль: нужно обязательно

рассказать Элизе Анатольевне, ей понравится. Вот дядюшка не оценил бы, даже не улыбнулся. Или вправду теперь со старушкой общаться не стоит и не потому что Михал Сергеевич строго настрого запретил, а потому что Петровы... ну, кровопийцы?

Нет, против богатых Старообрядцева ничего не имела. Наоборот, хорошо же, когда человек умеет деньги зарабатывать, а если умеет зарабатывать много, то вообще молодец! Но нельзя же при этом на всех остальных плевать. Вон Тёма, который у них краеведческий кружок вёл, рассказывал о меценатах, сильно любивших всякую благотворительность устраивать. Правда, это давным-давно было, ещё до революции.

Ленка представила Элизу Анатольевну в кружевной шляпке и непременно с зонтиком, как на старых фотографиях, а рядом Макса — пузатого, с бородой лопатой, как у настоящего мецената — и развеселилась. А тут ещё телефон в кармане затрясся, завибрировал. Лена воровато оглянулась, спряталась за плакатиком, обещавшим две банки кофе по цене одной, которая, между прочим, обычно стоила втрое дешевле, и глянула на экранчик, так и не достав аппаратик до конца.

«Элиза Анатольевна» — высветилось на синеватом прямоугольнике.

— Слушаю, — рявкнула Ленка, начисто позабыв о необходимости соблюдать конспирацию.

— Лена? — строго спросила хозяйка и тут же ответила сама себе: — Нет, это Федя, старая дура.

— Изабелла, — представилась Старообрядцева радостно.

— Кастильская? — деловито поинтересовалась Элиза и деликатно, почти неслышно отхлебнула.

Опять кофе пьёт! А ведь врачиха сказала, что нельзя, для желудка вредно.

— Да нет, местная.

— Тоже неплохо, — оценила старушка. — Уважаемая Изабелла, вы не могли бы вечером зайти на квартиру Макса. Честное слово, неудобно вас просить, но он завтра опять в свой Китай уматывает, а у него журналы, которые мне до зарезу нужны. Вот просто жизни без них нет, клянусь. Этот же нехороший человек, приходящийся мне сыном, отсыпается перед командировкой. Видите ли, в самолетах он спать не может и потому бросил мать на произвол судьбы, то есть без журналов. Э?

— Конечно зайду, Элиза Анатольевна, — горячо пообещала Ленка, понимая, что улыбается во весь рот. — Мне не сложно.

— Вы не человек, Лена, вы чистое золото, — по-прежнему очень деловито сообщила старушка. — На девятьсот девяносто девятую пробу не дотягиваете, конечно, а кто до неё дотягивает? Но девятьсот пятьдесят восьмая точно ваша.

И отключилась.

Глава 5.3

Рабочий день закончился отвратительно. Мало того, что Ленку с телефоном застучала подлая Митрофанова, администраторша, и устроила по этому поводу форменную истерику с обещаниями, кар, лишений и прочих неприятностей, а, значит, никакой премии к Новому году не будет. Так ещё какой-то мальчишка, с физиономии чистый ангел лет пяти, не придумал ничего умнее, как разжевать шоколадку и выплюнуть жижу прямо Лене на форменный халатик. Выглядело это отвратительно, зато очень порадовало мальчика, который ржал, как ненормальный. Старообрядцева совсем уж было собралась взять «шалунишку» за ухо, да объяснить, что такое хорошо, и что такое плохо, но тут подоспела мамаша, уже Ленке

доходчиво растолковавшая, в чём правда жизни. А правда эта заключалась в записи в жалобную книгу, свидетельствующей, что продавец Строобрядцева хамит покупателям и бьет детей. Митрофанова распсиховалась ещё пуще и теперь, вполне возможно, к Новому году вместе с премией не дадут ещё и зарплату.

Всё это радости жизни не добавляло и в целом угнетало. Да ещё обещая Элизе Анатольевне зайти к Макс, Ленка как-то подзабыла: придётся красться по практически родному подъезду, скрываясь от бдительных соседей, которые, конечно, не преминут доложить дяде, что его непутёвая племянница водит дружбу не только с тунеядкой Петровой, но и с её бандюганом сыном. Хорошо, если лифт соизволит поработать, а если нет? Ползти по лестнице как партизан, по-пластунски?

В общем, домой Лена не спешила, шла нога за ногу, тем более и погода располагала к прогулке. Снова пошёл снег, да не просто пошёл, а повалил такими картинными медленными хлопьями, как в забугорном кино про Рождество. Зато было совсем не холодно. Деревья у порогов магазинов, обмотанные светящимися гирляндами, мерцали волшебными фонарями. Бегущие огоньки на фасаде театра, складывающиеся в буквы, обещали, что в новом году совершенно точно всё будет хорошо. Даже проползший мимо троллейбус, перекошенный на один бок из-за набившихся в него людей, будто улыбался потёртой мордой. А во дворе с визгами и писканиями детвора каталась с горки, малышня облепила её, как обезьянки, и было совершенно незаметно, что горка старая, обшарпанная и немного покосившаяся, зато радости море и предчувствие праздника, который вот-вот наступит и будет длиться долго-долго, целых десять дней, вот сколько! Даже надоест успеет, хотя сейчас такое представить попросту невозможно.

Ленке остро, до рези где-то под желудком захотелось собственную обезьянку с круглой, покрасневшей от мороза мордашкой, в пронзительно-ярком комбинезончике и шапке с помпоном. Чтоб вот также лезла на горку по-крабьи, смешно отставив попку, а потом скатывалась с лихим визгом и требовала, чтобы она, Ленка, смотрела. А накатавшись до самой настоящей усталости, они бы пошли домой пить чай с булкой и маминым вареньем, пили долго, основательно и никуда не торопясь, потому что впереди целый вечер. И ёлка, таинственно поблёскивающая в полумраке мишурой, и тапки со смешными мордами, и книжка про медвежонка, грустного ослика и маленького кенгуру.

Вот её личной обезьянке никогда не придёт в голову плевать жёванным шоколадом. А Макс...

Стоп! Причём тут Макс?

— Лена? Вы же Лена, да?

Старообрядцева обернулась, уставившись на красавца блондина в невозможно стильной короткой куртке и таких джинсах, за которые Ленка бы душу, может, и не отдала, но десятком лет жизни пожертвовала с лёгкостью. Конечно, если б они ещё вот так на ней сидели.

— Вы меня не помните? Я Андрей.

— Я вас помню, — ворчливо и она сама это прекрасно слышала, отозвалась Лена и попыталась улыбнуться поприветливее. — Только не знаю, как вас зовут. По-моему, вы вчера не говорили.

— Какое упущение с моей стороны, — блондин тоже улыбнулся, протаив ямочку на щеке, и поклонился, щёлкнув каблуками почти ковбойских сапог. — Андрей Олегович Мери~~н~~, ударение на последний слог. Прошу если не любить, то, по хотя бы жаловать.

— А разве вы не родственники с тем мужчиной? Ну, с Юлием?

— И даже не однофамильцы, — заверил красавец. — Хотя, конечно, я бы не отказался от такого дедушки, как Юлий Александрович, но не всем же везёт. Но ещё Элиза говорила, что мы похожи. А вы что здесь делаете, Прекрасная Елена, навещаете подопечную?

— Элиза Анатольевна попросила меня к Максусу зайти, — буркнула Ленка.

Ну да, нашёл тоже прекрасную! Это в самовязанной-то шапке, старенькой куртейке и юбке из-под которой торчат ноги в порядке обтрёпанных ботинках. И наверняка с красным от мороза носом.

— Ну так пойдёмте вместе, — Андрей как-то очень ловко, почти незаметно, подцепил её под ручку. Идти с ним оказалось удобно, не приходилось ни приноравливаться к шагам, ни колени подгибать, чтоб пониже быть. — Кстати, я не только не представился, но и не отрекомендовался. Вице-президент фирмы «МастерОК». Честно говоря, это меня Макс так из вежливости величает, боится задеть самолюбие. На самом деле я просто мальчик на побегушках, принеси, подай, поди к чёрту не мешай.

— Да ладно, — пробормотала Ленка, заметив у подъезда Марьванну из шестьдесят шестой, выгуливающую недовольного Барона. — Что-то не слишком верится.

К сожалению, они её тоже заметили, соседка мигом поджала губы, подозрительно прищурившись, а болонка зашлась то ли лаем, то ли кашлем. На вежливо поздоровавшегося Андрея оба глянули с явным неодобрением. Ну всё, теперь дядюшке совершенно точно доложат!

Лифт, Лену обычно принципиально игнорировавший, ради красавца решил поработать и даже не трясся припадочно, прикинувшись молодым и исправным. А вот когда открылась дверь максовой квартиры, Старообрядцева решила, что ошиблась этажом или даже подъездом. Потом, присмотревшись, поняла: ничего она не ошиблась, а Андрей многозначительно присвистнул.

— Чего надо? — вежливо поинтересовалась Степашка.

Потом тоже, наверное, присмотрелась, эдак медленно улыбнулась и перекинула волосы с одного плеча на другое. Улыбалась, она, конечно, не Ленке, а её шевелюра немедленно улеглась волнами, как в рекламе.

— А мы к вам, — объявил Андрей, успевший оценить мужскую рубашку со стратегически расстёгнутыми пуговицами и трогательно подвёрнутые носки не по размеру, больше-то на девице ничего не было, даже кольца. — Где Макс?

— Он там, в душе, — девица неопределённо махнула рукой. — Ну, проходите, коли пришли. Хотя и очень не вовремя, если понимаете, о чём я. Эй, а ты куда? — Это уже было сказано Старообрядцевой, которая тоже попыталась «пройти».

— Меня Элиза Анатольевна попросила... — промямлила Ленка, чувствуя, что щёки у неё горят, будто по ним крапивой хлестнули.

— А, так ты поломойка, что ль? — Степашка выпятила губу, сдув с носа лёгкую прядку. — Макс говорил про пакет, щас дам. Только ты не заходи, а то наследись ещё.

— Да куда уж больше? — ляпнула Ленка, не без труда заставляя себя держать руки опущенными, очень уж хотелось спрятать в ладонях пламенеющие щёки. — Я смотрю, тут и так всё... помечено.

Повисшая тишина ударила по вискам не хуже иного вопля. Девица открыла рот, закрыла, мотнула головой, будто собственным ушам не веря.

— Ты чё сказала? — отмерла, наконец, Степашка. — Не, ты чё сейчас сказала? Ты как

меня назвала? Макс, ты слышал, как она меня назвала?

— Не слышал, — признался Петров, воплотившийся из темноты за дверь.

На Ленку он смотрел хмуро, исподлобья. Рассердился, наверное, что обидела его красавицу. Ну и пусть! Зато вон Андрей ухмылялся во весь рот.

Глава 5.4

Длинный картофельный очисток, завивающийся спиралью, почти достал до дна раковины и плюхнулся, свернувшись змейкой. Нож, сорвавшись, едва не порезал палец, разминувшись с подушечкой всего на волосок, но Ленка его всё равно зачем-то сунула в рот, пососала, хотя никакой крови не было, даже прикусила, критически осмотрела со всех сторон и взялась за новую картофелину. Если вот с этой получится, удастся очистить всю шкурку одной лентой, то всё будет хорошо, а если нет...

Что должно быть хорошо? Жизнь и так не плоха. Подумаешь, работодатель разозлился, вернее, оба работодателя, Митрофанова-то наверняка той хозяйке наябедничает. Зато Элиза Анатольевна журналам очень обрадовалась, мигом утащила в свой кабинет. И, вообще, Петров кровопийца без чести и совести, Ленке до него никакого дела нет, главное, чтобы деньги платил. А он, между прочим, ещё ни копейки не дал.

— ... в книжке вычитала. Серьёзно, железный способ, — вещала Махрутка под бубнёж телевизора, в котором очередной с подтяжками облаивал ту, что в зелёном. Или, может, всё было как раз наоборот. — В общем, там деваха подсуропила так, что граф на неё лошадьё наехал. Она, конечно, с копыт кирдык!..

— Лошадь? — мрачно уточнила Старообрядцева.

— Да какая лошадь? Девка. Короче, она типа в обморок упала и платье себе порвала.

— В обмороке?

— Не, ещё до. Ну она специально так подстроила, что вроде оно порвалось и все титьки наружу. Вот и получается, граф её вроде как опозорил. Ну, увидел, как вывалилось-то, — хихикнула басом медсестра, — и давай тот час жениться. Вот бы так Макс со мной. Как думаешь, прокатит?

— Лошадь в квартиру не влезет, — ещё мрачнее предрекла Ленка, косясь на богатырский махруткин бюст.

Нет, ей завидовать не приходилось, конечно, но уж больно всё богато у медсестры было. Тут на самом деле призадумайся, кто кого с копыт сшибёт: коняга Махрутку, или та лошадь.

— Ну, не лошадь, — усомнилась сиделка. — Но как-то так пристроить...

— Современных мужиков голыми грудями не напугаешь.

— Эх, это вот ты правильно сказала, — с тяжким вздохом согласилась коварная соблазнительница, отправляя в рот целую конфету. — Не графья, чай. И чё я сейчас родилась? Вот лет бы сто назад, да с хорошим приданым...

Что она там с приданым стала бы делать да ещё сто лет назад, Ленке слушать совершенно не хотелось. Она открыла кран почти до упора, чтоб вода лупила в раковину, нарочно гремя, достала помойное ведро, сгребла очистки. Чёрный мусорный пакет был девственно пуст, не считая пустой упаковки из-под таблеток. Вот только этот блистер — красивое слово, фантастическое, почти бластер — Старообрядцевой был хорошо знаком. В смысле, не конкретно тот, что в ведре болтался, а очень похожий. Дядюшка принимал такое же лекарство «от давления», чтобы не скакнуло выше крыши. И препарат был сильным, за рецептом к врачу надо идти, а это целая эпопея! Ленке даже приходилось иногда с работы

отпрашиваться, чтобы Михал Сергеича в поликлинику провожать. Но просто так в аптеке его не соглашались продавать ни в какую.

Вот только врачиха же сказала, что у Элизы Анатольевны *пониженное* давление.

— Слушай, Махрут, а откуда это? — спросила Ленка, двумя пальцами выуживая блистер.

— Чего? — не сразу поняла медсестра. — А! Это я выбросила. От другого пациента прихватила. Забыла там выкинуть, да на автомате в карман сунула, а тут у меня выпал, ну я и... И чего? Нельзя, что ли?

— Да можно, — пожала плечами Лена. — Только ты говорила, что Элиза Анатольевна у тебя одна.

— Это я сиделкой у неё одной работаю, — окончательно набычилась Махрутка. — А массажи знаешь сколько делаю? К вечеру руки, как у гориллы. Не то что ты, помыла, подмела и гуляй Вася с денежками. Некоторым копеечка тяжким трудом даётся, между прочим! Тут ещё и помойкой в нос тычут, это нельзя, то не смей! Икнуть без разрешения не икни! Тоже мне, раскомандовалась!

— Да я просто спросила, — проблеяла Ленка.

Всё-таки поднявшаяся, медведицей нависшая над столом медсестра — руки в боки, лоб побагровел от праведного гнева — выглядела по-настоящему устрашающе.

— А раз спросила, то и молчи в тряпочку! — рывкнула Махрутка, широко рубанув кулаком воздух и смахнув со спинки углового диванчика мирно спящего Люка.

Кот коротко, растеряно мявкнув, шлёпнулся и не как полагается, то есть на четыре лапы, а на пузо.

— С ума съехала? — завопила Ленка, метнувшись к животине.

Но Людвиг фон Легштенкофф её дожидаться не стал. Может, по своей кошачьей иерархии на графа он и не тянул, но в его аристократическом происхождении сомневаться и раньше не приходилось. Ну а сейчас вспыльчивый, как все истинные дворяне, рыжий твёрдо решил обелить попорченные достоинства с честью, покарать обидчика и...

Короче говоря, кот одним, поистине пантерным прыжком, молча, прямо с места, будто взлетел в воздух, вцепившись когтями в махруткины достоинства, которыми она собиралась Макса поражать, и бешено заработал задними лапами, раздирая куртку спортивного костюма. Ленка охнула, медсестра заголосила дурниной.

— Что тут происходит? — спокойно поинтересовалась Элиза Анатольевна, появившаяся на пороге кухни.

— Уберите! Уберите его! — заорала Махрутка, хлопая себя руками по бокам.

— У-ау! — саблезубым тигром взвыл кот.

Ленка оббежала медсетру по кругу, сначала слева на право, потом справа на лево, больно стукнулась бедром о край стола, примерилась схватить Люка половчее и рухнула на диван, задыхаясь от хохота.

— Дурдом, — констатировала хозяйка, засовывая в рот дужки очков.

— Муа-ар! — одобрил кот, переходя на обертона.

— А-а! — поддержала Махрутка, хватая в пригоршни собственные волосы и крутанувшись волчком.

У Ленки от хохота живот свело судорогой.

— Людвиг, друг мой, — Элиза Анатольевна была само хладнокровие. — Разве джентльменам подобает так себя вести? Стыдитесь!

Кот внял. Кот устыдился. Захлопнул пасть и замер на мгновение, прищуриив блудливые глаза, разве что лапкой не разгладил так и не порванную, но изрядно украшенную зацепками куртку. И мягко спрыгнул на пол, где тут же принялся вылизывать бочок, приглаживая ещё стоящую дыбом шерсть.

— Убили! — выдохнула Махрутка, всем своим немалым весом рушась рядом с Ленкой на просевший диванчик. — Убил же, сволота!

Люк перестал вылизываться и коротко, но выразительно глянул на неё, сверкнув глазами.

— Но, но! Всем стоит успокоиться, — приказала Элиза, наконец, входя в кухню. — Убить не убили, но шею поганец вам рассадил, надо обработать. Кошачьи царапки заживают неохотно.

— Где? — завертела головой медсестра, будто на самом деле надеясь рассмотреть собственную шею, и зачем-то рванула молнию, расстёгивая куртку почти до пояса. — Что ты ржёшь, идиотина? — пихнула она Ленку локтём.

— Я не... не... — промычала Старообрядцева, у которой на самом деле уже никаких сил не было смеяться. — Фу-ух! Я просто... Ну хоть кино по той книге снимай! Помнишь, когда Бегемот конференсье голову оторвал, чтоб не завирался? М-да, сейчас и вправду не смешно. Прости, прости пожалуйста. Очень больно? Я сейчас зелёнку принесу.

— Какая зелёнка?! Ты смотри, что пакость наделала! — заорала Махрутка громче прежнего. — Эта скотина мне лифчик порвал! Да он стоит больше, чем эта драная мочалка! Нет, вы посмотрите!

Ленка послушно посмотрела. Бюстгальтер и впрямь поражал воображение: нежно-нежно розовый, с пеной кремового кружева, к которой синтетика явно даже не приближалась, с нежным шёлковым отливом. Да уж, не такое бельё ожидаешь увидеть под курткой от китайского спортивного костюма. Видимо, Махрутка всерьёз готовилась к встрече со своим графом.

Новый год, начавший подкрадываться на мягких лапах ещё в ноябре, наконец решился на громкое заявление о своих правах, теперь уж ни у кого сомнений не возникало: он вот-вот наступит. А страдающим забывчивостью достаточно было выйти мусор выкинуть, потому что как раз за синими баками, наглухо перегородив проход между дядюшкиным домом и соседним, сорок шестым, открылся ёлочный базар. Да ни какая-нибудь клетушка со сваленными, будто дрова, перетянутыми верёвкой несчастными ёлочками, а настоящий теремок, украшенный аляповатыми, но забавными фанерными фигурками лисы в кокошнике, зайца в валенках, петуха и ещё кого-то сложноопределимого, но точно сказочного. С фигурами хозяин базара — маленький смуглый человечек, составленный, кажется, из здоровенной кожаной кепки, носа и ботинок — разрешал «селфиться» совершенно бесплатно, отчего на пяточке с утра до вечера было суетливо и весело, нравилось людям фотографироваться в обнимку с петухом. Ёлочки, упакованные в аккуратные сетки навроде авосек, ровными рядками стояли вдоль фанерного же, крашенного под хохлому забора и будто ждали, когда ж их наконец домой заберут. И музыка, конечно, куда без неё? И иностранная «Джингл Белс» — ну или как-то так — и отечественная «В лесу родилась ёлочка», и, почему-то, «Голубой вагон», который «бежит и качается», хотя эта песня вовсе и не про Новый год.

Ленка зашвырнула в контейнер мешок с мусором, охлопала себя по бокам, втягивая голову в ворот куртки — морозец-то прихватывал — и не выдержала, подпела тихонечко:

— Маленькой ёлочке холодно-о зимой, из лесу ёлочку взяли мы домо-ой...

Очень хотелось ёлки, золотых шаров, оливье, домашней буженины, селедки под шубой и мандаринов. И ещё хотя бы маленького подарочка, пусть даже глупой фигурки, китайского символа, но чтоб обязательно под той же ёлкой. Ну просто так, для радости, чтобы было чего ждать.

Но ничего хорошего ждать не приходилось, к маме вырваться не удастся, наоборот, в выходные придётся за двоих пахать, зарплаты-то в этом месяце кот наплакал и никакой тебе премии. А вкусности дядя из своего дома изгнал, ибо вредно для здоровья, а мандаринах одни пестициды и ядохимикаты.

Но всё равно Ленке было весело, потому что Новый год — это вам не восьмое марта и не первое мая. Это праздник особенный, когда обыкновенный скучный мир смешивается с тем, где есть Хогвартс и живут хоббиты, ну вот как молоко с кофе смешиваются, так и они тоже. В реальности Хогвартса и хоббитов Старообрядцева ни капли не сомневалась, просто при рождении не в туда угодила. А что делать, и такое случается.

— Ма-аленькой ёлочке... — Нет, не так! — Добрый дедушка мороз подарков воз зимой привез. Купил Валерику и Вареньке варежки и валенки.

Про варежки и валенки вышло не очень. Зубы ещё, конечно, не стучали, но так подрагивали, слегка цепляясь друг за друга. Холодно! И это тоже классно. Купить, что ли, у носатого ёловых веток? Наверняка у него есть ненужные, недорого отдаст. А что, Элизе Анатольевне точно должно понравиться.

Ленка похлопала по карманам, проверяя, на месте ли кошелёк. Как назло, в куртке его не оказалось, дома забыла. Так ведь она только на минутку выскочила, чтобы мусор выкинуть. Теперь наверх подниматься, потом возвращаться — целая история. Ещё дядюшка

с вопросами привяжется, куда это племянница собралась, хотя ещё с утра заявила, будто у неё выходной.

— Эх! Везёт Сенька Саньку с Сонькой на санках. Санки скок, Сеньку с ног, Соньку с лоб...

— Лена? Вы чего тут мёрзнете?

— ... все в сугроб, — выпалила Ленка на автомате.

Совершенно незаметно подкравшийся Андрей очень выразительно приподнял брови.

— Здрости, — поздоровалась Старообрядцева, чувствуя себя полной дурой.

— Вы знаете, что у вас от холода даже нос побелел? — поинтересовался блондин. — Пойдёмте в машину, хоть отогреетесь.

— Да не надо, — не слишком уверенно протянула Ленка, прикрывая нос варежкой. — Я так...

Почему-то говорить, что она живёт в одном доме с Максом, не хотелось, а с ходу придумать что-нибудь умное не получалось.

— Чего так? Заболеть решили и назло физруку школу прогулять? Пойдёмте, пойдёмте.

Андрей, не церемонясь, взял её за руку и поволок куда-то. Оказалось, совсем недалеко, Ленка даже возразить не успела, а красавец уже запихнул её в машину вроде Максовой, тоже чёрную, до невозможности навороченную и ещё больше смахивающую на танк. Собственно, в салоне вполне можно было жить, у них с мамой кухня и то меньше. А ещё откуда-то из-под передней панели дуло тёплым ветром, мотор урчал тихонько, как кошка Тигра и пахло чем-то непонятным, но хорошим.

— Вот так гораздо лучше, — заявил Андрей, садясь за руль и стряхивая с длинной чёлки изморозь, мгновенно превратившуюся в капельки воды. — А вы почему на меня так смотрите?

— Просто, наконец, сообразила, на кого вы похожи, — проворчала Старообрядцева, независимо отворачиваясь к окну.

— Это интересно. И на кого же?

— На эльфа. Только не как во «Властелине колец», а как в анимешках. Ну которые все из себя красавцы, только злодеи.

От смущения и острого неудобства Ленку понесло и куда ещё вынесет, пока было непонятно. В машине ей совсем не нравилось и рядом с Андреем не нравилось. А вот сам блондин нравился да ещё как, несмотря на то, что он сходу, даже имени её не узнав, практически пригласил в постель. Это, кстати, Лене не нравилось категорически и то, что он сейчас заржал стоялым жеребцом тоже. Но вот чёлка, которую он то и дело зачёсывал пятернёй назад, а она снова падала на бровь с крошечным шрамом, нравилась.

В общем, непонятно всё и лучше б ей сейчас оказаться дома. Или на работе. Или ещё где-нибудь. Например, на Луне, хорошее же место.

— Вам кто-нибудь говорил, что вы самая настоящая прелесть? — спросил Андрей, отсмеявшись. Ленка, упорно таращась в окно, но ничего за ним не видя, отрицательно помотала головой. — Значит, вы общались исключительно с идиотами. Хотя Макс рассказывал про того орангутанга, которому вы в нос дали.

— И зачем он вам про него рассказывал? — буркнула Старообрядцева, которой непонятно с чего примерещилось, будто на улице разом ночь наступила.

— Ну должен же я был у него спросить, прежде чем начинать за вами ухаживать. Я друзьям дорогу не перебегаю.

Андрей потянулся и аккуратно заправил выбившуюся прядь Ленке за ухо. Из дома-то она без шапки выскочила, да с утра не особо и причёсывалась, так, заколола пучок и сейчас наверняка смахивала на бабу Ягу, свалившуюся с печки. Но, вероятно, это значения как раз и не имело. Важно то, что этот недоэльф спрашивал у Макса, можно ли за ней, Ленкой, начать ухаживать. «Ты не против, друг?» «Да без вопросов, брат! У меня Степашка есть!» — так оно и случилось, Лена спорить была готова.

Споры спорами, а её это совершенно не трогало, вот ни капельки. Просто за окном машины почему-то темно и кусты расплывались, будто она на них сквозь воду глядела.

— А вас это удивляет? — напомнил о своём существовании Андрей.

— Что? — тупо переспросила Лена.

— Что я за вами ухаживать собираюсь.

— Ну, вообще-то, да. Значит так. — Ленка развернулась к нему. «Беда с девкой! — говорила мама. — То молчит, молчит, а то как ляпнет, так хоть стой, хоть падай!» — За мной ухаживал Сашка, это ещё в Мухлово. Мне было четырнадцать, а ему семнадцать. Он меня пригласил в город, в клуб ночной. На мотоцикле.

— Поехали? На мотоцикле же, да ещё в клуб.

— А то!

— И как?

— Коктейль был вкусный, сливочный, с клубникой. Только крепкий очень.

— Дальше можете не рассказывать.

— Почему это? Мы с ним начали гулять. Он меня из школы встречал. На мотоцикле. На восьмое марта сердечко подарил, такое серебряное. Его ломаешь на две половинки, и одну носишь сам, на цепочке, другую девушке отдаёшь. А потом он в армию ушёл и письма писал. «Жду ответа, как соловей лета». Очень трогательно, между прочим.

— И как, дождались из армии?

— Дождалась, — серьёзно кивнула Ленка. — Он с женой приехал родителей навестить. Ей как раз до родов месяца три оставалось. Потом я сюда уехала, это года через два уже было. Тут за мной тоже ухаживали. Ашот и Зелемхан — это с рынка, и Ванька с Колькой, охранники.

— Представляю.

— Ну да. Только я Кольку ящиком из-под помидоров оприходовала, правда он лёгенький был, Колька с фингалом всего-то дней десять ходил, но ухаживать почему-то все перестали. Потом появился Виталька, это я уже в ларьке работала. Каждый вечер ко мне шлялся, пиво приносил. Посидит, сам всё пиво выпьет, и уйдёт. А потом в кино пригласил. И мы с ним тоже начали гулять. Всё, больше за мной никто не ухаживал.

— По всей видимости, сейчас я должен с визгами убежать? — изрядно помолчав, предположил Андрей.

— Можно без визгов, — разрешила Ленка. — Только ухаживать за мной не надо. Не люблю я этого. А то с дури и вас ящиком... стукну.

Старообрядцева решительно открыла дверь автомобиля, сама не поняв, как ей это удалось с первого раза сделать. Морозный воздух дохнул в лицо, прогоняя муть с глаз.

— Подождите, Лена. Вы меня не поняли, я совсем не то сказать хотел.

Но её абсолютно не интересовало, то или не то, и что вообще там хотел Андрей. Домой бы, залезть от стыда под подушку, никого-никого не видеть и самой рта больше никогда не раскрывать.

Права была мама, беда с девкой!

Глава 6.2

Ленка, глодая себя за неумение язык за зубами держать и талант выступать не ко времени, почти успела дойти до своего подъезда, когда сообразила: во дворе творится что-то не то. Люди странно сновали, одни бежали к арке, за которой выход на Октябрьскую, и во двор четвёртого дома по Мирной, другие наоборот, подтягивались к ёлочному базару. Причём никакой системы в их передвижении не было, вон женщина подхватила карапуза в ярко-красном комбинезоне и дунула прочь с таким энтузиазмом, что даже снег взвихрился небольшим, но явственным буранчиком. Мужчина же посадил девочку в пятнистой шубке себе на шею и, работая локтями, начал пробираться к теремку. Наверное, ему пришлось попотеть, потому как людей во дворе оказалось неожиданно много: тут тебе и родители с детишками, пришедшие на горку; и покупатели ёлочек; и любители бесплатного селфи с фанерными фигурками; и просто зеваки, вечно оказывающиеся там, где народ собирается.

Старообрядцева вздохнула, отвернулась, начала нажимать заледеневшие кнопки домофона и тут кто-то завопил женским голосом, да так пронзительно:

— Ой, мамочки! Горит, горит, ты посмотри!

Ну как было не посмотреть? А потом и не подойти поближе, чтоб подробности разглядеть.

Теремок ёлочного базара ещё не горел, по крайней мере, огня видно не было, да и дыма тоже почти, всего лишь белёсое марево на фоне такого же белого мёрзлого неба, но вот гарью пахло разом и сильно. Народ заволновался, загудел единым гудом, подался назад, в сторону, но остался на месте.

— Чего там гореть то может? Ёлки, что ли? Так они сырые, — сплюнул в снег парень, стоявший слева от Ленки.

— Э, не скажи, — возразил мужик справа. — Смола же, да и просохли они давно. Ёлки то чьи? Голландские! Пока их сюда довезёшь...

— Не Голландские, а Нидерландские[1]! — поделился знаниями кто-то, Лене не видимый.

— Да хоть с Северного полюса. Интересно, с чего полыхнуло-то?

— А это известно с чего, — махнул рукой мужчина справа. — Думаешь, откуда у него электричество-то на гирлянды с музыкой? Кинул времянку к щитку, вот и коротнуло.

— Да в суд его! — обозлилась дама в засаленной шубе, накинутой поверх не менее засаленного халата. — Света-то у нас нет! Телек выключился, я и выскочила, чтоб посмотреть, у нас только вырубил или у всех, а тут!..

— Гляди, гляди! — крикнул мальчишка.

Толпа примолкла из уважения к происходящему или, может, боясь отвлечься и упустить важные детали. Многие ведь стояли с телефонами наперевес, скорбно-торжественные, как ведущие программы «Чрезвычайные происшествия» — хронику вели, то есть. А тут как раз полыхнуло по настоящему, из резного окошечка теремка, что под самой крышей, вылезли, дразнясь, языки бледного огня, а сама избушка подсветилась изнутри, словно фонарик.

— Ты посмотри, что делает. Концерт, прям!

Хозяин ёлочного базара, носатый мужичок, и впрямь давал концерт. Смуглый сорвал с себя чудную кепку, бросил её на снег, да ещё и потоптался, причитая почти не по-русски, но с большим чувством, грозя кому-то неведомому волосатым кулаком. Ленка лишь отдельные слова разобрала: «Сейф! Всё прапал! На лапу дай и выручка за два день... Всё прапал, савсем

всё!»

— Чего он говорит-то? — не понял парень слева и снова сплюнул.

— Да сейф у него внутри остался, — перевёл всезнающий мужик справа. — А в сейфе выручка за два дня и взятка, пожарная охрана должна была приехать.

— Ну, считай, сэкономил, — хохотнул «левый» и поднял свой смартфон повыше, потому что фасад с лисой тоже занялся огнём.

Впрочем, вполне возможно, что у парня был не смартфон, а айфон, например.

— Откуда в такой сараюхе сейф? — усомнилась женщина в шубе. — Он же здоровый.

— Так переносной, наверное. Ящичек такой. Тяжёлый, конечно, зараза, но даже ломом просто так не подцепить. Защита на пятёрочку.

— Лицензий! Весь документ! — взвыл носатый и рухнул на колени, раскачиваясь из стороны в сторону, схватившись руками за поблёскивающую лысину. — Всё прапал!

Ленка начала протискиваться вперёд. Чем она помочь могла, Старообрядцева понятия не имела, но ей так носатого жалко стало, что хоть вместе с ним плачь. А тут ещё смотрят, снимают.

— Куда тебя понесло? — сердито спросили над самым ухом, крепко придержав Лену за плечо. — На, поддержи лучше. — Невесть откуда нарисовавшийся Макс сунул ей куртку с воротником из несчастного волка. Куртка оказалась неожиданно объёмной, пришлось обнять её обеими руками, прижав к груди, как младенца. — Пожарных кто-нибудь догадался вызвать? — крикнул Петров. — А кабель обесточить? — И ещё громче, ещё злее. — Вы хоть детей-то уберите, черти!

— Ты же в Китае, — пробормотала ничего не понявшая Старообрядцева.

— В Китае я был вчера, а сегодня я здесь, — пояснил Макс, хмуро глянув исподлобья. Опять она его чем-то рассердила. — Андрюха вон из аэропорта подвёз. Сейф-то где? — спросил он невесть кого.

— Слева, слева, хороший человек. Как зайдёшь, сразу слева, на столике, — зачастил носатый, не вставая с колен, но вроде даже и приободрившись.

— Слева, так слева, — согласился Петров и пошёл куда-то, Ленка не сразу догадалась, куда.

Только когда его силуэт вдруг стал странно чёрным на фоне слишком близкой, ещё не горячей, но будто светящейся стены, сообразила и пискнула испуганно. Толпа тоже, видимо, до чего-то такого додумалась, ахнула хором, но тихо и опять с места не сдвинулась.

— Сгорит же! — восторженно мяукнул девчачий голосок. — Сашка, снимаешь? Лайков наберём!

— Да мужики, сделайте же что-нибудь! — ахнула женщина. — Или вы не мужики?

Ни опровергать, ни поддерживать её предположения никто не стал. А Старообрядцевой примерещилось, что время остановилось, хотя, может, это Макс на самом деле притормозил у двери, будто обведённой оранжевым по контору. А потом Петров поднял ногу, да пнул филёнку, и это было совсем не красиво, не как в фильмах, без всяких прыжков и разворотов. Зато эффективно, потому что вышибло не дверь, рухнул весь простенок, подняв целые снопы искр и заставив Петрова отшатнуться, прикрыть лицо локтем.

— Макс! — Ленке показалось, что она это прошептала, но, наверное, всё-таки крикнула, потому что на неё начали оборачиваться.

А сам он даже ухом не повёл, шагнул прямо в горящий и до сих пор сыплющий искрами проём.

Тишина тянулась и тянулась, как изжѣванная резинка, даже почему-то треска огня слышно не было и мир посерел, словно выцвел.

— Вот тебе и Макс, — сказали рядом и вроде с сочувствием. — Писец котѣнку, срать не будет.

— Да ладно тебе, человек всё-таки, — одѣрнул его другой. — Слушайте, в самом деле, пожарников то вызвали или нет?

А Ленке было очень, очень холодно. И даже волчий мех, щекотавший щѣку, казался ледяным.

Глава 6.3

Макс как рухнул в сугроб, так, кажется, даже вставать не собирался, сидел, опершись локтями о широко расставленные колени, свесив голову, тяжело дышал загнанной лошадьѹ. Ленка пристроилась рядом на корточках, по-прежнему обнимая куртку обеими руками, умильно разглядывая его шевелюру, занавесившую и лоб, и щѣки — резинка, стягивающая короткий «хвостик» то ли потерялась, то ли лопнула. Особое умиление у неё будила одна прядь — обгоревшая, вдвое короче других, выгрызенным клоком болтавшаяся над левым глазом.

За Ленкиной спиной прохаживались, никуда не торопясь, пожарные, двое зачем-то разматывали рукав, хотя уже было выяснено, что ближайший люк с гидрантом наглухо перегорожен старенькой бесхозной «пятѣркой», и тот, что в техкаморке тоже не доступен, потому как доподлинно не известно, у кого ключи от двери. Наконец-то рухнувший внутрь себя теремок скромно догорал на фоне празднично взрывающихся салютов: петарды с визгами уходили в начавшее по-настоящему темнеть небо, ракеты взлетали, ухали, рассыпая фонтаны разноцветных искр, шутики крутились по истоптанному снегу. В общем, было весело и по-новогоднему. Правда, люди уже начали расходиться, поняв, что больше ничего интересного не предвидеться и даже скорая никому не понадобится.

— Слющай, хороший человек, — решил-таки нарушить затянувшееся молчание носатый владелец бывшего ёлочного базара, сидящий тут же, в сугробе и нежно прижимающий к груди подкопченную коробку сейфа. — А зачѣм ты сказал: «Валим?» Каго валим, э-э?

— Понадеялся на национальный менталитет, — буркнул Макс, не поднимая головы. — Раз валим, значит, надо брать руки в ноги, а потом уж спрашивать зачѣм. Сработало же.

— Ещѣ бы не сработало, — тоненько, обрадованно пискнула Ленка. — Ты бы себя со стороны видел. Выскакивает такой из огня, страшный, как леший и орѣт дурниной! Я сама испугалась, едва не чесанула вместе со всеми. Люди-то ка-ак бросились в стороны! Хорошо, не затоптали никого. А тут они ка-ак начали взрываться! Ужас кошмарный!

— А я-то как пере... к-хм!.. перепугался, когда эти коробки увидел, — хмыкнул Петров. — Слушай, хороший человек, ты почему не сказал, что у тебя там целый склад фейерверков?

— Лицензий нету, нѣльзя торговать, штраф будѣт, — застенчиво признался носатый и тяжело вздохнул. — Тыперь точно будѣт.

Макс покачал головой, глянул на Ленку из-под «выгрызенной» пряди и тихонько, будто стесняясь, засмеялся. Девушка подумала и засмеялась тоже.

Ну правда ведь, было смешно: чертиком из табакерки выскочивший Петров, когда его уже все, включая Лену, успели похоронить и даже частично оплакать; его дикий, по-настоящему дикий вопль: «Валим!»; мигом всё просекшая толпа, ведь даже секунды на

раскачку народу не понадобилось; сам Макс, бегущий едва не впереди всех, прижимающий к боку сейф — ну точь-в-точь атакующий американский футболист с мячом-тыквой, как их в кино показывают; и начавшийся салют, от которого во всех дворах хором завывали автомобильные сигнализации.

Ведь смешно же. Если б не было так страшно. Особенно теперь.

— А ты спецназовец, да? — спросила Ленка, враз перестав смеяться и так же разом разозлившись — Отряд «Омега»?

— «Альфа», наверное, — проворчал Макс. — Отряд «Омега» — это командос Великой армии Республики во времена Войн клонов.

— Чего?

— Ничего.

— А раз ничего, то на кой ты туда пошёл?

— Она меня ещё отчитывать будет! — хмуро буркнул Петров.

— И буду! Ты хотя бы об Элизе Анатольевне подумал! Что бы с ней стало, если б... Если б случилось чего!

— Да ничего бы не случилось! — кажется, Макс разозлился всерьёз. — Я тебе кто, герой-октябрёнок, чтобы на рожон лезть? При такой кубатуре помещения, температуре горения фанеры и учитывая, что её сейчас пропитывают...

— Плевать мне на кубатуру! Там огонь был!

— Дэвушк, а дэвушк, — примирительно, но очень осторожно протянул носатый. — Нэ ругай сваго мушчин! Нэ харашо. Савсем нэ харашо и жизн он мнэ спас.

— Деньги он вам спас и бумажки, а с жизнью чуть сам не расстался!

— Иногда эти бумажки могут быть поважнее всего остального.

— Ну да, вам ли не знать! — вконец окрысилась Ленка.

— Вот именно.

Макс попытался встать, опираясь ладонью о снег, и зашипел, скривившись, отёрнул руку, как от горячего. Ладони у него были красные, обожженные, на мякоти левой вздулся белёсый пузырь.

— Чёрт! — выругалась Макс.

— Бли-ин! — дуэтом с ним выдохнула Старообрядцева.

— Ай, шайтан, нэ харашо, — поддержал носатый, качая головой.

— Подождите, надо снег приложить, — засуетилась Лена, пытаясь сообразить, куда петровскую куртку девать. — Только здесь он весь грязный.

— Тебе не кажется, что на сегодня с меня снега достаточно? — ни с того ни с сего развеселился Макс. — Пойдём домой и ты обработаешь мои боевые раны.

— Только не к Элизе Анатольевне, она не переживёт.

— Ты удивишься, узнав, что может пережить Элиза Анатольевна, — пробурчал Макс. — Лучше встать мне помощи, неудобно, зараза. И пошли тогда уж ко мне. У меня, кстати, какое-то китайское зелье есть, уверяли, что покойников поднимает. То ли из когтей тигра, то ли из бивня мамонта.

— Тигры занесены в Красную книгу, — сообщила Ленка, придерживая куртку, чтобы Петрову удобнее было в неё влезть.

— Ты всё-таки вступила в Гринпис, — констатировал Макс, осторожно пытаясь просунуть руки в рукава.

— Да. И вас там уже предали анафеме.

Петров глянул на неё искоса, но ничего не сказал. Старообрядцева подсунулась было ему молнию застегнуть, но заработала ещё один взгляд, после которого желание помочь ближнему подугасло. Правда, дверь в квартиру все-таки Ленка открыла, Макс даже ключи самостоятельно достать не сумел, пришлось ей лезть в задний карман джинсов, аккуратно, чтобы работодатель ничего лишнего не подумал, выуживать брелок одним пальцем. Но могла бы и не стараться, потому как если он всё-таки подумал, то тут же об этом забыл. До неправильных ли мыслей, когда из собственной квартиры на тебе выпрыгивает зарёванная девица и кидается на шею с таким энтузиазмом, что едва на пол не валит.

— Макс, спаси меня! — пролепетала сквозь всхлипы Степашка, щедро размазывая по плечу его куртки косметику.

— И тебя тоже? — поразился Петров.

— Ты его не знаешь, он страшный человек! Жуткий! Он меня убьёт, точно убьёт!

— Кто убьёт? — не понял Петров, предплечьем придерживая певичку под спину. — Ты, вообще, что здесь делаешь, Лёль?

Ну да, красавица же была не только Степашкой, но ещё и Лёлей!

— Ой, Макс, я тебе хотела сюрприз сделать, выпросила у Андрюхи ключи от квартиры, почти всё приготовила, а тут он звонит... Мне так страшно, Максик. Я не знаю, что делать! Ты один можешь...

— Погоди, а у Андрюхи откуда ключи от моей квартиры?

Кажется, рыцаря сейчас больше волновала безопасность собственного замка, чем возможная гибель дамы в беде. Видимо, красавица это тоже просекла, поэтому томно вздохнула, закатила страшноватые от потёков туши глаза, навалилась на Макса и начала медленно сползать.

— Да чёрт! — выругался Петров, но всё-таки подхватил певичку на руки и добавил длинную фразу, сплошь состоящую из непечатных слов и связующих союзов.

Ленка, не выдержав, хихикнула, но даже злобного взгляда не была удостоена. И правильно, спасение дам дело многотрудное, требующее полной сосредоточенности.

Глава 6.4

Макс топтался возле уложенной на диван нимфы в обмороке и, как истинный рыцарь, явно не понимал, что ему дальше делать. Зато Ленка теряться не стала, сунула диве за так уместно-глубокое декольте ключи, которые так в руках и держала, и всех дел. Ключи-то холодные, нагреться не успели, вот певичка и пришла в себя мгновенно.

— Обалдела, кошка драная? — мигом завопила Степашка, резко садясь и пытаясь нашарить за пазухой связку.

— Где у вас это китайское снадобье, Максим Алексеевич? — сладко пропела Ленка. — Только сначала бы всё равно вам ладони под холодной водой подержать.

— Мне и так не жарко, — проворчал Петров.

— Зато грязно, руки-то испачкали. Я сейчас всё принесу, только к дядюшке сбегая.

— Максик, ты поранился? — всполошилась певичка.

Правда, когда Ленка вернулась с миской воды, бинтами и «Пантенолом»[2], но без всяких снадобий, которым категорически не доверяла, если их, конечно, не Филипповна из Мухлово делала, Степашка уже всю снова слёзы с соплями по физиономии размазывала, вид имела жалостливый и несчастный. Ну а Макс пристроился на краешке дивана с видом слегка потерянным.

— Дай-ка я, — хлюпнув носом, велела певичка. — Ты не сумеешь. Надо зелёной

помазать. Она антисептик.

— Сама справлюсь, — буркнула Ленка, чувствуя себя почти Махруткой, но не совсем, потому как от совета, куда прелестнице стоит в данный конкретный момент засунуть зелёнку, воздержалась.

— Ты, Лёль, лучше расскажи, что у тебя случилось, — напомнил Макс, послушно протягивая Старообрядцевой руки.

— Ой, Макс, этот такой ужас, такой кошмар, ты просто себе не представляешь!.. — завела Степашка, но осеклась, стоило Петрову на неё посмотреть. — Я тебе всё расскажу, когда эта... — И снова повисла серьёзная пауза. — Ну ладно, ладно, если ты просишь...

— Я настаиваю, — процедил сквозь зубы Петров.

— Даже не знаю, с чего начать, — вздохнула певичка, прижав узкие ладошки к пылающим, надо полагать, щекам. — Я совершила страшную ошибку. Ну да, да, я была не права, виновата, но нельзя же за это людей убивать, правда?

— Я пока не в курсе, — признался Макс, — кое за что и можно. Даже нужно.

— Не пугай меня, пожалуйста, мне и так плохо! — по персиковым, правда, слегка раскисшим от промокшего макияжа щекам опять заструились слёзы. Наверняка хрустальные. Или каким им там положено быть? — Да-да, я всё расскажу! Сейчас, — красotka длинно выдохнула. — В общем, у одного человека, о-очень серьёзного человека, были старинные цацки, драгоценности, то есть. А ты не представляешь, как я люблю всё настоящее, раритетное! Просто вот удержаться не могу!

— Ты их украла, — мрачно констатировал Макс.

— Нет, что ты! Как ты мог такое подумать?! — возмутилась Степашка. — Я попросила Масю и она там с какими-то парнями договорилась. И, вообще, их никто не крал. Просто есть один старичок, смешной такой мухоморчик, но ювелир божественный. Он такие вещи делает, от настоящих ни за что не отличить! А за отдельную денежку ещё и сертификат достанет, что, вроде, они настоящие.

— То есть твой божественный старичок лепит подделки? — уточнил Петров.

— Копии, — скромно опустила глаза Степашка. — А что? Так многие делают. Куда деваться-то? Это вон у Зыкиной взаправдашние брюлики, а нам что как выкручиваться? На чёсе только на стекляшки заработаешь!

— Что есть чёс? — совсем уж хмуро спросил Макс.

— Ну, это по-нашему гастроли. Между прочим, к старичку даже серьёзные бизнесмены обращаются, — оживилась певичка. — Ну чего, идиоты они, что ли, настоящие камни благоверным дарить? Лучше у Соломоныча копию заказать и пусть дорогая описается от радости. Зато при разводе ущербба никакого.

— Давай ближе к теме, Лёль, — поморщился Петров, хотя Ленка почти уже закончила ему ладони перевязывать. — Итак, ты спёрла у очень большого человека раритет.

— Да не я, — возмутилась Степашка, — и не спёрла. Просто взяли на время... Ну, попользоваться. Цацки я отнесла их Соломонычу, он мне копию сделал. Понимаешь, по фоткам старикан наотрез работать отказывается, только если они какие-то там профессиональные, а так ему, видите ли, нюансов не видно. Вот я и отнесла. Между прочим, бабок заплатила немеренно! Но всё честь по чести, копии он мне снял. И те парни, которые Маськины, настоящие-то мужику обратно отнесли. Клянусь! Вот чем хочешь поклянусь!

— А ты уверена, что отнесли, а не прикарманили?

— Ну да, да, на сто процентов уверена. Этот человек, который большой и угрожает

теперь, очень любит хвастаться цацками, которые ему от бабки достались. Она у него, между прочим, настоящей графиней была, фрейлиной у этой самой... Ну как её? — красавица защёлкала пальцами. — У царицы, короче. Он поэтому сейчас председатель дворянского собрания всей России, не хухры-мухры. Хотя косит, что, типа, за простой народ, за бабок с детками там...

— В общем, украшения он тебе потом показывал?

— Ну не мне, но да, видала. Уже после, понимаешь? То есть их сначала Маськины пацаны взяли, потом Соломонычу отнесли, потом он копии снял, потом обратно положили, а потом показал. То есть я не при чём, ну вообще. А тут он мне звонит и говорит, что цацек тех нет, пропали. И вроде как я их потырила, представляешь? Говорит, что если через неделю не верну, то меня... Что он меня...

Певичка снова бурно разрыдалась.

— Так, — Макс потянулся растереть лицо, но одернул руки, неприязненно глянув на белоснежные бинты. — Вопрос первый, почему он решил, что именно ты их спёрла?

— Да потому что сама дура, — самокритично прохлюпала Степашка. — Похвастаться очень хотелось перед девками. Вот я их на концерт и нацепила. А его по телику показали и он увидал.

— Ты их не только на концерт надевала, верно?

— Ну да, много куда. Врала, что это мне дед подарил. А какой там дед? Мой и шоколадки не даст, сидит в своём Козельске да брагу лопает. Даже самогон не гонит, терпежу не хватает. А, может, и помер уж давно. Но я никому не говорила, что цацки настоящие, честное слова. Только правду! Ну да, подделка, но дорогая.

— Ты вообще честная девушка, — похвалил её Макс. — Речь идёт о парюре с жёлтыми бриллиантами?

— А?

— Ну о перстне, серьгах и чего там ещё?

— Двух заколок, — шёпотом просуфлировала Ленка.

— А ты откуда знаешь? — вскинулась певичка.

— Я догадливый, — признался скромный Петров. — Вопрос третий, кто этот очень большой и страшный человек?

— Нет, Макс, этого я сказать никак не могу и не проси, вот хоть пытай, — затрясла локонами красotka. — Тогда он меня совсем точно убьёт!

— За что? Или он подпольный олигарх и хранит инкогнито, прикидываясь сантехником?

— Нет, конечно, но всё равно не скажу. Я не могу, правда, — Степашка молитвенно сложила ладошки.

— Тогда я не понимаю, о чём ты просишь.

— Я... Я не зна-аю! — красotka опять разрыдалась, с маху уткнувшись физиономией в плечо Петрова. Он пошатнулся, но устоял, вернее, усидел, даже приобнял её. — Всё-о так ужасно! Мне даже пойти некуда.

Ну, ясно! «Тётенька, дайте попить, а то так есть хочется, что переночевать негде!» Вернее, в данном случае, дяденька. И, главное, Ленка нисколько не сомневалась, что девица врёт, как сивый мерин, причём во всём. Даже полной дурой она только прикидывалась, Старообрядцевой это было совершенно ясно, а вот Макс, наверное, нет. Вопрос, зачем ей это? Так возжаждала петровского тела?

Наивный и ничего не понимающий, как и большинство мужиков Макс, не переставая обнимать хлюпающую компостной ямой красотку, потянулся к зазвонившему телефону, чертыхнулся под нос и показал Ленке глазами на карман, мол, достань. Старообрядцева, очень довольная женским превосходством и собственной догадливостью, не только выудила пластиковое тельце, но и кнопку нажала, и к уху работодателя аппаратик приложила, попутно заметив, что звонит ему Махрутка, на экранчике так и было написано.

— Да, — гаркнул Макс в трубку и замолчал, дальше только слушал. А потом вскочил с дивана, едва не сшибив Степашку на пол, но, кажется, даже этого не заметил. — Пошли, — приказал Ленке. — У матери «скорая», в больницу забирают.

[1] Голландия и Нидерланды по сути одна и та же страна. Голландия — исторический регион на северо-западе Нидерландов.

[2] «Пантенол» — стимулятор регенерации тканей, относится к витаминам группы В.

Врач Ленке понравился. Он оказался молодым, но очень старался выглядеть постарше, посолиднее, правда, получалось у него плохо — ни очки не помогали, ни козлиная бородка на три волосины. Зато глаза понимающие, да и пожалеть его хотелось, слишком уж уставший, задёрганный и явно активно не любящий весь мир, но медсёстры о нём говорили с предыханием, эдак многозначительно закатывая глаза: «Хороший ли он доктор? Ну что вы, де-евушка!». В общем, сразу становилось понятно: хороший.

— Вы кем Петровой-то приходитесь? — спросил врач, на Ленку не глядевший, роящийся в поисках чего-то неведомого в груди папок, сваленных на столе. — Внучкой? Значит, этот нервный товарищ ваш папаша?

— Нет, они мне не... — Начала было Старообрядцева, но её ответы доктора, кажется, не интересовали совершенно.

— Вот ей богу, будь моя воля, я бы родственников даже на порог больницы не пускал, не то что в реанимацию. Но как же, новые порядки, заграничные! Всем всё можно! Только посторонним ничего сообщать нельзя. А я б лучше с соседкой какой-нибудь пообщался, у соседей обычно нервы крепче. Так что вы говорили?

Врач, наконец, вылез из-за папок с кружкой, щедро украшенной давным-давно засохшими потёками кофе. Через край наливал, что ли?

— Ничего, — бодро отрапортовала Ленка. — Я внучка.

— А раз внучка, так скажите своему папаше, что если он будет так нервничать, то на соседней койке с маменькой окажется, — доктор зачем-то дунул в чашку.

Папаша — надо понимать, Макс — вовсе даже не нервничал. Он просто хотел кого-нибудь убить. Желательно особо изуверским способом, но, к сожалению, уголовный кодекс не приветствовал такие методы снятия стресса. Поэтому Петров ограничился тем, что подержал вот этого, очкастого, за грудки, пообещал ему всех и всяческих благ «в случае, если...», посоветовал сочувствующей сестричке засунуть валерьянку... Ну, далеко, в общем. Зачем-то одарил обалдевшую от привалившего счастья санитарку пятью тысячами и комком купюр с иероглифами, а больше ничего и не сделал, только расхаживал по коридору из конца в конец и смотрел на всех зверем. А нет, ещё сообщил охраннику, попросившему «покинуть помещение», что выбитые зубы сломанными руками собирать очень неудобно. Охранник, раскормленный до состояния хряка парень, видимо в этом кое-что понимал, потому что с просьбами больше не приставал.

Разве это можно назвать «нервничал»?

— Так что вам надо-то, девушка? — напомнил о своём присутствии доктор. — Я уже сказал, прогнозов мы не даём, не метеобюро. Состояние Петровой стабильно тяжёлое. Стабильно — это хорошо, тяжелое — не очень. Приходите завтра, авось за ночь не помрёт. Мы постараемся не дать, да она вроде как и сама передумала. Всё? А если всё, то давайте прощаться, устал я, как сволочь, а мне ещё ночь дежурить.

— Нет, я ещё спросить хотела... — проблеяла Ленка, слегка привяв от такой докторской любезности.

— Ну, спрашивайте, — врач сложил руки на столе, с тоской глядя на чайник, который находился в другом углу кабинета или как тут это называется? Ординаторской?

Как бы это не называлось, а вставать и тащиться даже три шага мужику совершенно

точно не хотелось.

— Скажите, а с Элизой... То есть с бабушкой это случилось, потому что она понервничала? — Ленка, улыбаясь и, вообще, стараясь выглядеть помилее, налила в чайник воды и нажала кнопку.

— Кофе там, на полочке, — тут же повеселел врач. — И сахар, вроде оставался ещё, а нет, так и чёрт с ним. Себе-то тоже сделайте, чай всю ночь в коридоре дежурить собрались, а в палату я вас всё равно не пушу, даже если этот нервный притащит разрешение от самого главного. А он притащит, зуб даю.

— Так что на счёт бабушки?

— А чего вы от меня услышать хотите? — доктор благодарно кивнул, бережно, как драгоценность, принимая горячую кружку. — Если б я знал, отчего да почему такое случается, то «нобилевку» бы получил. Голова, как известно, дело тёмное, исследованию не подлежащее. Да и вся сердечнососудистая система тоже. — Врач с удовольствием оближал ложку и даже глаза прижмурил. — Но я вам так скажу, от нервов-то давление вверх обычно скачет, а не падает ниже плинтуса.

— Так у Элизы Анатольевны оно всегда низкое.

— И что? Думаете, у гипотоников повышенного давления в принципе не бывает? Глубоко заблуждаетесь! — Доктор погрозил Ленке ложкой. — Бегала, бегала при своих ста[1], потом бах! А может и не бах, а при своих и осталась, но инсульт. Ишемический, между прочим. Но это не наш случай.

— А если, допустим, она пила лекарство? — Ленка назвала препарат, упаковку от которого в мусорном ведре нашла.

— Зачем она его принимала? — до глубины души поразился врач.

— Ну-у, перепугала.

— Хорошо же она перепугала! Ваша бабушка случайно укус вместо водички на ночь не глотает? Суп не сластит? Или... — доктор поставил кружку, серьёзно глянув на Старообрядцеву, — вы не смеётесь? Петрова на самом деле такими препаратами закусывала?

— Я не знаю, — мрачно буркнула Ленка.

— Да вы что, девушка? Это же не шуточки! Если у бабули деменция, то лекарства надо...

— А это что такое?

— Ну слабоумие, маразм по-простому. С такими больными надо как...

— Нет у неё никакой... Ничего такого нет. Просто... Ну, могло так случиться, что она случайно выпила.

— Ага, — догадался врач. — Агата Кристи на проводе. Кто травил богатую, но жутко противную вдову? Вы понимаете, что в таком случае я обязан в полицию заявить? Ну что вы на меня так смотрите? Как папаша начнёте за грудки хватать и обещать насыщенную жизнь? Хорошо, хорошо, — врач заглянул в кружку, будто рассчитывая там ответ найти. — Теоретически всё, конечно, зависит от дозы и длительности приёма... Да нет, туфта получается. Если б она действительно такие таблеточки принимала, то давно бы с ангелами общалась. А мы имеем надежду на долгую и счастливую жизнь. В общем, вряд ли. Но это я вам в частном порядке сообщаю. Во время, так сказать, дружеской болтовни. В суд мои слова нести не рекомендую.

— А проверить вы можете?

— Как? — заинтересовался доктор.

— Анализы какие-нибудь сделайте.

— На предмет чего? — Врач сцепил пальцы замком, навалился грудью на стол. — Девушка, тут у нас не криминалистическая лаборатория и не сериал «Приёмный покой», тут ре-а-ни-ма-ци-я. Померла бы ваша бабушка, там бы ей, — доктор мотнул головой куда-то в сторону пола, — может, и сделали б токсикологию. Но не факт. Не факт, что сделали бы, и не факт, что нашли, даже если было что искать. А наше дело лечить согласно имеющимся симптомам. Даже больше вам скажу, в данный конкретный момент и не лечить, а не дать отправиться всё к тем же ангелам. Это ясно?

— Куда уж яснее, — проворчала под нос Ленка.

— И не прошенный совет напоследок, — доктор снял очки, двумя пальцами потёр переносицу. — Не выдумывайте лишнего. Понимаю, признавать это очень не хочется, но человек не вечен. И у бетона есть свой предел износа, а ваша бабушка женщина уже, прямо скажем, не молодая. Я понятно объясняю?

— Вполне, — Ленка встала, пошла к двери, но спохватилась, обернулась, поддала в голос сердечности: — Спасибо вам, доктор.

И впрямь, он же не виноват ни в чём, делает, что может. Зря Макс на него накинулся.

***

Больница была новой, из таких, которые в том самом «Приёмном покое» показывают. Например, вместо двери в палату, где Элиза Анатольевна лежала, имелся аквариум, целая стеклянная стена, за ней стол, то есть медсестринский пост, а уж следом и палата, тоже стеклом отгорожена, из коридора даже краешек кровати видно, какие-то агрегаты и трубки. А как в этот аквариум попадают, непонятно. В общем, чудеса медицины воочию.

Но, несмотря на все чудеса, ночью тут было жутковато. Длинный коридор едва освещён, лампы только возле других постов горели, а до них ещё дойди! Тишина совершенно... Такие сравнение, да в эдаких местах лучше и не вспоминать, тишина, в общем, совсем ничего не слышно, вот ни скрипа, ни шороха. Пахнет тревожно. Да ещё сестра, которая в аквариуме сидела и, кажется, тайком книжку читала, на них то и дело поглядывала недовольно. Ясно, как день: была б её воля, и Макс с Ленкой вылетели отсюда пулей. Но, к счастью, воля тут всё ж не её царила, потому они и сидели на неуютном, слишком маленьком для двоих диванчике, почти прижавшись друг к другу.

Петров зевнул, не разжимая челюстей, и виновато покосился на Ленку.

— Вы бы поспали, в самом деле, — посоветовала Старообрядцева. — А то бы и домой ехали. Не волнуйтесь, я подежурю и если что, сразу позвоню. У вас и руки, наверное, болят.

— Ничего, — буркнул Макс, глянув на свои забинтованные ладони, словно на чужие. — Просто смена часовых поясов, пройдёт. А вот ты бы ехала. Такси вызвать?

— Я сейчас откажусь и предложу вам такси вызвать, — развеселилась Лена. — Вы, конечно, тоже откажетесь и скажете, мол, мне домой пора. А я в ответ... Короче, так и скоротаем до утра.

— Способ не хуже всех остальных, — хмыкнул Макс. — Ну тогда расскажи что-нибудь.

— Да я не знаю о чём, — пожалала плечами Старообрядцева, — не про магазин же. Лучше вы. Вот вы говорили, что иногда бумажки важнее всего, а почему?

— Потому что я так думаю?

— Да нет, я не о том. Почему вы так думаете, это же не правильно.

— Не правильно ей, — усмехнулся Петров, наклонился вперёд, опершись локтями о

колени. — Хорошее дело, шаблонное мышление. «Жизнь дороже всего», «любовь не купишь», «сами придут, сами всё дадут».

— Ну а разве не так?

— Хочешь поговорить об этике с моралью? — Макс глянул на неё через плечо. — Хотя, почему нет? Ну ладно, слушай. Дело было в девяносто восьмом году. Помнишь, что тогда случилось?

— Помню, дефолт, — неохотно ответила Ленка, менторского тона не оценивая.

— Не можешь ты этого помнить, — усмехнулся Петров, — в то время ты ещё на горшке сидела. Но время весёлое было, да. Мой отец как раз на комбинат вернулся. Ну как вернулся? Приватизировал эту богадельню, Юлик помог. Он уже тогда рьяным демократом и депутатом заделался, какой-то там пост имел. Ну приватизировал и приватизировал, кое-что продал, конечно, часть помещений в аренду сдал, оборудование купил. Но заказов всё равно было с гулькин хрен. Никому пластические массы тогда никуда не упёрлись, всё из Турции да из благословенного Китая гоняли.

— А сейчас, можно подумать, по-другому.

— Если можно, то подумай, говорят, иногда бывает полезно. В общем, тоже под новый год случилось, рабочие три месяца уже без зарплаты сидели. А с чего платить? И тут вдруг большой заказ, за наличку. В те времена так принято было, деньги на самом деле коробками таскали.

— Вы таскали? — не выдержав, съехидничала Ленка.

— В том числе, — кивнул Макс. — Я ещё в институте учился, на третьем, что ль, курсе? Но приобщался, так сказать, к семейному делу. В общем, оставили эту коробку — из-под телевизора она была — у отца в кабинете. Заказчик приехал поздно, даже бухгалтерия уже закрыться успела. Хотя какая там защита? Дверь фанерная и сейф допотопный. Кстати, в директорский сейф это богатство тоже не влезло. В общем, оставили. А ночью администрация полыхнула. Сторожа, козлы, водки нажрались и проснулись, когда уже пожарные приехали.

— И как же?..

— Как, как, — Петров снова откинулся на спинку, потянулся. — кредит взяли. У очень больших людей, — Макс опять усмехнулся. — В коробке-то не только зарплата для рабочих лежала, но и деньги на сырье для заказа, на отливку, на формы. В общем, на многое. Его за этот кредит потом чуть не грохнули, не сумел во время проценты вернуть. Мать пугали, звонили по ночам, пальто в подворотне ей порезали. Мне морду основательно начистили. Отец нас с мамой к двоюродной тётке под Астрахань услал, чтоб не украли, понимаете ли. Мы только потом узнали, что он в этом веселье ещё и первый инфаркт заработал. Ну и как думаешь, полез он эту коробку спасать, будь у него такая возможность, или решил бы, что жизнь важнее?

— Ну так он то за своё, а вы за чужое ломанулись!

— Ле-на, а как же «помогай ближнему своему», ибо «аз воздам»? — тихонько засмеялся Макс.

— Да ну вас! — надулась Ленка, отвернувшись.

— Ну вот, сначала меня пилила, как порядочная жена, а потом да ну! — веселился Петров. — Всерьёз, что ли, обиделась? Лен, а, Лен! — он подёргал за рукав свитера, как школьник. Старообрядцева гордо не отреагировала. — Ну всё, придётся вымалывать прощение.

Макс поднялся, обошёл диванчик, присел перед ней на корточки и вдруг оказался так близко, что даже неудобно стало. Да и с его физиономии улыбка слиняла, теперь Петров по своему обыкновению смотрел сердито, исподлобья. И в чём опять провинилась? Геройства его не оценила?

Да тут он ещё отколол такую штуку: поднял руку и самыми кончиками пальцев, вот почти не касаясь, провёл ей по брови, скуле, губы словно обвёл. Это не было неприятным, только немного щекотным и очень-очень странным. Настолько странным, что у Ленки все мысли разом вышибло, ни одной не осталось, и сердце колотилось, будто в бочке.

— Нельзя, — сказал Макс глухо, хриловато. — С тобой всё слишком серьёзно будет, понимаешь? — Лена честно замотала головой. — Жаль. Было б проще. — Петров резко поднялся. — Пойду, узнаю, как там дела.

И на самом деле ушёл куда-то, хотя у кого и что он узнавать собирался, Ленка так и не поняла. Врач-то из своей ординаторской с вечера носа не высовывал, даже медсестра задремала за столом, подперев щеку рукой.

Честно говоря, Старообрядцева вообще ничего не поняла. И того, что сейчас произошло, тоже.

Глава 7.3

Просыпаться оттого, что тебя за плечо теребят, всегда не очень-то приятно. А если мерещится, что это мама в школу будит и, значит сейчас придётся выбираться из тёплой постели, почти километр плестись до трассы, до остановки, а потом ещё сорок минут болтаться в промёрзшем до фар автобусе типа «ПАЗ-Раздолбанно», то жить перестаёт хотеться ещё до того, как успеваешь глаза открыть.

— Мам, я, кажется, заболела, — пробормотала Ленка, — у меня горло саднит.

Шея на самом деле ныла, но почему-то не спереди, а сзади и голова была тяжёлой, словно в неё кирпич сунули.

— Девушка, — прошипели над самым ухом, — просыпайтесь, девушка. Давайте быстрее, пока доктор ещё не вышел. Ну вы идёте или нет?

— Куда иду? — уточнила Старообрядцева, сядя на неудобном диванчике и хлопая глазами, как сова, попавшая под софит.

— К бабушке идёте? Главврач же велел вас пустить, а Олег Сергеевич запретил. Ну так идите скорее, пока он не пронюхал. Проснулась ваша Петрова-то. Только не долго. Или вы чего, не хотите?

— Я хочу, — заверила сестричку Ленка, так до конца и не осознав, что от неё требуется. — А где?.. — спросила, ошалело оглядываясь.

Макса не было. Куртка тут, почему-то Лена ей укрыта была, шкура несчастного волка тоже, даже ключи из кармана выпали, а хозяина нет.

— Не знаю, — отозвалась сестра уже раздражённо. — Вышел куда-то. Но его я не пущу. Больно надо! Приказы приказами, но начальство далеко, а доктора тут, поблизости. Ну?

— Я иду, иду, — зачастила Старообрядцева, нашаривая скинутые ботинки, одновременно пытаясь волосы пригладить, влезть в протянутый халат и высмотреть Макса.

Толком ничего не вышло: ни высмотреть, ни привести себя в божеский вид, ни обуться, так и пришлось бежать за насупившейся медсестрой в ботинках с замывшимися пятками, да ещё норовившими сползти больничными бахилами поверх.

Элиза Анатольевна выглядела откровенно плохо. Будто разом высохшая, опутанная какими-то трубками, укрытая до груди слишком тоненькой бумажной простышкой, она

казалась странно маленькой, ключицы торчали птичьими косточками, под глазами тёмные круги, бледная, аж в синеву. Она впервые на Ленкиной памяти выглядела на свой возраст.

Лена подошла к кровати и замерла, не зная, что дальше делать.

— А Макс где? — говорила Элиза Анатольевна так тихо и непохоже на саму себя, что Лене примерещилось, будто кто-то из-под койки шептал.

Старушка ещё так и не подняла морщинистых, будто у черепахи век, отчего стало совсем жутко.

— Он сейчас подойдёт, — облизав пересохшие губы, тоже шёпотом ответила Ленка.

— Ещё чего! — фыркнула хозяйка. — Лучше сразу помереть, чем показаться в таком виде мужчине, пусть даже он тебе сыном приходится. В их памяти нужно оставаться молодой и прекрасной. Это единственный способ отомстить им по-настоящему жестоко. Пусть любуются собственным отвисшим брюхом и вспоминают тебя, такую великолепную. Эту мудрость я завещаю вам.

— Может, с завещанием ещё подождём? — предложила Старообрядцева, понимая, что улыбки, да ещё до ушей, сейчас не к месту и не ко времени, но всё равно улыбаясь.

— Можно и подождать, — согласилась Элиза Анатольевна. — Лично я никуда не спешу. — И, наконец, открыла глаза — как всегда яркие, блестящие, удивительно молодые, и мигмом перестала напоминать ссохшуюся старуху. — Вы уже перестали изображать вселенскую скорбь? Тогда присаживайтесь. У меня к вам будет три просьбы, Лена. Вы единственный человек, на которого я могу положиться. Так что придётся вам их выполнить, не отказывать же умирающей бабке в последней воле.

— Не похожи вы на умирающую, — заметила Ленка, пристраиваясь на краешке стула.

— Это я просто ещё в роль не вошла. Вот сейчас проснусь окончательно и такого «Лебедя» выдам, Павлова обзавидуется[2]. Значит, просьба номер один, присмотрите за Люком. На Махрутку надежды никакой, да у неё и ключей-то нет. А вы запасные возьмите у Макса, скажите я велела. И хоть иногда разговаривайте с ним, он очень тяжело переносит одиночество.

— Макс? — невесть зачем уточнила Лена.

— Ну, вообще-то и он тоже, — эдак задумчиво протянула Элиза Анатольевна, — но сейчас я имела в виду кота. Впрочем, и за сыном присмотреть не помешает. Считайте, моё материнское благословение у вас есть. И всё забывала сказать, будьте поосторожнее с Андреем, он не слишком порядочный человек, особенно с женщинами.

— Это я уже поняла, — хмыкнула Старообрядцева.

— Да? Это лишний раз доказывает, что вы куда умнее моего сына. До Макса это за тридцать лет так и не дошло. Впрочем, в вашей сообразительности я несколько не сомневалась. Теперь вторая просьба. Только, пожалуйста, не сочитите меня за впавшую в маразм кошёлку. В подтверждение здравого ума и твердой памяти... Или наоборот полагается? Короче говоря, хотите, я таблицу Менделеева перескажу?

— Не надо.

— И правильно, потому что я её и в лучшие годы не знала. Послушайте, Лена, — Элиза Анатольевна взяла девушку за запястье холодной, прямо таки ледяной рукой, и Старообрядцевой опять стало страшно. — Я ведь всё-таки дозвонилась до этой Степашки. Вернее, до дома, где она живёт. Дом, по всей видимости, очень не простой. По крайней мере, пробиться мне удалось до какого-то весьма странного молодого человека, по-моему, секретаря секретаря хозяина или что-то вроде этого. Ну, я с дури и выложила ему всё про

парюру. Не в подробностях, конечно, просто сказала, что драгоценности эти мои и будто у меня есть доказательства того, как они стали не моими. Наплела что-то про документы, про фотографии.

— Элиза Анатольевна! — ахнула Ленка.

— Говорю же, с дури. И разозлилась я очень, — поморщилась хозяйка. — Ну да простим мне эту маленькую слабость. Главное, что дозвонилась-то я дня за два до юбилея, потом меня уже ни с кем не соединяли, ни с секретарём, ни с кухаркой, сразу трубку бросали. А на юбилей эта Степашка явилась, хотя её я точно не приглашала. Нет, я, конечно, понимаю, проникнуть в банкетный зал много ума не требуется. Но не понятно, зачем она явилась. Сунуть мне под нос кольцо со стекляшкой? В общем, я тебя прошу, попробуй узнать адрес этой певички. Номер телефона, по которому я с молодым человеком беседовала, у меня в записной книжке, а та в столе. Помечено как «Бриллианты».

— Элиза Анатольевна, — осторожно начала Лена. — А может ну их, эти драгоценности?

— Знаете, Лена, — Старушка отпустила её руку и опять закрыла глаза. — У каждого человека есть свой ангел.

— Мне мама рассказывала.

— Ваша мама мудрый человек. А она рассказывала о правилах? Их обязательно нужно соблюдать, иначе ангел отвернётся. Не слышали? Никогда нельзя делать того, за что потом самому будет стыдно. Нельзя завидовать и желать другому зла. И никогда не жалуйся на судьбу. Просто, правда? Это тебе не десять заповедей. Мне нечего стыдиться: не крала, не убивала, даже не стучала, бог миловал. И что мужа обманывала, не стыдно, просто любовь была сильнее всего остального. На жизнь грех жаловаться, конечно, кое-что хотелось бы выстричь, но и так неплохо. А вот злоба меня так и точит, просто чувствую, как печень подгрызает. Я и тут-то очутилась из-за неё же. Избавиться надо, а то и в самом деле помру в одночасье.

— Я всё сделаю, Элиза Анатольевна, — Ленка хотела было похлопать её по руке, но постеснялась. — Адрес узнать не проблема.

— Хорошо, — кивнула старушка. — Тогда третья просьба. Очень я за колье волнуюсь. Вот других цацек не жалко, хоть бы все пропали, а его потерять страшно. Валяюсь и сама себе придумываю всякое. Вы б забрали его пока к себе. Оно лежит...

— А ну бегом отсюда! — зашипела, просунув голову в двери аквариума сестра. — Давайте, давайте! Доктор идёт.

— Где лежит, Элиза Анатольевна?

Но хозяйка только махнула рукой, мол, потом, потом, не при чужих.

Глава 7.4

Макс был мрачен и за всю дорогу от больницы ни слова не сказал, даже не посмотрел в сторону Старообрядцевой. Как будто это она виновата, что он так не вовремя отошёл кофе раздобыть, а сердитый, хоть и не такой усталый молодой врач категорически запретил беспокоить пациентку. Ленка была уверена: Петров доктору всё-таки двинет, но ошиблась, сдержался работодатель и согласился домой поехать, и подвезти предложил сам. Правда, молчал вот, злобно сигналил, подрезая по пути всех, кого можно. Кого нельзя он, кажется, подрезал тоже. Например, выруливать под самой мордой КАМАЗа, доверху нагруженного снегом, явно не стоило. А тут ещё и телефон зазвонил, Макс только чертыхнулся сквозь зубы.

— На проводе! — рявкнул в трубку и долго слушал явно оправдывающееся тарыхтение, не комментируя. Лена даже заскучать успела. — Какого хрена, Андрюх? — Снова рыкнул Петров, заставив девушку вздрогнуть. — Тебе даже такую фигню поручить нельзя? Если ты без няньки пос... — Он покосился на Старообрядцеву и сердито занавесился бровями. — Если тебе нянька нужна, то какого чёрта ты вообще за дело берёшься? Да мне плевать, кто и чего им сказал! Почему ты допустил, что им чего-то там наплели? Всё, Андрюх, мне сейчас не с руки тебе соплю подтирать. И навоз за тобой выгребать тоже.

Макс швырнул телефон на торпеду, резко выкрутив руль. Ну милейший же человек! Общаться с таким одно удовольствие!

— Неприятности? — поинтересовалась Ленка, просто чтобы не молчать.

— А когда в этой богадельне были приятности? — сквозь зубы процедил Петров и с силой саданул обеими ладонями по «баранке». Правда, тут же скривился и зашипел, руки-то, наверное, болели. Да и повязки стоило поменять, бинты истрепались и были чёрными, словно он уголь грузил. — Сказал же русским языком, встретить клиентов, в ресторан своди, напои, девок пригласи, если потребуют. Что сложного? Нет же, кто-то им успел наболтать, что наша краска токсичная, а сертификаты липовые. А ты где, ядрёна вошь, в это время был? Это ж немцы, они над этими сертификатами трясутся больше, чем... И, главное, второй раз уже сделка срывается, как наворожил кто!

— Может, специально вредит кто-нибудь? — робко предположила Лена и заработала та-акой взгляд! В общем, она мигом пожалела, что вообще рот открывала.

Нет, милейший, милейший человек!

Хотя, помнится, был разговор, Махрутка восхищалась очередным произведением про оттенки, а Элиза Анатольевна тогда поинтересовалась, как та себе это представляет. На вопрос что, пояснила, сунув дужки очков в зубы: «Вообще всё. Как этот ваш красавец успеваешь? Ему же, бедному, надо любимую и на руках поносить, и розами осыпать, и на вертолёте развлечь и по попе нашлёпать, и пострадать успеть. А капиталы свои когда зарабатывать успеваешь?» «Так он же миллионер!» — возмутилась сиделка. «Миллионеры, если они, конечно, не рантье[3], впахивают больше, чем сантехник дядя Вася, дорогая моя, — усмехнулась хозяйка. — Им глупостями заниматься некогда».

Про рантье Ленка не поняла, но со старушкой согласилась. До глупостей ли тут, когда столькими людьми руководишь? Да и руководство это, наверное, бесследно не проходит. Вот Ленин отец, в бытность свою мастером цеха, приходя домой всё больше матом разговаривал и орал, как ненормальный — не по злобе, просто в цеху-то шумно очень, а матом общаться доходчивей, вот он и продолжал по привычке. Макс тоже что-то такое говорил.

— Не поделишься? — мрачно спросил этот самый Макс.

— Чем? — не поняла Ленка.

— Что тебя так развеселило. — Старообрядцева промолчала. Ну не рассказывать же, что вспомнила, как он по-китайски ругался. — Хотя мы уже приехали. Ого, а нас тут уже ждут, оказывается.

Петров наклонился над рулём, разглядывая что-то через лобовое стекло. Ленка тоже посмотрела, но без особого интереса, потому как уверена была, что увидит Степашку. И в очередной раз ошиблась. Перед подъездом топтался никакая не певичка, а вовсе даже Виталик, да не один, с группой поддержки. Кольку, охранника с рынка, Лена знала, второго парня видела первый раз.

— Вот только мордобоя нам и не хватало, — буркнул Макс. — Всё у нас так хорошо шло, только драки не было!

— Подождите!

Старообрядцева попыталась схватить его за рукав, но не успела, пришлось следом выскакивать.

— Ну чё, мужик, ты конкретно попал, — гундосил Виталя, разминая кулак о ладонь. — Будем тебя жизни учить.

— Непременно, — кивнул Петров, а тон у него был... Ну точно граф с холопом беседует, объясняет неразумному, что не стоит в английскую машину палки совать, чай не печка. Ленка такое в кино видела. — Только перед учением разьясните для меня один момент. Почему вы мне всегда угрожаете днём, да ещё в людных местах?

— Чё? — не понял Колька. — Чё он буровит-то, Виталь?

— Говорю, ссыте, что ль, в натуре мне морду отрихтовать? Только трывдите, да ещё при соблюдаях[4]. По-взрослому вопрос решить очко выиграло, щенки? — перевёл Макс и совершенно по-пацански сплюнул в сугроб.

— Ну всё, мужик, ты допросился! — мотнул круглой башкой Ленкин возлюбленный. Теперь, наверное, уж точно бывший.

Тут-то Старообрядцева, наконец, отмерла.

— Виталь, иди домой, а, — затянула она уже привычное. — Я тебе потом позвоню и мы...

— А ты вообще молчи, тля, — посоветовал Колька почти миролюбиво. — С тобой потом по-особому перетрём.

— Максим Алексеевич! — крикнула в щель между подъездной дверью и косяком Марьванна из шестьдесят шестой. — Я полицию уже вызвала, сказали, что едут.

— Ну и зря ребят потревожили, мальчики уже уходят, — отозвался Петров. — Я сказал, мальчики уходят. Быстро, — повысил голос. — И больше здесь не показываются.

— Ты допросился, мужик, — вслед за главарём повторил Колька, ощерившись.

И все трое потопали по обледенелой дорожке, оглядываясь, разве что не огрызаясь, как волки. Нет, волки хорошие, а это даже не шакалы, вообще, не пойми кто. Люди, наверное.

— Что им нужно-то было? — пробормотала Ленка. — Чего привязались?

— Как привязались, так и отвязутся, — Макс повернулся к ней. — Эй, ты чего? Нашла из-за чего реветь.

— Я не реву, — даже удивилась Старообрядцева, шмыгнула носом и поняла, что действительно ревет, самым натуральным и совершенно позорным образом.

И вот стоило ей это понять, как слёзы хлынули по-настоящему, градом. Страх за Элизу Анатольевну, злость на Петрова, досада на Степашку и вот этот теперешний испуг жгли горло, как кислотой и лились, прижигая щёки.

А Макс снова и как-то вдруг оказался очень рядом, притиснул к себе, заставив ткнуться лицом в мягкий свитер, накрыл лапами расстегнутой куртки и воротник из дивного волка поднял, спрятав Лену с головой.

— Не реви, — повторил откуда-то сверху. — Суровые алькирии не рыдают.

— Я не валькирия, — прогундосила Старообрядцева.

— Значит, воспитаем.

[1] В данном случае имеется в виду систолическое артериальное давление.

[2] Имеется в виду Анна Павлова, великая русская балерина. Один из её коронных номеров, исполняемых под композицию К. Сен-Санса «Лебедь», за манеру исполнения публика прозвала «Умиравший лебедь»

[3] Рантье — человек, живущий на доход от капитала, например, на проценты от банковских вкладов.

[4] «Говорю, боитесь, что ли, на самом деле меня избить? Только болтаете, да ещё и при свидетелях. Нормально решить проблему испугались?» (смесь блатного и жаргона так называемой гопоты).

Новогоднее настроение слиняло, стекло с города вместе с вмиг раскисшими сугробами, будто его и не было никогда. На головы разочарованных, а оттого злых людей сыпала ледяная сечка — сразу и не поймёшь, снег это или дождь такой странный. Вместо асфальта склизкая каша, под которой воды по щиколотку, а ещё ниже лёд. Деревья стояли нахохлившиеся, мокрые и подмигивающие гирлянды дела не спасали, наоборот, они казались какими-то убогими и жалкими, как старый клоун. В общем, никакой тебе радости, все кругом злые, раздражённые, уже с утра уставшие, к вечеру же, кажется, кусаться готовые.

А у дяди второй день подряд болела голова, он стал капризен и занудлив, требовал к себе какого-то особого внимания, упрекал племянницу в равнодушии, глупости, криворукости, эгоизме и окончательно сбрендил на своих конъюнктурных передачах, заявив, что российский президент никакой не российский, тот помер давно, а правит всеми заокеанская марионетка, которому лицо пересадили. И потому всех, ну совершенно всех скоро ждёт неминуемая и мучительная смерть или рабство у зарубежных олигархов, что ничуть не лучше, понятно.

В общем, идти домой не хотелось совершенно, но и стоять на подъездном порожке, ловя за шиворот щедрую капель с карниза, до бесконечности невозможно. Ленка вздохнула, втянула носом по-мартовски неприветливый воздух и совсем уж было собралась в семейный уют, как дверь распахнулась и саданула ручкой под рёбра, едва не свалив Старообрядцеву в лужу.

— Да пошёл ты! — рывкнул выскочивший мужик непонятно кому и, развернувшись к подъезду, продемонстрировал в темноту фигуру из одного пальца. — Козёл!

— Сам такой! — вызверилась Ленка, трясая ногой. Ледяная жижа всё-таки залила в ботинок и теперь хлюпала под носком. — Не пробовал смотреть, куда несёшься?

— И ты пошла в..! — ещё больше завёлся мужик и вдруг сообщил совершенно спокойно. — Лена. — Он на самом деле не спросил, а констатировал факт, причём явно для него приятный. — Я вас уже неделю ищу. Куда вы подевались?

— А чего меня искать? — буркнула Ленка, поудобнее перехватывая пакет с йогуртами и сосисками.

— Просто хотел вас увидеть, — радостно заявил Андрей. — Но я же ни телефона вашего не знаю, ни адреса, а Макс молчит, как партизан. Если б вы знали, как я вам рад! День такой отвратный, а тут...

«Ещё вы нарисовались» напрашивалось само собой.

— Здрости, — помолчав, поздоровалась-таки Лена, ладонью поправив шапку.

— Слушайте, вы есть хотите? — невесть к чему спросил красавец.

— Хочу, — сдури призналась Старообрядцева.

— Лена, — Андрей молитвенно сложил руки и умильно заглянул ей в глаза. Получилось у него это ничуть не хуже, чем у кота из мультика про троллей. — Я вас умоляю, составьте мне компанию. Тут совсем недалеко есть тихое местечко и кормят прилично. Хотя готов ехать, куда захотите.

— Да никуда я не хочу!

— Ну, пожалуйста! На самом деле день хоть в петлю лезь. Клянусь, только ужин, потом подвезу, куда скажете, пусть даже на Марс.

— На Марс не надо, — Ленка против собственной воли разулыбалась, уж больно смешную физиономию скроил Андрей, да и на самом деле выглядел он усталым, замученным даже. — Но у меня тут пакеты, да я и... — «Не одета» ей всё же удалось на языке удержать.

Уж больно по киношному звучала фраза, жеманненько так. И Лена, конечно, была одета, только не для похода в ресторан, а для работы.

— К чёрту пакеты, — заявил блондин, решительно отбирая баулы с йогуртами и засовывая их в багажник то ли танка, то ли всё-таки машины, стоявшего тут же, у самого подъезда. Лена, пробираясь к дому по кромочке, чтобы в лужу не соскользнуть, ещё подивилась, что за нехороший человек додумался так раскорячиться. Оказывается, вот такой. — Какую кухню предпочитаете?

— Вкусную, — пробормотала Ленка, карабкаясь на сиденье.

— Заказ принят. А знаете что? — Андрей, опершись ладонями о крышу машины, заглянул в салон, куда уже забралась Старообрядцева. — Есть ещё одно деловое предложение. А ну их к чёрту эти уютные местечки. Поехали ко мне. У меня есть шикарная баранина, замариновать успел, а приготовить нет. От вас потребуется только сидеть на диване, пить вино и превозносить мои кулинарные достоинства. Лена! — Блондин выпрямился, потому что девушка успела вылезти из машины, умудрившись-таки провалиться в сугроб едва не по колено. — Ну что вы, действительно! Боитесь, что я на вас наброшусь и лишу девичьей чести? Да в самом-то деле, у меня не настолько серьёзные проблемы с женщинами, чтобы вас насиловать.

— Ну и не надо! — очень к месту лягнула Ленка.

Блондин постоял, хлопая глазами, откинул пятернёй чёлку и заржал, окончательно потеряв возможность отужинать в обществе Старообрядцевой.

Подъездная дверь снова хлопнула, выпустив на крылечко диво в пушистой белой шубке и сапожках на километровых каблучицах.

— ...! — выдала дива нежным голоском, поскользнувшись на мокром порожке. — Что за ...кая погода? Ой, Андрюша, ты ещё не уехал? Как хорошо! Подвези меня, пожалуйста.

— Ты что здесь делаешь? — мигом посуровел блондин.

— Да я... — Степашка, видимо, только заметившая Ленку, поморщилась, зябко закуталась в воротник своей чудной шубейки, обеими руками прижав мех к щекам. — Мне надо в гастробутик, это на Некрасова. Хочу Максику на ночь сделать смузи. Ему витамины нужны, выглядит он неважно, да и спит плохо. Может, на завтрак ещё что-нибудь прихвачу, а то у нас в холодильнике совсем пусто.

— Хозяйственная ты наша, — похвалил певичку Андрей и остался стоять, не спеша её в машину приглашать.

Спит, значит, господин Петров неважно, в холодильнике *уних*ничего нет и позавтракать Максику, бедняжке, нечем. Одна надежда на диво дивное вместе с её шубкой и каблучками.

— А что вы хотели из баранины приготовить? — эдак ненавязчиво поинтересовалась Ленка.

— Да просто рёбрышки запечь, — тут же воспрял блондин. — Вы не пожалеете, обещаю. Но если вам больше рыба нравится...

— Баранина вполне подойдёт, — царственно смилостивилась Ленка, царственно же садясь в машину.

Правда, при этом изловчившись приложиться макушкой о притолоку — или как там это в танках называют? — но даже не поморщилась, поэтому Степашка вряд ли заметила. Хотя было всё равно больно.

— Андрей, я... — проканючила певица, скрывшись в шубке почти до бровей.

— Прости, дорогая, занят, — коротко гавкнул красавец. — Как-нибудь созвонимся.

Наверное, три правила, про которые говорила Элиза Петровна, вывели не зря, кто бы их ни придумал, ангелы там или люди. Злиться и желать плохого другому — не хорошо, как не посмотри. Правда, Ленка как раз никому ничего и не желала, но вот подленькая, гаденькая радость всё-таки шевельнулась, потирая склизкие ладошки, когда Старообрядцева смотрела, как уменьшается Степашкина фигурка в зеркальце на боку машины. Даже почти жалко стало певичку, такой несчастной и одинокой она казалась под светом подъездного фонаря, в косой снежно-дождевой мороси.

Но ведь «почти» не считается. По крайней мере, в детстве они так и говорили.

***

Жил Андрей шикарно. Про такие квартиры Ленка слышала, но воочию никогда не видала, конечно: стен тут не было, то есть совсем, даже туалет и душевая кабинка с раковиной от всего остального отделяла почти непрозрачная, но всё же стеклянная перегородка. Зато окон, громадных, от пола до самого потолка, аж три. А так всё поделено на зоны — это называлось «зоны», Старообрядцева у Оксанки в журнале читала — полом и потолком. В одном углу пол из каменных плиток, а на потолке будто балки, значит, там кухня; в другом всё деревянное — кабинет, надо понимать; в третьем внизу мохнатый ковёр, вверху зеркало, ну и совершенно круглая, гигантских размеров кровать, то есть спальня. А посередине гвоздик: тоже круглый, вернее, почти в бублик свёрнутый здоровенный белоснежный диван, рядом подушки прямо по полу раскиданы, маленькие скамеечки, пуфики и несколько стеклянных столиков — гостиная, наверное.

Вот на этот самый белоснежный диван хозяин Ленку и усадил, вручил бокал с вином, немного кисловатым, терпким, но вкусным, а сам отправился за резную ширмочку переодеваться.

— Как вам вино? — крикнул Андрей из-за ширмочки. — Оно из Имеретии, это...

— Часть Грузии, — отозвалась Лена рассеянно, её гораздо больше происхождения вина интересовал стеклянный столик, точнее, его ножка. Никак Старообрядцева не могла понять, на что она похожа, вроде как скульптура какая-то. — Туда Ясон за руном плавал.

— Да? Не знал. У меня бабушка из тех мест и сейчас куча родственников осталась. Баранину, кстати, тоже они презентовали.

Ленка воровато глянула на ширму и всё-таки заглянула под стол. Ну так и есть! Стеклянную столешницу держала на спине каменная деваха, неприлично стоящая на четвереньках, все анатомические подробности были при ней. Красота невероятная, а, может, даже настоящее искусство. Современное.

— Никто не верит, что у меня кавказские корни, — сообщил Андрей, выходя из-за ширмы и на ходу подворачивая рукава тонюсенького свитерка, надетого на голое тело. Ещё на нём были мягкие брюки, а больше ничего, ни носков, ни тапок. При этом блондин умудрялся выглядеть невероятно стильно, как в журнале. Надо признать, своей чудной квартире он подходил идеально. — Кстати, как там Элиза Анатольевна? Всё хотел заехать, навестить, да не выходит.

— А вас и не пустят, — ответила Ленка, рассматривая изогнувшийся, будто его

судорогой скрутило, светильник, тоже, наверное, предмет искусства. Но свет от него был приятный, домашний такой, почти интимный. — Карантин у них, грипп, вроде бы, никого не пускают. Но ей уже лучше, перевели в палату и даже позвонить разрешили.

— Это хорошо. — Андрей чем-то грохнул в «зоне кухни». — Честно говоря, люблю я её. Знаете, как мы познакомились? Вернее, что она мне сказала вместо «здравствуй»? «У тебя глаза, как у кота, котом и станешь». Я даже обиделся. Мне лет десять тогда было, мы с родителями только переехали. Нас с Максом посадили за одну парту, вот он к себе домой и пригласил. Элиза тогда ещё настоящей красавицей была и какой-то нерусской, я в неё почти уже влюбиться успел. А тут кот! Нет бы с волком сравнила. Или с тигром, мы тогда все от Шаолиня тащились, стиль тигра, стиль журавля.

Блондин хмыкнул и часто застучал ножом по разделочной доске, как заправский повар.

— Тигр тоже кот, — заметила Лена, прихлёбывая вино.

— Верно, конечно, до этого я не додумался. Вот до сих пор не могу понять, комплимент она мне тогда отвесила или наоборот? Кстати, а что с её котом? Он же там один, бедолага.

— Я к нему каждый день захожу, но он скучает, конечно. Забрать бы его к себе, да у дяди аллергия на шерсть. Хотя кошек он любит, даже мечтает бездомного котёнка приютить.

— Может, мне его взять? Впрочем, какая разница, что там один, что тут. Меня тоже дома почти не бывает, а сейчас-то...

Андрей сердито хлопнул какой-то дверцей.

— Вы опять с Максом поругались, да? — осторожно спросила Ленка.

— Мы с ним не ругаемся. Он начальство, я дерь... Простите, никто. Да ещё этот дятел упёрся, как баран! Понимаете, мы по осени влетели так, что мама не горюй! Огромную партию на таможне два месяца с какого-то перепуга промариновали. Попали на огромную неустойку и товар завис. Да ещё две последние сделки сорвались. Короче, всем кругом должны, хоть квартиры продавай вместе с жёнами и детьми. — Андрей снова чем-то грохнул, и вкусно потянуло специями. — Я ему говорю, надо с этими парнями связаться, а он ни в какую. С криминалом, он, видишь ли, дел принципиально не имеет! Да не пофиг ли, криминал или нет? Не взрывчатку же ты им гонишь! — Вода полилась, зашумела так громко и яростно, что Старообрядцева вздрогнула от неожиданности. — Простите, Лена, вам это не интересно. Устал я просто, как собака, и сегодня, и вообще. Да ещё Макс хвост накрутил. Долить вина?

Он подошёл сзади, плеснул в бокал, который почему-то оказался пустым.

— А лучше идите сюда. Уверен, такого вы никогда не видели.

Андрей взял её за руку, обвёл вокруг дивана, как ребёнка, и они очутились у окна. А за ним было и впрямь такое, чего Ленке видеть ещё не доводилось. Далеко внизу текла река шоссе — на самом деле река, и на самом деле текла, только это была не вода, а свет, самих машин почти не видно, лишь фары и ещё фонари. По краям же всё переливалось новогодними гирляндами и железнодорожный мост вдалеке подмигивал красным. Дома смутно серели размытыми силуэтами со светлячками окон, за ними очень глубокая чернота, а на фоне этой черноты падал уже не дождь, а самый натуральный снег. Одна снежинка — крупная, но очень чёткая, резная — на миг прилипла к стеклу, будто заглядывая в квартиру, но тут же оторвалась, закрутилась в темноте, исчезла.

— Похолодало, наверное, — негромко сказал Андрей.

— Наверное, — ещё тише отозвалась Ленка.

— Вы не боитесь высоты?

Старообрядцева помотала головой, а блондин пошарил рукой позади себя и свет в квартире погас, осталось только свечение за окном, отчего стало странно светлее, но и чернота превратилась почти в бездонную. Мерещилось, что они не на двадцатом этаже, а на двухсотом.

Андрей мягко обнял ладонями её плечи, чуть поднажал, и разворачивая к себе, и спрашивая. Лена поддалась и это тоже было очень красиво и совершенно по-киношному. Он — босой, слегка растрёпанный, она — с бокалом в руке, всё это на фоне ночного города. Красота, не хуже каменной девахи, может, даже и искусство.

Поцелуй оказался очень красивым и правильным, тоже будто в кино, Старообрядцеву ещё никто и никогда так не целовал. И чувствовала она себя примерно так же, словно не слишком впечатляющий фильм смотрела: ну да, стильно, местами даже интересно: покажут, что дальше случилось, или за кадром оставят. Но не сопереживательно вовсе, не дотягивали актёры. Вот тогда, у Питта с Джоли всё куда как круче было. Или у этого, который с усами и той блондинки...

— Вызвать такси? — прервал-таки Андрей слишком затянувшуюся и очень неловкую паузу. — Про баранину даже не спрашиваю.

— Простите, — промямлила Ленка, моментально смутившись.

— За что вы-то извиняетесь, Лена? — как-то грустно спросил блондин. — Только я ведь так просто всё равно не отстану.

Ленка неловко пожала плечами, мол: ну и не отставайте. Может, оно так-то и правильно? Красиво же. Но сейчас лучше такси.

***

Всё-таки приходилось признать, кошмар случился: записная книжка Элизы Анатольевны пропала бесследно и находится не собиралась. Оставалось надеяться, что старушка перепутала и сунула вещичку в один из запертых ящиков, тогда у Ленкиной неспособности выполнить элементарную просьбу хоть какое-то оправдание появлялось. Правда, не слишком состоятельное. К тому же, надежда эта была слабенькая, потому как и в кабинете, и в хозяйской спальне царил просто-таки армейский порядок, будто Элиза готовилась к отправке в больницу и заранее прибралась, дабы не позориться перед посторонними, что само по себе было уже странно. Обычно-то старушка такими вопросами не озадачивалась и, как правило, устраивала не образцовый порядок, а феерический беспорядок. Как-то она призналась Старообрядцевой, для неё недопустимо одно: чтобы чужие имели возможность лицезреть её нижнее бельё и чулки, на всё остальное госпожа Петрова плевала с высокой колокольни, ибо была «совершенно не приспособлена к хозяйству». И этим, кажется, даже гордилась немного.

Но вот же, пожалуйста: пресс-папье в виде бронзовой нимфы, отдыхающей на берегу ручья, стояло в линейку с подставкой для ручек и карандашей, весьма успешно прикидывающейся бронзовой же чернильницей, и листы писчей бумаги под красоткой собраны идеальной стопочкой. Рядом лежал дневник в шикарном кожаном переплёте: на обложке так и написано золотом: «Личный дневник», странички заперты на замочек, но на корешке, на цепочке болтается ключик, правда, Ленка его всё равно открывать не стала, хоть и любопытно было до жути. В верхнем ящике, в специальной коробке, неоплаченные счета за свет и всякое такое. Рядом, аккуратно подшитые в папку, оплаченные. В тумбе сбоку ежедневник, визитница и такая же штучка, только не для визиток, а для скидочных карточек

— всё под стать дневнику. Чуть ниже всякая канцелярская мелочёвка, журналы и прочая, и прочая. А записной книжки нету.

Ленка тяжело вздохнула и уселась на пол, разглядывая два нижних — запертых — ящика. Где от них Элиза хранила ключи, Старообрядцева понятия не имела. Из-за угла стола бесшумно вырuling Люк, прищурился презрительно и отвернулся, слегка подрагивая метёлкой шикарного хвоста.

— Ну чего ты шуришься? Лучше б помог искать, — укорила его Лена.

«Сейчас, только усы приглажу» — пообещал кот, уселся и начал вылизывать бок.

— Можно подумать! Какие мы важные!

«Подумать можно — согласился Люк, не прерывая своего занятия, искоса глянув на Ленку. — Иногда бывает полезно».

— У Макса научился, что ли? — обиделась Старообрядцева.

«Этому котёнку *меня*ещё учиться и учиться» — дёрнул ушами рыжий.

— Думается мне, он иного мнения.

На это кот ничего не ответил, принялся за наведение лоска на другие, более интимные части тела, видимо этим выражая своё отношение ко всем людским мнениям скопом.

— Чего делать-то? — Ленка правой рукой почесала за левым ухом. — Эй, живоглотина, подсказал бы, ведь наверняка знаешь, куда книжка подевалась. Зря я с утра на рынок тебе за парной печёнкой бегала.

«А печёнка, между прочим, была так себе и вовсе не парная, а размороженная, — сообщил Люк, потягиваясь всем телом, запуская в ковёр нехилые рысиные когти. И сел, таинственно мерцая глазами. — Вы же, Елена, удручающе глупы»

Вот именно так, совершенно с дядюшкиными интонациями и сказал, паразитина.

— Питаться тебе теперь одними консервами, — мрачно предрекла Ленка.

Кот дёрнул спиной, ни на секунду ей не поверив, и, не торопясь, направился на выход. Правда, на пороге притормозил, уркнул вопросительно, мол: «Долго тебя ждать?»

— Ну чего ещё? Еды полная миска, воды я тебе свежей налила, лоток поменяла. Или душа просит чёрной икры и ласковых кисок?

Видимо, последнее предположение было верным, потому что Люк остановился в коридоре, прислушался к чему-то, поводя ушами, глаза при этом у него стали совершенно круглыми, чёрные зрачки затопил радужку. А потом кот и вовсе выгнулся дугой, вздыбив шерсть так, что стал совсем каких-то слонопотамских размеров, и одним махом, вернее, одним прыжком канул в глубинах хозяйской спальни, оставив Ленку в тёмном коридоре одну.

— Эй, ты чего? — запоздало и почему-то шёпотом возмутилась Старообрядцева.

Ответом ей была глухая тишина настоящей «сталинки», славящейся не только высоченными потолками, но и отличной звукоизоляцией вместе со стенами, толщиной в полметра. Может, конечно, и поменьше, но Ленка слышала только как подкапывает кран на кухне, до которой всего-то три шага было: «Кап! — эдак звонко, потом здоровенная пауза и длинно, протяжно: ка-ап!» — и снова пауза.

Непонятно с чего, но Лене стало страшновато, даже морозец по позвоночнику продрал. Бесшумно скинув тапочки, она подкралась к входной двери, пытаясь выслушать хоть что-нибудь, кроме капли с кухни, про которую подумалось — вот же примерещится всякая жуть! — будто это вовсе и не вода, но ничего не услышала. Желтоватый «глазок» в двери светил ровным подъездным светом и показывал только кусок перил, сетчатый угол лифтовой

шахты и немного истёртой плитки на полу.

— Нет там ничего! — приглушённо крикнула Ленка в сторону спальни.

Люк промолчал и Старообрядцева снова вздохнула. Ну почему, почему так и тянет в подвал, когда точно знаешь, что там притаился бука?! Или маньяк. Или Оно — вот так актуальнее. Что за выверты психики? Невозможно же усидеть в тёплой, освещённой, а может даже и освящённой комнате, когда там, в мокрой темноте, скребётся. Или не скребётся, а сидит тихо, тогда в подвал начинает тянуть совсем уж невыносимо. Ну кто объяснит, почему так?

Ленкина рука поднялась сама собой, без всякого разрешения на то хозяйки, повернула верхний замок, открывая, потом нижний, сбросила цепочку, толкнула створку... Сердце колотилось, как бешенное, отдаваясь эхом в воспалившихся висках, а во рту пересохло, будто она сутки не пила, и стало кисло.

В щели между дверью и притолокой показалась желтоватая напольная плитка. Ту, что ближе всего к квартире была, ровно пополам пересекала трещина, а к другой прилипла яркая обёртка от чупа-чупса. Хоть дом до сих пор считался элитным, подъезды тут мыли всего раз в неделю, вот и валялись фантики.

Старообрядцева облизала сухие губы, основанием ладони утёрла взопревший висок и поднажала на дверь. Та неохотно, но поддалась, явно что-то сдвинув. Соседи коробку на лестницу выставили, что ли? Или мешок какой? С тряпьем, наверное, хотели старую одежду к помойке отнести, бомжикам, а он упал.

Створка ещё немного проехала и встала, как вкопанная, Ленка плечом налегла — ни в какую. Но щель и без того получилась приличной.

— Ладно, — решила Лена, вытирая мокрые ладони о юбку. — Бредут бобры в сыры боры. Бобры храбры, а для бобрят добры.

Голова в щель пролезла легко, а вот грудь застряла, но заглянуть за дверь Старобрядцева всё-таки сумела. И даже успела похвалить себя за сообразительность, потому как на полу валялись штаны и мужские ботинки. И только через минуту, никак не меньше, до неё дошло, что в брюках, да и в ботинках тоже, были ноги, обыкновенные такие, человеческие. Наверное. А чуть повыше штанов лежала куртка с очень широким меховым воротником, а вот головы не видать. Зато по истёртой плитке медленно растекалось, будто ползло, яркое, глянцево-алое.

***

Макс выругался сквозь зубы, дёрнулся, попытавшись отодвинуть голову, но Ленка ему, конечно, не дала, придержала ладонью, почти прижав к собственному бюсту.

— Сиди тихо! — прикрикнула сурово.

— Так больно же! — возмутился Петров.

— Будет больно, когда у тебя гангрена заведётся.

— Одна уже, кажется, завелась, — буркнул Макс, но послушно замер.

В принципе, все оказалось не так плохо, как могло бы быть. Скула, сильно свезённая, с двумя глубокими царапинами поверх, уже начала опухать и наливаясь глубоким багрянцем. На затылке кожа лопнула, по уму, надо бы зашить, но ехать в травмпункт работодатель оказался наотрез. Ну и здоровенная шишка, куда ж без неё.

Таких ранений Ленка навиделась, по субботам у городского ночного клуба травмированных бойцов хватало. Надо понимать, уважаемому Максиму Алексеевичу сначала по морде съездили, да не кулаком, а самодельным кастетом с клёпками и свинчаткой,

потому и царапины. А потом уж он сам брыкнулся, саданулся головой и залил в подъезде кровью вес пол. Ничего, жить будет. Может, и до свадьбы заживёт, если, конечно, Степашка слишком уж спешить не станет.

— Ну, всё? — проворчал Макс.

— Сейчас, только ещё зелёночкой помажу, — злорадно пообещала Ленка.

— Какой ещё зелёночкой? — возмущился Петров и опять попытался смыться. Правда, снова безуспешно. — Ленка, заканчивай дурить!

— Дурить не дурить, а затылок тебе подбрить придётся.

— Это ещё зачем?!

— А пластырь я тебе куда прилеплю? На задницу? — Старообрядцева глянула на него сверху вниз. С ватки, зависшей прямо над его физиономией, капнуло Петрову на нос. — Зашиваться ты же отказываешься.

— Шить ты тоже умеешь? Крестиком? — неприязненно буркнул Макс, подозрительно рассматривая стёртую каплю. — И чего ты врешь, это ж не зелёнка.

— Это хлоргексидин и крестиком не шьют, а вышивают. Но если желаете, зелёночкой я вас даже полить могу. Хотите?

— Ты чего хамишь?

— Я не хамлю, — пробормотала Ленка. — Я просто... Испугалась я очень.

— Не за что бы ни подумал, — не поверил Петров.

— Ну да...

Вот само собой вспомнилось, да так чётко, словно это всего минуту назад случилось, хотя уже добрых полчаса прошло, как она его трясла, стоя рядом на коленях и боялась ногой в глянцевую лужу угодить. Как переворачивала, каменно-неподъёмного и совсем негнущегося. Как волокла в квартиру, как он, наконец, глаза открыл, бессмысленные, словно у младенца.

Первое, что сказал Макс: «Какого чёрта?»

Руки у Ленки дрогнули, да так, что она на самом деле едва не вывернула пузырьёк Максу на башку, хоть в нём, в пузырьке, то есть, и не зелёнка была.

— Ты же вообще ничего не боишься, — заявил Петров, кряхтя, выпрямляясь, садясь ровнее. — Ты ж из этих, которые слона на скаку остановят и хобот ему оторвут.

— Тебе-то откуда знать?

— Потому что есть женщины в русских селеньях, — глубокомысленно заявил Макс и потянулся лицо растереть.

— Стой, дай я, хотя бы, ладони перевяжу. Ты что, за всю неделю так и не удосужился их поменять?

— Да чего менять, там уж зажило всё.

— Ну да, раненые бойцы не плачут! — фыркнула Лена. — Что ж ты сплеховал-то? А как же команда «Омега»? Разве спецназовцам по роже дают?

— По роже дают всем, — заверил её Петров. — И я, между прочим, даже в армии не служил. По-моему, я и не дрался ни разу в жизни.

— Вообще ни разу? — поразилась Ленка.

— Ну, если не считать того инцидента, во время кредитной истории... Но там тоже была не совсем драка. Скорее, избиеение младенца. В общем, не чета тебе.

— А я-то что? Я тоже... не часто. — Макс захихикал, а Старообрядцева всерьёз разозлилась. — Ну и что? Ну да, у нас по-простому, всякое случалось. А что, по-вашему, я

должна была «Караул!» кричать, когда девки мне решили «тёмную» устроить? Или: «Помогите, хулиганы зрения лишают?»

— И ты, значит, пошла в отмах?

Петров разулыбался в тридцать два зуба.

— Ну не рыдать же.

— И по какому поводу битва случилась?

— Из-за парня, из-за чего же ещё? — пожала плечами Ленка. — Ну а вам за что съездили? Поклонники великой певицы не оценили нового ухажёра?

— Понятия не имею, — мигом посерьёзnel Макс, даже по дивану передвинулся, будто специально подальше от девушки. — Я его и не разглядел. Только услышал, кто-то по лестнице спускается. Решил, что соседи. Да ничего я не решил, на самом деле, не думал даже! И не понял ничего. Да оставь ты эти бинты в покое, заканчивай играть в сестру милосердия, честное слово.

— У вас волдырь вскрылся.

— Как вскрылся, так и закроется. Если понадобится, Лёлька вечером перевяжет, — злобно огрызнулся Петров.

— Ну если Лёлька, — протянула Лена и отвернулась, собирая разорванные упаковки из-под спиртовых салфеток.

— Так. А это ещё что такое? — раздражённо поинтересовался Петров.

— Где?

— Передо мной. Это что за обиды, Лен? Тебе самой-то Андрюхе позвонить не надо? А то поздно уже. Волнуется, небось.

— При чём тут Андрей?

Старообрядцева, занятая многотрудным делом закручивания крышки пузырька, даже не обернулась.

— Как при чём? У вас же с ним...

— Что у нас с ним?

— Всё. У вас с ним всё.

— Это он так сказал?

— А зачем ему что-то говорить. Я же не мальчик, кое-что до меня без посторонней помощи доходит. — Макс резко встал и пошатнулся, конечно, чуть опять на диван не плюхнулся. Но устоял, а протянутую Ленкину руку проигнорировал. — Кофе хочешь? Я сварю. Но лучше иди домой. И на самом деле поздно, и не до тебя сейчас. У меня и так проблем выше крыши, хорошо хоть телефон этот придурок не забрал. Завтра ещё...

Так и не сообщив, что у него завтра, Петров вымелся из комнаты.

Ленка стояла, рассматривая собственное всклокоченное отражение в тёмном оконном стекле.

Вот чего, спрашивается, опять вызверился, она же не виновата, что ему по физиономии дали. Может, хотел, чтобы его Лёлька-Степашка врачевала, а не какая-то дура деревенская, которая слона на скаку остановит? Ну так и позвонил бы, телефон-то не отобрали же. Впрочем, может, он бы и позвонил, если б всякие рядом не толклись и никому не нужную помощь не оказывали. Только...

А телефон-то почему не отобрали, он же навороченный?

— Максим Алексеевич, — крикнула Ленка, зачем-то засовывая обрывки упаковок себе в карман. — Скажите, кошелёк у вас отобрали или тоже оставили? А машину?

— Что машину? — хмуро спросил Петров, появляясь на пороге почему-то со своей курткой в обнимку. — Вон, под окнами стоит.

— А ключи? И кошелёк?

— Да тут всё, сдались они тебе. Лучше скажи, можно с этим что-то сделать или уже всё?

Макс продемонстрировал ей испачканный, слипшийся от крови мех на воротнике и Ленке так стало жалко несчастного волка, что в носу зашлюпало.

— Да вы его отстегните просто, — прогундосила в ответ, с трудом сглотнув горький ком. — Он же не греет, только так, для красоты.

— А мне с ним больше нравится, — огрызнулся работодатель и снова скрылся в недрах квартиры.

Вот и пусть идёт, а то ещё догадается, что сейчас-то у него есть полное право на Ленку злиться, потому как в этот раз всё на самом деле из-за неё произошло. Пусть уж лучше думает, что на него какой-то придурок напал, только ограбить не успел. Ну могли же его спугнуть, верно? Вот сама Старообрядцева и спугнула, Люк её вовремя позвал.

А Витальке придётся ещё и за волка ответить, ой придётся.

Долго искать Виталика не пришлось, да и чего его искать? Этот рынок был хоть и не самым маленьким в городе, а непросроченное пиво и шашлык из мяса, которое в прошлой жизни не гавкало, не мяукало, не материлось, а действительно хрюкало, можно купить только у Зелимхана. Правда, у заведения с дивным названием «Жижиг», то есть попросту «Мясо», имелся один существенный недостаток. По сути, это был тот же тонар, в который, понятное дело, столики со стульями не запихаешь, потому что они, вне зависимости от погод и времён года, стояли на улице, перед «Жижигом». Зонтики с вылинявшей рекламой заморского лимонада тоже никогда не убирались, а зачем? Не солнце палит, так дождь идёт, а нет дождя, так снег сыплет — всё равно ж прикрываться надо. Да и не слишком хозяин местного общепита заботился о привлечении новых клиентов, потому что посетители были людьми закалёнными и неприхотливыми: владельцы торговых точек, охранники, продавцы. К вечеру подтягивались грузчики, дабы пропить честно заработанные деньги, но этих интересовали не шашлыки с пивом, а водка, заведомо палёная, зато дешевле некуда. В общем, «Жижиг» считался местом популярным, чтобы время скоротать, лучше и не придумаешь.

Вот Виталя и коротал в компании всё того же Кольки, незнакомого Ленке парня и продавщицы Катьки, дамы разведённой, причём аж трижды, комплексами не обременённой, мечтающей выйти замуж в четвёртый раз, о чём всё местное общество прекрасно знало. Причём Катька коротала время на коленях у Виталика, призывно похохатывая и завлекательно колыхая щедрым бюстом под расстегнутой до пупа курткой. Кажется, свитер или майка, но что-то такое, в стразах, там тоже всё-таки присутствовало, но было микроскопическим, как и юбка — без лупы не рассмотришь.

— Чего припёрлась? — вместо приветствия вежливо рыгнула бывшая Ленкина любовь, отхлёбывая из бутылки пиво. — Я бэушный товар обратно не беру.

— Да еёный олигарх под жопу коленом дал, — догадалась Катька, — вот и приползла взад проситься. «Виталенька, миленький, возьми меня, шлюху потасканную!»

Компания радостно загоготала, только который незнакомый зыркнул на Ленку и натянул кепку на глаза, будто даже просто смотреть на неё ломало. Из тонара выглянул сам хозяин «Жижига», покачал головой и убрался обратно. К Лене он относился неплохо, почти уважал, потому что как она водку не пила даже зимой «для сугреву» и себя блюла, поэтому Зелимхан всегда старался ей в салат крошить помидоры посвежее, а когда ушла с рынка в магазин, на прощание бесплатно накормил шашлыком.

Сейчас же он — без всяких шуток настоящий, правильный горский мужчина — Старообрядцеву явно не одобрял.

— Ну? — насупился Виталя. — Чего?

— Поговорить бы надо, — буркнула Ленка, понимая, что затея была изначально зряшной.

Чего она делать-то будет, к совести взывать? Судом угрожать? Требовать, чтобы извинился перед Максом и моральную компенсацию выплатил?

— А чего с тобой болтать-то? — гыкнул Виталик, по-хозяйски оглаживая Катькино бедро. — Я за тебя теперь и пятёрка не дам, только если расстараяешься.

— Да я бы за неё и рубля не дала, — ревниво встряла Катька.

— Ты где вчера был, Виталь? — спросила Ленка, люто тоскуя.

— Твоё какое дело? — петухом взвился бывшая любовь, почему-то густо краснея. — Я теперь перед тобой не ответчик!

— Можно подумать, я раньше отчёта требовала.

— Вот именно, я мужик, чего хочу, то и делаю!

— Да какой ты мужик? — процедила Ленка, чувствуя, что опять начинает закипать. Но уж больно всё было... мерзко. Ладно, поругались, разбежались, новую нашёл. Бывает, дело житейское. Только вот бить совершенно постороннего, ни к чему не причастного человека, лишь потому, что идиотом при нём себя выставил, потом убегать, как крыса, да ещё бояться ответить — это же совсем подло. — Не мужик, а пшик, трепло собачье.

— Да я тебя сейчас!.. — Виталька начал грозно подниматься, позабыв про сидящую у него на коленях Катьку.

Новая возлюбленная, такой подлости не ожидавшая, слабо пискнув, съехала под стол. Незнакомый парень, заинтересовавшись, приподнял козырёк кепки, хмыкнул, перекатив чупа-чупс из одного угла рта в другой, и снова будто задремал на пластиковом стуле.

— И чего ты мне сделаешь? — усмехнулась Ленка, до боли сжимая в карманах куртки кулаки. Почему она раньше не замечала, что Виталька смахивает на молодого борова? Вон ряшка какая круглая, щёчки, нос пяточком. Заматереет, совсем хряком станет. — Прав Макс, ты ж смелый только на людях.

— Ах ты ж ... такая! Да я тебя щас ..., высушу и за ... повешу!

Мухлово взбурлило в крови, взывая к разуму не хуже того красного камешка у супермена[1]. Противиться этому зову никаких сил не хватит, Ленка-то знала, в сериале видела, когда ещё в школе училась. Да она не очень-то и хотела сопротивляться.

— Вы посмотрите на него, люди добрые! — заголосила Старообрядцева, вытащив руки из карманов и уперев их в бока. Люди, и так в их сторону поглядывающие, послушно посмотрели, а было их сейчас на рынке много, Новый год же послезавтра. — Он меня ещё и оскорбляет! Сам мне просрочку втюхал, племянника потравил, а теперь даже деньги возвращать не хочет! Представляете, — Ленка развернулась к полной тётке в вязаной беретке, держащей четыре пакета разом. — Племянник мой, Мишка, съел йогурт из его палатки и теперь деда Мороза в больнице ждать станет. Ладно б в первый раз, а то я и сметану у него брала, вся горькая и в комках. Молоко тоже подсунули прокисшее. А теперь-то вон до чего оборзел, травит!

— Ты чего буровишь? — обалдел Виталя.

— Мужчина, вы где ряженку брали? — Ленка на бывшую любовь даже не оглянулась. — Вон в той палатке с коровой? А вы попробуйте, попробуйте, вот прямо сейчас. А то домой принесёте и своих всех потравите, как моего Мишку. Точно вам говорю!

— Ну-кась дай-ка сюда, — потребовала благообразная старушка в платочке, выхватывая у оторопевшего мужика пакет с ряженкой и, недолго думая, распечатывая его, делая приличный глоток. — Точно, прогорклая, права девка.

— Да чего ты понимаешь! — встряла дама в берете. — Я в той палатке всегда беру, всё свежее.

— Ты сама-то попробуй, — старушка сунула женщине пакет, — коль напрочь вкус не отбило.

— Ясно всё, — высказалась девушка в ярко-красной куртке. — Они всегда так делают, под праздники выкладывают лежалый товар, да ещё обсчитывают и обвешивают. Сейчас же

народ всё сметёт.

— И вправду вроде горчит, — засомневалась тётка в берете, причмокивая напомаженными губами. — Ну его, от греха подальше. Давай, парень, возвращай мне деньги, а то я у тебя кило масла купила.

— Щас, уже разбежался! — огрызнулся Виталя, мышей не словивший. — Топай себе отсюда, дура.

И правильно, откуда ему, бедному, знать, как с покупателями общаться нужно? Сам-то за прилавком ни дня не стоял. А стоило бы, наверное.

К сожалению, Ленке, скромно отошедшей в сторонку, насладиться стремительно набирающим обороты скандалом не удалось, потому что как раз всё просёкшая Катька с воплем: «Моему Виталику бизнес рушить вздумала, шалава?!» кинулась на Старообрядцеву тигрицей, выставив когти, как настоящий оборотень.

***

Идя домой, Ленка больше всего боялась встретить Макса и, конечно, закон всемирного свинства сработал на сто процентов. Она как раз по лестнице поднималась, почти уже добралась до дядюшкиной квартиры, когда нарвалась на спускающегося Петрова. Лифт-то, понятное дело, не работал. Конечно, она и гаркнула жизнерадостно: «Здрости, Максим Алексеевич!», и голову пониже опустила, и попыталась проскользнуть бочком. Но он всё равно заметил, дорогу перегородил, крепко ухватил за подбородок, заставив вверх смотреть, благо она стояла на две ступеньки ниже.

— Лен, клянусь, я тебе на слово поверил, — хмыкнул Макс. — Доказывать не стоило.

— Чего? — не поняла Старообрядцева, шмыгнув разбитым носом.

Кровь-то уже капать перестала, но казалось, что прямо в переносицу засунули кусок кирпича, отчего там стало очень сухо и мокро одновременно.

— Что ты дева-воительница и, вообще, супергёрл. Спрашивать, что случилось с твоим противником, я даже не буду.

Ленка ещё разок шмыгнула и смущённо утёрлась рукавом, показалось, что опять из носа потекло. Между прочим, когда их растащили, Катька ревела белугой и требовала, чтоб от неё убрали «эту психованную», а вот она нет, не ревела и не орала. Хотя гордиться, конечно, нечем, даже стыдно теперь. Ну что, в самом деле, как школьница: скандал устроила, в драку вязалась. Оно того стоило?

Старообрядцева исподтишка глянула на Макса, на заметно опухшую скулу с аккуратными полосочками пластыря, на чуть заплывший глаз, и стыд моментально уменьшился, став не таким уж значительным.

— Ладно, пошли, — приказал Петров.

— Куда?

— Ко мне. Или ты в таком виде домой собралась? Хоть куртку зашьёшь и умоешься. Ты как сюда-то добралась такая... впечатляющая?

— Меня Зелимхан подвёз, — пробормотала Ленка, не двигаясь с места.

— Какой ещё Зелимхан? — обернулся начавший уже подниматься Макс.

— Человек хороший.

— Видимо, очень хороший, — не слишком добро проворчал Петров. — Ты идёшь или нет?

— Нет.

— Почему?

— Не хочу.

— Почему не хочешь? — очень, ну очень терпеливым тоном поинтересовался Макс.

Ленка ничего не ответила, только напрочь забитым носом сопела. А что скажешь? «Я не хочу к вам идти, потому что там Степашка»?

— Ясно, — резюмировал Петров, ухватил её за плечо, да так крепко, что не враз и вырвешься, поволок за собой, а она пошла.

Ну не затевать же драку ещё и с ним, в самом-то деле!

К счастью, певичка из петровской квартиры куда-то подевалась. Наверное, пошла ещё в какой-нибудь бутик за очередными витаминами «для Максика». Зато пока Ленка умывалась, работодатель успел заварить чай и нарезал какие-то совершенно дикие бутерброды, там и ветчина была, и помидоры, и сыр, и листья, и майонез, и ещё что-то с чем-то. А всё богатство на громадном куске хлеба. У Старообрядцевой даже в животе заурчало, как только она это углядела, у неё всегда просыпался безумный жор, стоило лишь чуть-чуть понервничать.

— Садись, ешь и рассказывай, — велел Макс. — Только давай обойдёмся без «не хочу», «не буду», «не твоё дело» и всего остального. Сделаем вид, что ты уже поломалась, а я тебя поуготоваривал, лады?

— Я не ломаюсь! — вскинулась уже успевшая сесть за стол Ленка.

— Замечательно, — оценил Петров. Он встал, опершись бедром о подоконник, сложив руки на груди — слушать приготовился. — Я весь внимание.

Старообрядцевой очень не хотелось ничего рассказывать, гордиться-то и вправду нечем. А с другой стороны хотелось и даже очень, пусть это и было глупо, совсем по-детски, вроде: «Нехай знает, что я ради него делаю. Вон Степашка бы, наверное, никогда и ни за что...»

— Знаешь, Лен, — эдак задумчиво протянул Макс, на самом деле внимательно её выслушав. — Ты раньше не замечала за собой склонности к бытовому насилию? Вот смотрю я на тебя, ну чистый Халк. То тихая, воды не замутит, а то как разойдётся!

— Смеётесь? — мрачно поинтересовалась Ленка у надкушенного бутерброда — говорить-то с набитым ртом не слишком удобно, да и аппетит куда-то подевался.

— Да никогда! Я серьёзен, как патологоанатом. Только зря ты своему орангутангу жизнь портить взялась.

— Это ещё почему?

— Потому что к данной истории он никакого отношения не имеет.

— Кто же вас тогда избил? Правда, что ли, поклонники этой певички? — язвительно, даже, пожалуй, чересчур язвительно спросила Старообрядцева.

— А больше некому? — ещё язвительнее, куда там всяким Ленкам, осведомился Петров, вдобавок бровь так выразительно подняв.

— Вы бы головой подумали, сами же говорили, что иногда полезно, — не сдалась Лена. — Это не какие-то там ваши денежные дела или по бизнесу, потому что тогда б киллера наняли. И не случайный наркоман, все же вещи остались на месте, спугнуть бы его я просто не успела, потому что ещё сколько в коридоре протопталась. А у Степашки никаких поклонников нет, врёт она всё. И кто же вас избил? Бетмен?

— Логично, — совершенно серьёзно кивнул Макс. — Только, Лен, меня не избил, а ударили. Один раз. В лицо. Сумев с первого же удара вырубить. И человек был один.

— Ну и что?

— А то, что твой Володя...

— Виталья.

— Твой орангутанг, — поднажал Петров, — явился бы не в одиночку, а с друзьями и битами. А если б был один, то напал сзади, никак не спереди. И не отказал себе в удовольствии хорошенько отмесить ногами, да ещё популярно объяснить, за что, почему и что случится в следующий раз, «если». Что же получается?

— И что?

— Напавший прекрасно знал, что делает, умеет это делать и сделано всё было с чёткой целью.

— Какой? — послушно спросила Ленка, чувствуя себя первоклассницей, причём жутко тупой.

— Могу и ошибаться, но, думаю, засадить меня дома, а если повезёт, отправить куда подальше. С такой рожей, — Макс потрогал скулу и поморщился, — нигде появляться нельзя. Я же всё-таки директор и владелец, а не хрен собачий. Да и выходные впереди, работать осталось всего ничего. И что сделает нормальный человек? Отправится лечиться к тёплым морям или ляжет на диван перед телевизором.

— А вы как поступите?

— Именно так, как от меня ждут, а там посмотрим, что случится, — Макс отлип от подоконника, прошёлся по кухне, сунув ладони в задние карманы джинсов. — Кстати, ты едешь со мной, — добавил почему-то раздражённо.

— Куда это? — всполошилась Ленка, неловко двинув локтём и едва не опрокинув чашку. — Никуда я не поеду! Ни с вами, ни вообще. У меня работа. И дядя.

— Вот именно, работа. Ты на меня работаешь, не забыла?

— Я-то не забыла, только вот вы пока мне ни копейки не заплатили.

— Н-да, это я как-то упустил, — хмыкнул Макс, вроде бы даже и смущённо. — Значит так. Больничный у тебя будет. Дяде скажешь, что едешь навестить мать. Матери звонишь и говоришь, что отправляешься с подругой в Испанию.

— Ку-уда?

— Ладно, в санаторий «Берёзовая роща», — не стал спорить покладистый Петров. — Вещи можешь не брать, не понадобятся, а куртке твоей теперь место на помойке. Прихвати только зубную щётку и...

— Да никуда я не поеду! — возмутилась Ленка.

— Почему? — Макс, наконец, обернулся к ней.

— Не хочу.

— Дежавю, — он потёр костяшкой переносицу, глянул на Старообрядцеву поверх кулака. — Действительно не хочешь и мне надо привести железобетонные аргументы, почему у тебя выбора нет?

— А аргументы есть? — пробормотала Ленка, разглядывая чашку с чаем, к которому она так и не притронулась.

— Лен, если я хоть что-нибудь делал, не просчитав наперёд, то давно бы уже стал банкротом, — сообщил Петров.

А у Лены аж ладони зачесались от желания треснуть его чем-нибудь потяжелее. Может, и вправду внутри неё Халк завёлся? Или дело в некоторых, чересчур в себе уверенных и просто дико раздражающих личностях?

***

— Ну и чего ты думаешь? — поинтересовалась Светланка, разглядывая бутерброд, будто

примериваясь, как ловчее укусить.

Бутерброды она делала в Максовском стиле: сначала много свежей булки, потом примерно столько же масла, дальше шло клубничное варенье, а сверху подруга ещё и сливками из баллончика попшикала — от сладости у Ленки начинало зубы сводить, когда она просто смотрела на эдакую красоту. Хотя Светланка была в своём праве, сына она отправила к бабушке аж до второго января и теперь кутила на полную катушку. Даже хотела распить со Старообрядцевой бутылочку шампанского за уходящий год, но услышав, какие дела у той творятся, попрдержала коней и пока ограничилась чаем.

— О чём я сейчас должна думать? — уточнила Ленка.

— Правильно, чего тут думать, — согласилась Светланка, откусывая от своего кулинарного монстра здоровенный кусь. — Фафо ыхать.

— Чего?

— Говорю, надо ехать, — расшифровала подруга, сглатывая, как удав. — Когда ещё такой шанс появится?

— На что?

— На интересное, Лен! Куда тебя Макс потащит, дело десятое, но явно не в санаторий «Берёзовая роща», не его формат.

— А какой его?

Светланка задумалась.

— По-моему, в детстве он горными лыжами занимался, — протянула подруга, задумчиво размазывая варенье по губам. — Или скалолазанием, что ли? А, может, наоборот, по пещерам таскался? Но точно не дайвингом. С акулами он плавал, когда у меня уже Мишка родился, помню, Петров ему ещё акулий зуб показывал.

— С какими акулами? — напряглась Ленка.

— Ну с какими, какими? Натурально, с белыми. В Австралии, кажется, дело было. Нет на Филиппинах. Хотя вру, на Филиппины он мотался смотреть на извержение вулкана, точно! А во Вьетнаме они по какой-то жуткой реке сплавились. Представляешь, узюсенькое ущелье, по обеим сторонам скалы высотой под километр и психованная река. Я сейчас тебе покажу, у меня в компе куча его фоток, Макс скидывал. Даже видюха есть с камеры на шлеме, когда он в вингсьюте прыгал.

— Что такое вингсьют? — спросила Ленка обмирающим голосом.

— Ну, костюм такой специальный, вроде как с перепонками между руками и ногами, на белку-летягу похоже. В нём с высоты прыгают и вот эти перепонки вместо парашюта. Чего ты там сидишь, иди сюда, с дивана же невидно ничего.

— Светланка, ты вот мне сейчас на полном серьёзе советуешь ехать и прыгать как белке-летяге без парашюта?

— Чего сразу прыгать-то? — подруга потянулась, цепляя бутерброд. — Там же подготовка нужна, то, сё. Просто говорю, что с ним от скуки не сдохнешь.

— Вот это точно, — проворчала Старообрядцева.

— Или ты чего, за свою девичью честь переживаешь? — вытаращилась Светланка, забыв из рта бутерброд вынуть. — Так ведь это не какой-то левый мужик, это ж Макс! Нет, конечно, если предложишь, он вряд ли откажется. Я б на твоём месте предложила.

— А ты... была на моём месте?

— Опсихела совсем? — оскорбилась Светланка. — Говорю же, мы с ним в песочнице друг друга лопаткой по лбу лупили. Но глаза-то у меня есть, он ещё в школе та-акой ходок

был. Прикинь, на выпускном его застукали с нашей биологичкой, прямо в кабинете.

— С учительницей?!

— Да какая там учительница! — хихикнула подруга, махнув рукой. — Она только первый год преподавала. Но сам факт оцени.

— Короче, никуда я не еду, — мрачно подытожила Ленка.

— Ты вообще меня слышишь? Говорю же, сама не предложишь, Макс на километр к тебе не подойдёт. И потом, Лен, ты когда последний раз отдыхала-то, а? Чтоб вот ни дядьки твоего ненормального, ни рынка с идиотами? И где была, кроме своего Мухлова? Да, в конце концов, где твоё любопытство?

— При мне. Например, жутко интересно, зачем ему понадобилось меня куда-то тащить? Степашке прислуживать, пока Элиза Анатольевна в больнице?

— Дура ты, Лен, и уши у тебя холодные. Макс, конечно, козёл, потому что мужик, но козёл из лучших, не слишком токсичный. На кой ему твоя Степашка сдалась? Правильно, чтобы употреблять по назначению. Ты вот о своей клизме очень заботишься?

— У меня нет клизмы.

— Ну и зря, француженки очень советуют. И для похудения хорошо, и просто для здоровья. Всё, решено! — Светланка прихлопнула ладонью по столу. — Теперь надо определиться, что с собой брать кроме трусов.

— Вот как раз про трусы он ничего и не говорил.

— Можно и без трусов, — покладисто согласилась подруга. — Так даже удобнее. Без вечернего платья точно можно обойтись, вряд ли вы, два таких красавца-рестлера будите светить физиономиями в приличных местах. Купальник? Что он вообще говорит?

— Что мою куртку можно выкинуть на помойку.

— Так, если куртка нужна, значит, не тёплые края. Может, какие-нибудь Альпы? Горнолыжные курорты, а? Что там понадобится?

— Валенки, — огрызнулась Ленка. — Слушай, Светланк, а ты можешь найти телефон этой Степашки? Меня Элиза Анатольевна просила адрес узнать, но так получилось, что даже номера нет.

— И как я его узнаю? — рассеянно удивилась подруга, разворачиваясь к компьютеру. — Наверное, всё-таки Альпы. Надо погоду уточнить...

— Да погоди ты со своими Альпами, мне телефон нужен. Ну пробей в интернете, ты же знаешь, как это делается.

— Пробивают в интернете, а ещё по базам, следаки из сериала «Менты». Лен, номера телефонов всяких Филь и Каркуш охраняются почище золотого запаса, да ещё и меняются регулярно. Конечно, Филя Филе рознь, Киркоров вон тоже Филя. Но не думаю, что у твоей все контактные данные на страничке в ВК выложены.

— Она Степашка.

— Да один хрен. Вот лет десять назад была красота. Идёшь на рынок, покупаешь диск и названивай хоть премьер-министру. А сейчас с этим строго.

— Что, совсем никак? — расстроилась Ленка.

— Ну, кабы ты знала её реальные позывные, типа имени с фамилией, то можно было попробовать.

— А я знаю. Зовут её Ольга, фамилия Распопова, вот отчество не помню или она не говорила. И дед у неё в Козельске живёт. Может, она там родилась?

— Да ты просто Шерлок Холмс и миссис Хадсон в одном флаконе! — восхитилась

Светланка. — Слушай, а у тебя загранпаспорт вообще есть? Про такие мелочи, как открытые визы, я не спрашиваю.

— Откуда у меня загранпаспорт? Я наш-то, российский с грехом пополам поменяла, больше чем на год просрочила. Думала, такой штраф вкатят, что...

— Бли-ин! — подруга в сердцах оттолкнула клавиатуру. — Ну что ты за человек? Даже помечтать с тобой нельзя! Боюсь, без паспорта тебе только «Берёзовая роща» и светит.

— Да какая разница? Ты, главное, номер мне найди, а лучше адрес.

— Попробую, — недовольно проворчала Светланка. — Но особо губы не раскатывай, сама понимаешь, Оля Распопова — это вам не Мерседес Непейвода, по всей России таких наверняка не одна сотня наберётся.

— Учитывая, что про имя с фамилией она тоже могла наврать, — почесала кончик носа Ленка.

— Учитывая ещё и это, — согласилась Светланка. — Ладно, что с тобой делать? Попрошу я одного человечка, авось поможет.

— Хакера? — встрепенулась Ленка.

— Билла Гейтса, — пообещала добрая подруга. — У меня сестра двоюродная в паспортном столе работает, к ней и подкачу. А как думаешь, может Макс с твоим паспортом что-нибудь сообразит? Как-нибудь контрабандой протащит?

Лена попыталась было представить, как Петров, пыхтя и чертыхаясь через слово, её в чемодан засовывает, но даже её богатая фантазия сбой дала — не помещалась Старообрядцева в чемодан, ну никак.

***

Лететь оказалось совсем неинтересно, а Ленка-то уж было разнадеялась! Конечно, в самолёте красота была неопишуемая: тут тебе и кресла, которые кругом себя поворачиваются, и столик, даже тумбочка, а на ней вазочка с еловой веточкой и шариками, на полу ковёр. Главное, всё ж для них двоих! Только вот салон маленький, просто крохотный, в проходе едва развернуться можно; кресла потёртые у одного на боку даже клок отодран; тумбочка точно как у них с мамой, а у потрёпанной дорожки грубую основу видать, то есть восхищаться особо и нечем. Стюардесса оказалась вовсе не молодой красоткой, а очень даже женщиной средних лет, к тому же, кажется, сильно уставшей. И за иллюминаторами смотреть не на что, темнота сплошная, да ещё самолётово крыло с мигающими красными сигналами, от которых почему-то становилось тревожно и страшновато. И никаких тебе «Вас приветствует команда борта!..», стюардесса не размахивала руками, объясняя, как надевать кислородную маску, еду тоже не разносили, лишь кофе дали.

А Макс как уселся со своим ноутбуком, так голову поднимал исключительно, чтобы что-то намякнуть-начерикать в телефон по-китайски, приказать кому-то «акцептовать оферту, но только если оферент оформит её как безотзывную, иначе пусть катится со своим конклюдентом к чёрту!» или наорать на Степанова, сообщив, что он, Степанов, «... моржовый», что надо было «эту... на ... вчера, ..., грузить, а теперь, ..., до десятого ... простоит, да и то ... отгрузишь».

Правда, после содержательной беседы со Степановым работодатель мельком глянул на Ленку и так же походя извинился. Вот и всё общение. В общем, примерно через час после взлёта Старообрядцева жёстко затосковала.

— Ты бы поспала, нам ещё почти три часа лететь, — посоветовал Макс, будто только

этого и ждал, но головы так и не поднял.

— А куда мы летим? — осторожно поинтересовалась Лена.

— Прилетим, узнаешь, — пробормотал Петров и добавил ещё что-то, кажется, по-английски и совершенно точно это «что-то» не имело к Старообрядцевой никакого отношения.

— Это ваш самолёт, да? — помолчав для вежливости, спросила Ленка.

— Кажется, мы уже уяснили, что моя фамилия ни Грей и даже не Серов, — хмыкнул Макс, снова глянув поверх откинутой компьютерной крышки.

— А-а, так вы его арендовали, — догадалась продвинутая Старообрядцева.

— До паперти мне, конечно, далеко, но выкинуть три сотни за один перелёт всё равно слабо, — проворчал Петров.

— Три сотни — это в долларах?

— Три сотни — это в рублях, только тысяч. Лен, поспи, в самом деле. А то этот дятел тут понаписал такого, что без стакана не разберёшься.

Ленка послушно захлопнула рот и допила коньяк, который вместе с кофе принесли, пытаясь переварить, как это: заплатить триста тысяч рублей за перелёт. На чём и куда можно слетать за эдакие деньжищи? На золотой ракете до Марса?

«Он тунеядец и кровопийца! — рявкнул дядюшка. — Вот и делает, что хочет, жирует на народные денежки!»

Макс расхохотался по-злодейски и дёрнул рычаг. Сверкающий, как алмаз воздушный шар рванул вверх, будто подброшенный мяч и Лена почувствовала, что падает, хотя так и осталась стоять, вцепившись в поручень, который очень походил на трамвайный.

«А куда мы летим?» — снова зачем-то спросила, пытаясь перекрыть дикий вой ветра, от которого закладывало уши и даже подташнивало чуть-чуть. «Куда-куда! — опять расхохотался Макс. — Тебя насиловать! Очень мы, олигархи, обожаем насиловать всяких дур!»

— Лен, просыпайся, — донеслось совсем откуда-то издалека и воздушный шар затрясло. — Ле-ена.

— Разморило, бедолагу, — сказал женский голос. — Это бывает с непривычки. Первый раз летела, да? Только как же теперь? На руках не донесёшь, тут ведь не развернёшься.

— Лена! Подъём! — гаркнул Петров почему-то сбоку.

— Я не хочу к олигархам, — прохныкала Старообрядцева, но её всё равно, кажется, подняли на ноги и вроде бы куда-то повели.

Она совсем плохо соображала, туман был везде, и в голове, и снаружи, и перед глазами. Потом резанул очень яркий свет, который мгновенно пропал, но Ленка ослепла окончательно.

— Макс? — скульнула она, пытаясь протереть глаза.

— Шагай, горе ты моё, — неожиданно рядом и непривычно ласково отозвался Петров. — Сейчас сядем и доспишь.

Чтобы спросить, зачем её поднимали, если тут же сажать собираются, сил не хватило, она будто в колодец с чернилами провалилась. К счастью, никаких олигархов там не было.

Проснулась Ленка очень резко и разом, без малейшего следа одури и даже не потребовалось гадать, где она и как тут очутилась. Вернее, каким таким таинственным образом она в машине оказалась, Старообрядцева понятия не имела. Но ясно было: сидит именно в машине, большой, вроде той, что у Андрея, только пахло тут не так хорошо, как у

него, а мерзким кокосовым ароматизатором, магнитола намурлыкивала, что: «...меж нами любовь, она горяча, как кровь!» и вроде даже про морковь, хотя это могло и примерещиться. Какие-то огоньки на передней панели подсвечивали полумрак в салоне, бородищу незнакомого, но очень здорового мужика за рулём и Максов профиль.

Между прочим, машина стояла, хотя мотор и работал.

— Ты посмотри, что делается! — то ли восхитился, то ли разозлился водитель густым басом. — Рэкет же самый настоящий, а, Макс Алексеич?

— И часто это у вас? — хмыкнул Петров.

— Да теперь-то постоянно! Приучили их, собак. Туристы по осени и приучили. Ну и что вот с ними теперь делать?

— Кормить, — усмехнулся Макс. — Я вроде бы сало прихватил для Фомича.

Петров перегнулся между креслами и едва не боднул Ленку лбом.

— Здрости! — от неожиданности выдала Старообрядцева.

— С пробуждением, — поздравил её Макс. — Лен, где-то слева от тебя рюкзак, достань...

— А что там творится-то? — спросила Ленка и полезла, конечно, не за каким-то рюкзаком, а вперёд, заставляя работодателя потесниться.

За лобовым же стеклом царила самая натуральная сказка, как в «Двенадцати месяцах». Чёрное небо в таких звёздах, что даже фары их не забивали, впереди узкая дорога не дорога, скорее уж разъезженная колея между сугробами. За ними и в темноте сверкающий, переливающийся, мерцающий инеем и снегом васнецовский лес с деревьями стеной до неба. А перед машиной. Прямо в столбе света сидела собака и ещё несколько — Ленка не рассмотрела сколько — по бокам, почти в сугробах.

— У них всё строго, — усмехнулся бородач, глянув на Старообрядцеву через плечо, и неловко повернулся. То ли он просто очень толстым был, то ли громадная куртка мешала. — Видишь, вон там, сбоку, двое сидят? Это, значит, переярки[2]. А вот те — это прибылые. Ну и мать их, атаманша, мать её за ногу. — Ленка кивнула, хотя ничего не поняла. — Видать по осени кто-то из щенков выскочил на дорогу и прямо на туристов нарвался. А идиоты и рады им колбасы напихать. И, вишь, сообразили, черти, что здесь завсегда хавчик найдут, теперь промышляют. Не пропускают, значит, без дани-то.

— Лен, подвинься, я сам достану.

Макс не слишком вежливо пихнул Старообрядцеву в плечо.

— Да ты что, Макс Алексеич, — бробухтел водитель. — Сало-то у тебя небось с чесночком? Куда его волку. И нельзя зверя подкармливать, здесь тебе не зоопарк, а тайга. А ну, черти!

Машина залилась гудками, в которых явно слышался мотив песенки «Чёрный бумер». Собаки, которые, честно говоря, не слишком-то на псов и походили, испугались гораздо меньше Ленки. По крайней мере, вздрагивать они не стали, шарахаться тоже, а эдак неохотно подались в стороны. Джип, продолжая заливаться, тихонько двинулся по снежному накату и только тут до Лены дошло.

— Это что, на самом деле волки? — Старообрядцева в ажиотаже залезла коленями на сиденье, пытаясь рассмотреть зверей. — Настоящие волки? Да, блин!

Позади уже ничего видно не было, только звёзды, лес стеной, да снег вихрился под колёсами.

[1] Имеется в виду красный криптонит, упоминающийся в телесериале «Тайны Смолвиля». Данная разновидность является своего рода наркотиком для криптонцев — он раскрепощает чувства и выпускает наружу потаённые желания.

[2] Переярок — охотничье название молодого переогодовалого волка; волк моложе одного года называется прибылым

Ленка так и не поняла, где это они очутились: вот сначала всё лес и лес, а ещё снег и ночь, даже скучно стало, потому что волки больше не появлялись и вообще никто не появлялся. А потом р-раз! — и посередь леса, снега и ночи теремок. Самый натуральный, с островерхой крышей и луковкой, как в церкви, но без креста, конечно, ниже такие деревянные кружевца, окна с резными ставенками и наличниками, входы-переходы, лестницы — ну точно жильё сестрицы Лисы и братца Волка. Правда, в этом теремке места бы хватило даже папе Мамонту, дедушке Мастодронту, да и сыночку Слонику осталось, где развернуться.

И внутри всё оказалось странно: не старо, не ветхо, но и не старинно или, как бы сказала Элиза Анатольевна, винтажно, а, скорее, просто несовременно. На стенах деревянные панели, на полах бордовые дорожки с зелёным кантиком, светильники хрустальные, мебель солидная, полированная, громадная, будто и не на людей рассчитанная. В общем, чудно.

В комнате, куда Ленку привела непонятная тётушка в белоснежном передничке и кружевной наколке на пышно взбитых волосах, тоже всё было просторно и солидно, здоровенная кровать мягкая, будто на ней не матрас, а самая настоящая перина, как у бабушки и подушки такие купеческие. Старообрядцева в них зарылась, чтобы только попробовать, а когда опять проснулась, за окнами было... темно и очень хотелось есть. А, главное, не понять, сколько времени, телефон-то ещё в самолёте разрядился, а в теремке часов не было.

Ленка посидела на краю дивной кровати, почесала нос, потом ключицу, потом спину — зудело всё, будто её блохи искусали, а пойдика поспи в футболке, свитере, колготах и шерстяных-то брюках! Поэтому Старообрядцева решила сходить на разведку, потому что где её сумка, она понятия не имела.

В коридоре оказалось пустынно, даже не все хрустальные плашки с висюльками горели, и тихо, пришлось красться на цыпочках из уважения к эдакому покою. И докралась Старообрядцева до бассейна. Вот просто спустилась по лестничке, открыла очередную солидную дверь — другие-то не открывались — а за ней бассейн. Голубоватая вода переливалась в кафельных берегах, отбрасывая блики на потолок, со стены зазывно улыбалась мозаичная русалка, и так это всё было завлекательно, что искупаться захотелось ещё больше, чем есть. Последний-то раз Ленка плавала в прошлом году в Мухлоньке, когда маму навещала.

— Чего это вы вскочили-то как раненько? — проворчали у неё за спиной, заставив подпрыгнуть. — Ещё солнышко не встало.

— Здрасти! — выпалила Лена, оборачиваясь к давешней тётушке в наколке. — А-а... когда оно встанет?

— Да как ему положено, через часик рассветёт, — ответила женщина, чинно сложив руки поверх накрахмаленного, вот честное слово, накрахмаленного фартука. Со временем яснее не стало, хотя и понятно, что утро на дворе. — А вы что ж, искупаться желаете?

— У меня купальника нет, — призналась Старообрядцева.

Собиралась-то она это сказать эдак небрежно, мол, какие мелочи! А получилось просительно. Ну и что, ну а вдруг? Вдруг в таком сказочном месте и купальник лишний

найдётся? Случаются же чудеса.

И чудо случилось!

— Это дело поправимое. У вас какой размер будет? — отмахнулась тётушка и смерила Ленку взглядом с макушки до пяток, будто гроб мастерить собралась.

А потом пошла куда-то, но быстро вернулась, да ни одна, а с пакетом, в пакете же было что-то черное и бумажка, на ней синий штампик «Спецзаказ» и ещё пропечатано «Укладчица № 3».

— Вы одёжу-то вон там, в шкафике оставьте, я её почищу и простирну. Я там уже и халатик повесила, и тапочки. Душик слева, вон за синей дверкой. А как накупаетесь, завтрак подам в малую столовую. По лестничке, значит, подниметесь и налево. Ну, поплавать вам в охотку.

На этом она Ленку покинула, неодобрительно поджав губы. Старообрядцева помялась, но, решив на всё наплевать и, вообще, не комплексовать, а наслаждаться приключением на полную катушку, накупалась так, что в ушах начало звенеть тихонечко, хоть купальник оказался плотный, будто резиновый, и разве что шею не закрывал, но это были такие мелочи! Потом ещё и душик приняла к полному своему удовольствию, а там уж завтракать отправилась в халатике — полосатом, коричнево-синем, а вовсе не белом, как в фильмах показывают.

В малой столовой чудеса продолжались. В огромном, от стены до стены окне над тёмными елями поднималось солнце, снег блестел, будто его бисером посыпали. На столе же Ленку ждал кефир в хрустальном толстостенном стакане; масло в хрустальной же маслёнке; горячие булочки горкой; овсянка в шикарной тарелке и пышный омлет под серебряным колпаком; ваза с фруктами; чайный сервизик на отдельном столике и ещё что-то такое, чего даже взгляд охватывать отказывался.

— Завтрак по диетлисту номер пять, — торжественно провозгласила вездесущая тётушка. — Могу подать по третьему набору.

— Да не надо, спасибо, — застеснялась Ленка, прилаживаясь к краешку плюшевого кресла. — А вы не подскажите, мы где?

— Кордон заповедника «Голубая балка», — непонятно ответила женщина. — Вы после завтрака небось прогуляться захотите? Костюмчик вам я в шкафик у входной двери повесила. Мирон недавно навёз новомодных, для лыж. Хоть и баловство заграничное, но для наших мест самое то, не помёрзните. А вещички ваши, из сумочки которые, в гардероб в спальенке уложила.

— Спасибо, — проблеяла Старообрядцева, вконец оробев.

— Да что там спасибо! — нахмурилась тётушка, решительно пододвигая Ленке стакан с кефиром, который та с детства терпеть не могла. — Был бы труд. Вот, помнится, Элиза Анатольевна, матушка вашего Максима Алексеича, с такими нарядами приезжала, не знаешь, за какое место и взялась, чтоб не попортить.

— Сюда Элиза Анатольевна приезжала? — Лена поспешно отёрла кефирные усы. — Одна?

— А то как же! — фыркнула женщина. — Кто б её, интересно, сюда одну пустил? У нас место непростое, не всем ведомое, да не всех и приглашали. И порядок был, не то, что сейчас! Плати деньги и твори, что хошь, хоть пляски до заката. Хотя Максим Алексеич мужчина положительный, ничего не скажу. Видать, в отца пошёл, но того я ни разу не видела, врать не стану, только слыхала, что человек не из последних. А Максим Алексеич

положительный, с вертолётов не пуляет, рыбу не глушит, водку ящиками не таскает, девок не возит.

Тётушка многозначительно глянула на Ленку, мол: «Раньше не возил, по крайней мере».

— А Элиза Анатольевна...

— Да вот как вы, с ынтересом прикатывала. — Она так и сказала «ынтерес». — Вернее, он с ней. Был такой Юлий Александрович, непростой мужчина, но очень обходительный, не сразу и скажешь, что большой человек. Породу-то издалека видать. Даже и не признайся он, что мать при царице служила и отец в офицерах белогвардейцах, а в наши-то времена такое ой как скрывали, я б всё равно сразу определила: из бывших! Уж мне-то верь, знаю. У нас тут недалече выселки были, я девчонкой на ссыльных-то насмотрелась. Они, конечно, после лагерей, но породу-то никакими лагерями не угробишь, так-то. Вот Элиза Анатольевна из простых, хоть и платья, и золото у ней дай бог каждому, и сама цаца, а из простых. Да вы булочки-то ешьте, пока не остыли. И кашку вот.

Ленка послушно откусила, никакого вкуса не чувствуя. Что-то её в сказанном цапануло, царапнуло, только что? Ну, не нравилась Элиза Анатольевна этой в наколке, подумаешь. Ну, устраивала хозяйка тут тайные встречи с возлюбленным, так сейчас она этого и не отрицала. Нет, всё не то.

— А прогуляться вы всё-таки сходите, — посоветовала тётушка, отбирая у Старообрядцевой пустую тарелку. — Воздух тут такой, какого в ваших городах отродясь не было. Да и Максим Алексеич не скоро проснётся. Он вечно у нас тут дрыхнет, как медведь в берлоге, только к обеду, может, и пробудится.

Ленка рассеянно кивнула. Прогуляться и впрямь не мешало, потому что чувствовала она себя, как кошка Тигра, наловившаяся дармовой рыбки, которую сосед с Мухлоньки принёс. Сама не заметила, как смела всё, что полагалось по какому-то там диетлисту.

***

Чудеса продолжались. В «шкафике» Ленка обнаружила не только собственноручно прихваченные на смену юбку и немного потрёпанный, зато любимый и очень шедший Старообрядцевой голубой джемперок, но и свёрток, даже два. Один вроде как пергаментный, перетянутый суровой верёвкой, запечатанный сургучом, а на печати весёлая овечья морда и что-то ещё по-английски, не разобрать. Второй обычный с очень даже понятным логотипом «Levi's». И опять карточка, только эта глянцева, с ёлочкой, колокольчиками и надписью «Счастливого Нового года, Лена», но без всяких там «укладчиц».

Свёрток Levi's выдал то, что и обещал, то есть идеальные, просто умопомрачительные джинсы дивного синего цвета с кожаной нашлёпкой на ремне сзади и сидевшие так, будто никаких противоречий в размерах никогда и не существовало. А в пакете с овечкой обнаружился свитер, снизу цвета топлёного молока, а кверху всё светлее и светлее, и такой мягонький, такой пушистенский, что его не надевать хотелось, а тереться щекой, как кошка.

Повертевшись у зеркала, Ленка уверилась: на самом деле она никакая не лошадь, не Кардашьяниха, не замухрышка из Мухлова, а самая настоящая раскрасивая красавица, стильная до невозможности, просто об этом никто пока не догадывался, включая её саму.

Конечно, закралась мыслишка, что всё это великолепие вовсе не ей предназначается, а какой-то другой Лене, но Старообрядцева решительно отринула её, потому что, во-первых, чудеса, а, во-вторых, расстаться с этими джинсами и свитером никаких сил не было.

На улице же сказка только расцвела, разыгралась красками и блёстками. Морозец

пощипывал ноздри, но почему-то холодно совсем не было, только дышать хотелось всюю. Ленка даже зачерпнула горсть мягкого, как новый свитер снега, воровато оглянувшись, не видит ли кто, и сунула в рот. Снег оказался вкусным, куда там мороженому!

— Эх! — шёпотом крикнула Старообрядцева от радости, которая отказалась внутри помещаться, и пошла бодро, будто у неё дела какие были.

За углом дома стоял какой-то сарайчик, а за ним решётчатый забор, в нём калитка, закрытая на замок, но дужка не заперта, видно, что просто так повесили, чтоб створка не распахнулась. Тропинка же, протоптанная между высокими, ей по пояс, сугробами синела дальше, никаких заборов не замечая, а свернуть было некуда. Ленка и сняла замок, правда, за собой калитку прикрыла, просунув руку в ячейку сетки, вдела дужку обратно, пошла дальше, к кустам с белыми ягодами. Интересно же, голые ветки, на них шапки снега и вдруг ягоды.

— У-ум? — раздалось за её спиной вопросительное.

Старообрядцева обернулась, заранее улыбаясь, сейчас она была рада видеть кого угодно, даже вредную Митрофанову, администраторшу из магазина, лишившую её новогодней премии.

— У-ум? — повторил медведь настойчивее, по-собачьи потянул чёрным кожистым носом.

— Мама, — пискнула Ленка.

— Гум-с, — согласился медведь, переступив лапами, на самом деле косолапыми и, задрал морду, приподнял губу, точно как лошадь, показав чёрную десну и желтоватые клыки — немалые.

— А ну пошёл отсюда! — заорала Лена что было дури и, развернувшись, дунула к кустам.

Сзади раздался визг, точь-в-точь кошке на хвост наступили, и кто-то куда-то тоже чесанул. Наверное, оскорблённый в лучших чувствах медведь всё-таки решил Старообрядцевой закусить.

***

— Лен, слезай, — устало и даже как-то безнадежно опять потребовал Макс.

Старообрядцева помотала головой, сунувшись носом в опушку капюшона: скинуть бы его, мех лез в нос, щекотался, да и видеть мешал, но не выходило, сидел, как приклеенный, а руку освободить страшно. Устроилась-то она довольно надёжно и даже комфортно. Ствол у ёлки небольшой, как раз обхватить, кора царапалась, но так держаться легче, а левая нога упиралась в обломок сучка, правда, правая в воздухе болталась.

— Лен, — снова позвал Петров.

— Я боюсь, — буркнула Старообрядцева.

— Ты ничего не боишься. Да тут и двух метров нет, залезла же как-то. А медведя Мирон уже увёл. Вернее, он сам ускакал.

— Боюсь, — упёрлась Ленка.

— Кто кого боится — это ещё разобраться надо, — возмутился откуда-то сбоку давешний водитель с бородой лопатой, то есть Мирон. — Напугали мне Ягодку, забились, бедолага, теперь хрен вытащишь.

— Ты Ягодку напугала, — повторил зачем-то Макс, подумал и пояснил: — Медведя.

— Да какой там медведь! — ещё возмущённое откликнулся Мирон. — Девочка, двухлетка всего. Её мамку в прошлом году браконьеры, стервецы, застрелили, а медвежат, вишь, не нашли. Они потом сами выползли, а наши подобрали. Братишку-то ейного так и не

выходили, а Ягодка наша... Девочка, ну иди сюда, никто тебя не обидит! Иди ко мне, сладкая моя. Не идёт, зараза!

— Медведи зимой спят, — сообщила Ленка.

— Так то дикие, — пояснил бывший водитель и нынешний Ягодкин опекун. — А наша же не пойми что. У неё не как у других, считай, всю жизнь при людях прожила. И куда её теперь? В зоопарки не берут, там такого добра своего хватает, а в лес её... Эх, ма! И зачем ты к ней в вольер попёрлась, девка? Видно же, что закрыто!

— Там не закрыто было! — тоненьким голоском запротестовала Старообрядцева.

— Серьёзно, Мирон, ты бы хоть табличку повесил, — примирительно предложил Макс.

— Табличку, табличку, — проворчал бородатый. — Под ноги никто не смотрит. Видно же, медведем всё натоптано. Или мне, может, на Тимура тоже табличку навесить, чтоб с кошаком Васькой не перепутали?

— Тимур — это кто? — уточнил Петров.

— Тигр, кто ещё? — изумился Мирон. — В капкан попал, лапу ему перебило, он уж старый, не выживет с такой лапой. Да у нас тут целый зоосад, Макс Лексеич. И рысь есть, волков вон целый загон. — Ленка, тихо пискнув, намертво вцепилась в дерево. — Олешки тоже, лосиха. На прокорм куча деньжищ уходит. Спасибо добрым людям, помогают.

— Лен, слезай, — хмуро приказал Макс. — Или прыгай, поймаю. И от врагов прикрою.

— Если спрыгну, — ещё мрачнее пообещала Ленка, — то тебя уроню.

— Ты теперь там жить собралась? Гнездо вить?

Отвечать на такое Старообрядцева не посчитала нужным, только наконец решилась поднять руку, чтобы сдвинуть проклятый капюшон, который совсем свет застил, да не рассчитала, равновесие потеряла, подошва поехала по обломку сучка...

В общем, само собой так получилось, что Ленка прыгнула. И опять неудачно, не удержалась на ногах, пихнула плечом Макса, как и обещала, повалив его в сугроб, сама плюхнувшись сверху. Петров на это ничего не сказал, даже не чертыхнулся, только коротко вякнул, когда Ленкин локоть ему подвздох заехал. Лежал себе, полуприкрыв глаза: то ли Старообрядцевой любовался, то ли в обмороке пребывал.

— Эй, ты живой? — спросила Лена шёпотом.

— Нет, — ясно и чётко ответил Макс, но не пошевелился.

— Тогда слезь с меня.

— Хорошая вещь, логика, — протянул Петров, повозился под ней, устраиваясь поудобнее, закинул руки за голову, как на пляже. — Вообще-то, это ты на мне лежишь.

— Да?

— Точно тебе говорю.

— Ну ла-адно... — протянула Ленка, не сообразив ничего умнее.

— И откуда ты такая взялась, а?

— Из Мухлово.

— Это которое за Серебрянкой, что ли? — громко, даже слишком громко спросил над ними Мирон. — На том берегу? Километров десять отсюда будет, да? Я вот сразу понял, что ты нашенькая, из местных. Сибирячку-то издали видать. Не то, что ваши городские замухрышки, кожа да кости, плюнуть некуда, промахнёшься. А тут красота!

— Это точно, — с удовольствием подтвердил Макс. — Красота. Весомая такая.

Ленка, до которой не сразу дошло, что он имеет в виду, вскочила, как ошпаренная. Вернее, попыталась вскочить, но чудеса явно закончились, потому она, толком так и не

поднявшись, села в сугроб.

***

Интересно, почему извиниться для любого мужика — это даже не к горлу нож, а к самому ценному, совсем уж неприкасаемому? Вот был в Мухлово случай, поругались как-то дед Светлов с бабкой Любой. Ну как поругались... Да тогда Светлова никто ещё дедом и не величал, а всё больше Стёпкой звали, да и бабка Люба для всех Любаней была. В общем, давно дело приключилось.

Хороводился тогда Стёпка с Любаней, дело к свадьбе шло. Но чёрт приворожил, выдали Светлову, как передовому трактористу, премию в размере ящика ямайского рома. Вернее, выписали спецталон, чтоб его в сельпо отоварить, а там кроме этого самого рома, серых макарон да лопат и нет ничего. Стёпка, конечно, взял, что дают и, понятно, употребил по назначению. А употребивши, захотел любимой сюрприз устроить.

И ничего умнее в его облегчённую ямайским продуктом голову не пришло, как спереть у собственной матери козу, да пустить Любане в полисадник. Мол, встанет дева поутру, глянь, а у неё под окнами коза — штука в хозяйстве полезная, да ещё будто с неба свалившаяся. Потом-то, конечно, Степан признается: его презент. Вот радости-то будет!

Дурное дело не хитрое, козу Светлов с собственного двора свёл, даже бантик на неё капроновый навесил, ленточку-то он тоже спёр, конечно, у сестрицы Аньки, которая в ту пору ещё в школу ходила. Да и пропихнул животину через шпакетник любимой в палисадник, коза только мекнуть успела. Попутно, правда, три шпакетины с корнем вывернул, но это же такие мелочи!

Беда в том, что в ямайском угаре позабыл Стёпка: папаша Любанькин, мужик суровый, спускает на ночь злющего кобеля. Ну и получилась ситуёвина: лежит себе пёс, одним глазом спит, другим врагов отслеживает, а тут, и впрямь, будто с неба, ошалевшая коза. «Ого!» — сказал кобель. «...!» — определилась коза и дунула напрямик в огород.

В общем, пока Любанька с родителями да соседями — и ближними, и дальними — проснулись, пока сообразили, в чём дело, пока отловили пса, а потом уж козу, успевшую на крышу сараюхи от страха вскарабкаться, весь огородный урожай оказался уничтожен под корень, а попросту вытоптан сначала лапами да копытами, а потом уж ловцами.

Ясно, что ни о какой любви меж Светловым и Любаней с тех пор речь не шла, наоборот, меж ними такая вражда началась, что хоть рядом не стой. И Стёпка, уж став дедом, всё повторял: «От бабы, личности неблагодарные! Я к ней со всей, можно сказать, душой, а она ж меня ещё и совестит!»

Рано ли, поздно, но пришла пора бабке Любе на тот свет отправляться, то есть помирать она собралась. Честь по чести, сама лежит в свежей постели просветлённая, на всё готовая, зять в город смотался, гроб привёз — дорогой, не самодельный. На радостях решил раскошелиться, что ли? Снохи тихонько подсчитывают, сколько на поминки самогона нужно, хватит ли своего или по соседям пойти придётся?

И тут является дед Светлов, совесть его заела. Помялся у одра бывшей возлюбленной, повздыхал, да и говорит: «Ну ладно, твоя взяла, виноват я». Бабка Люба как вскочит: «А я что говорила!» — вопит и чуть ли не в пляс пускается, передумала помирать. Степан, конечно, в отказ, мол, не было такого, ничего не признавал и прощения не просил, свидетелей нету. Одно хорошо, живёт бабка Люба и с тех пор даже не болела ни разу, ждёт, наверное, когда дед Светлов снова извинится, теперь уж при свидетелях.

Вот и Макс явно был из таких, которые лучше удавятся, чем прощения попросят, но

Ленка-то обиделась всерьёз. Вернее, не обиделась, чего на правду обижаться, и впрямь ведь не пушинка, но заделала её шуточка, прямо садись да реви, хотя с чего бы, раньше ещё и не так проезжались. Потому Старообрядцева старательно делала вид, что ничего такого и не произошло.

Но никак не получалось. И вроде бы солнышко светило, снег сверкал, Ягодка из своей засады выбралась, глодала банку сгущёнки, выданную от щедрот Мироном, вечером уже Новый год наступит, а радости никакой. Макс бродил хмурый, поглядывает исподлобья. А ему-то чего? Буркнул: «Ну извини, неудачно пошутил» — и всё.

Обед, включающий в себя не только очередной диет лист, но самый настоящий расстегай с вкуснейшей рыбкой, прямо тающий во рту, с жизнью не примирил, Ленка всего-то два кусочка и съела и то без аппетита. Но это конечно, после ухи, салатика с капустой, пюрешечки с котлеткой, размером с подмётку, и двух стаканов клюквенного компоту.

— Ты и вправду из этих мест? — спросил Макс, наверное, чтобы просто не молчать.

— А мы где? — попыталась внести ясность Старообрядцева, кроша третий кусок дивного расстегая. Петров в ответ неопределённо повёл плечом. — Наверное, нет. До моего Мухлова от нас три часа на машине, на самолёте лететь не надо. Сколько их всяких, Мухловых-то?

— Ясно, — кивнул Петров и снова замолчал, прихлёбывая из хрустального стакана в серебряном подстаканнике рубиново-чёрный чай. Правда, молчал он не долго. — Лен, пойми, пожалуйста, — сказал вдруг ни к селу, ни к городу, но смертельно серьёзно, при этом глядя мимо девушки в окно. — Я не женюсь, точка. Вопрос обсуждению не подлежит. А с тобой по-другому не получится.

— Почему? — подумав, всё-таки спросила Ленка, увлечённо складывая из крошек расстегая башенку.

— Почему не получится или почему не женюсь? — усмехнулся Петров, вот просто слышно было, как он усмехнулся. — Потому что не по мне все эти счастливые ячейки общества и радости быта.

— А вы пробовали?

— Чего я только не пробовал.

— И жена у вас есть?

Ленка украсила макушку хлебной горки кусочком рыбы и башенка развалилась. И очень хорошо, можно заново собирать.

— Жены у меня нет, не было и никогда не будет, — огрызнулся Макс, раздражаясь. — Твои личные качества тут ни при чём, не обольщайся. Просто я ненавижу долги. А такие не понимаю совсем. Вот банку я должен проценты выплатить — это понимаю. Отгрузить товар вовремя, поставщику заплатить, тоже понимаю. Государству должен, иначе оно меня возьмёт за... Накажет, в общем. Но почему я должен в свои выходные ехать к тёще на огород или там тащиться на какое-нибудь суаре, которое мне никуда не упёрлось? Почему я должен ублажать какую-то... женщину? Ради секса? Проще заплатить и не париться. Почему, в конце концов, я должен не разбрасывать носки по комнате, если это, чёрт побери, моя комната и мои носки?!

— Вам нравится в свинарнике жить? — тихо уточнила Ленка.

— Нет, не нравится. Но я хочу иметь возможность делать то, что хочу и тогда, когда хочу. Приспичит, уберу. Домработницу найму, в конце концов. Но не понимаю, вот хоть убей, почему я должен-то?

— А жена, значит, должна?

— Да в том-то и дело, что никто никому ничего не должен! Но не получается. Поэтому к чёрту!

— А дети?

— Они-то мне зачем, Лен? — Макс так резко поставил стакан на стол, что стекло звякнуло о серебро. — У меня уже есть всё, что нужно. Работа и... Ну да, работа! Я даже в отпуске бывать не умею. Три дня сплю, а потом становится скучно, хоть вой.

— Поэтому вы плаваете с акулами?

— Да, именно поэтому. И, кстати, не понимаю, почему я не должен этого делать, если у меня... отношения.

Слово «отношения» Петров выговорил с таким отвращением, будто от него на самом деле дрянью какой несло.

— Всё ясно, Максим Алексеевич, — кивнула Ленка, — не надо кричать.

И встала. Ну а чего ещё? И впрямь же всё ясно.

***

Синичка вела себя точь-в-точь как певица Степашка на сцене: подпрыгивала на тонких ножках, перескакивая по ветке, пушила жёлтую грудку, поворачивалась то одним бочком, то другим, хитро поглядывала глазом-бусинкой, в общем, всячески старалась понравиться. Но, наконец, устала или номер её закончился, а, может, просто обиделась на невнимание, тряхнула крылышками, насмешливо свистнула, да и упорхнула, обдав напоследок целым облаком снежной пыли.

Ленка тяжело вздохнула, отряхнув варежкой опушку воротника.

Прав всё-таки дядюшка Михал Сергеич, она удручающе глупа, потому и ангел не спешит ничего исполнять. Нет, она никому никогда не завидовала, не потому что нельзя, просто характер такой. И зла по большому счёту не желала, так, по мелочи, вроде как вредному покупателю вслед подумать: «Чтоб тебе пусто было!». А вот стыдного сделала много, начнёшь считать, отчего щёки сами собой горячими становятся, так замучаешься: мать одну бросила, навещает хорошо, если раз в год, а созванивается раз в месяц, чаще уж очень дорого. С Виталькой связалась — стыдобища, потому ни маме, ни Оксанке его не показывала, только Светланка и видела. Живёт себе, будто и вправду до сих пор хочет на актрису поступить, хотя в последний раз даже и не готовилась, пошла на экзамены, будто от кого-то отмазывалась, а домой не возвращается, потому как стыдно. И жить так стыдно, и в Мухлово ехать, ничего и не добившись. А если покопаться, то перед ангелом тоже стыдно, ведь придумала себе мечту, чтоб было словно в кино.

Действительно же хотелось как в кино и не как у матери, только себе и всем врал про актрису. На самом же деле мечталось, чтоб дом и не изба какая-нибудь, не халабудка, а справный, из кирпича, может, даже в два этажа, а больше зачем? Но чтоб обязательно цветы в палисаднике, в саду яблони-вишни, сирень крыжовник ещё и гамак. И чтоб обезьянка с круглой мордахой, а когда та подрастёт, ещё одна, сначала маленькая, потом побольше, уже подращенная. И в доме салфеточки вышитые — она же вышивает красиво — на кухне чистота с порядком такие, что солнце купалось бы в начищенных сковородках-кастрюлях, чтоб пахло бы свежим печивом и кофе, Ленка очень любила запах кофе. И чтобы самый главный, самый важный человек, который когда-нибудь обязательно сказал: «Как же хорошо дома!» А потом, когда обе обезьянки совсем большими станут, чтоб маленькая пекарня, чтобы продавать людям не промёрзшие до звона овощи, и не подванивающую рыбу, а булки

и пироги, пахнувшие счастьем, её счастьем — домом, свежим печивом и немножко кофе.

Вот такая глупейшая глупость, завиральная мечта. Только Старообрядцева о ней сама не догадывалась, лишь сейчас поняла и за собственный идиотизм стыдно так, что слёзы на глаза наворачиваются. Прав дядюшка: «Елена, ты удручающе глупа!».

А он... От него Ленка никогда не услышит, что дома хорошо, потому как не нужно ему ни вишен с яблонями, ни вышитых салфеток. И плевать ему, что Лена не только вышивает классно, но и шьёт, варенье варить умеет, огурцы солит не хуже мамы, а за пирогами её все соседки приходили и за луковицами тоже, таких лилий, как у неё, ни у кого в Мухлово больше не было.

Ничего ему не нужно.

Она бы ему никогда не сказала: «Ты должен!» А зачем? Зачем ссориться, если быть вместе — это уже праздник и счастье, к тому же и случающийся не так часто? Ну не поехал бы он к маме в Мухлово и что? Сама не доберётся, что ли? К тому же он всё равно бы следом прикатил, потому как соскучился. По-другому же не бывает, ведь если по-другому, то кому оно в самом деле нужно?

Ленке не нужно. Но у неё и не будет.

Старообрядцева потрогала еловую лапу, будто руку пожала. Пух с варежки немедленно прилип к иголкам и это почему-то показалось смешным.

— Ревёшь? — сердито спросили сзади, но совсем не неожиданно, хотя она даже шагов не слышала. Лена помотала головой, не оборачиваясь. — Я забыл, валькирии не плачут.

— Я не валькирия.

Макс помолчал, а потом выдал:

— Я ненавижу, если мне звонят не по делу, особенно когда я на работе.

— Знаю, Элиза Анатольевна никогда не звонит.

— И ненавижу, когда меня спрашивают о работе, особенно дилетанты. Ненавижу, когда пытаются, где я был. Терпеть не могу, когда роются в моих вещах, особенно телефоне и компьютере.

— Зачем?

— Зачем что?

— Зачем спрашивать, где ты был?

— Ещё я ору.

— Это мы в курсе.

— Я коньяк люблю. Бывает, что и напиваюсь. Иногда мы с мужиками ходим...

— В баню?

Ленка, наконец, обернулась. Физиономия у Петрова, конечно, была хмурая, глаза бровями занавешены, нос длинный, даже короткий хвостик волос очень решительный и до чёртиков мрачный.

— В баню тоже, — кивнул Макс.

— С девочками?

— Сказал же, с мальчиками!

— Вы с мужиками ходите в баню с мальчиками? — тяжело изумилась Ленка.

И, конечно, заработала такой взгляд, что кого потрусливее пробрало бы до печёнок.

— Я не умею сюсюкать, — сообщил Макс.

— Разбрасываешь по дому носки и ещё у тебя Степашка.

— Так, — процедил Петров, покачался с носка на пятку, скрипнув снегом и повторил:

— Так. При чём тут она?

— Она при тебе, разве нет?

— Нет.

— А как?

— Что как, Лен? — Макс почесал большим пальцем бровь. — Кстати, оправдываться я тоже ненавижу. На мамином юбилее Лёля пролила на платье коктейль. Вернее, я её толкнул, и она пролила... Ну если уж совсем серьёзно, встала так, что не толкнуть я её не сумел бы.

— И ты повёз её к себе домой, чтобы отстирать платье?

— Она живёт где-то за городом, у чёрта на куличках, а мне с утра нужно было на работу. Да и, знаешь, есть такая поговорка: «Легче дать, чем объяснять, почему не дала».

— И ты... дал?

— Если ты не в курсе, то у меня в квартире всё, как у больших, спальня для гостей тоже имеется, — совсем уж насупился Макс. — Вот и ночует, прячется от своего «большого человека». Мне она не мешает.

— Она к тебе даже не приставала? Мне правда просто дико интересно! — Ленка от переизбытка искренности даже варежки к груди прижала. — Честно-честно!

— Ленка! — прикрикнул Петров, но тут же снизил тон. — Меня такие Лёли перестали интересовать ещё лет пятнадцать назад. Слишком дорого обходятся. И морально, и материально.

— Так ты жмо-от! — догадалась Старообрядцева.

— Просто не люблю переплачивать непонятно за что. Кстати, — как-то неловко добавил Макс. — Ты бы отправила матери смску, сказала б, что подарок понравился. Она рада будет.

— Какой подарок? — ничего не поняла Ленка.

— Ну джинсы и ещё этот... Я тебе в сумку положил. Тебе идёт. Особенно... — совсем уж через силу выдавил Петров и изобразил у горла что-то эдакое, наверное, свитер.

— А-а... — протянула Старообрядцева и тут же, опомнившись, зачастила. — Я поблагодарю, конечно! Мне и вправду очень, очень понравилось! Элиза Анатольевна так угадала! Я на самом деле...

— У меня тоже есть... — начал было Макс и наглухо замолчал, рассматривая дали.

— Подарок? — наконец, догадалась Ленка шёпотом. Петров лишь кивнул в ответ, по-прежнему созерцая лес. — Макс... То есть, Максим Алексеевич... А можно его под ёлку положить, чтобы потом... Ну, в полночь...

Петров соизволит-таки на неё посмотреть и взгляд этот, мягко говоря, был очень странным, совсем непонятным. Наверное, он тоже подумал, что Ленка удручающе глупа.

— Хочешь на тигра посмотреть? — спросил совсем про другое. — Только с условием, в вольер к нему ты не полезешь.

— Очень хочу! — с облегчением выдохнула Старообрядцева.

Светланка смотрела на подругу с таким скепсисом, что Старообрядцевой неуютно стало и даже стыдно как-то, будто она наврала с три короба, хотя, собственно, ничего толком ещё и рассказать-то не успела, но теперь всякое желание пропало, вот начисто.

— Н-да, по выражению твоей котячьей физиономии понятно: что-то было, — наконец, вынесла вердикт Светланка, наблюдая, как Ленка старается незаметно нашарить пяткой сброшенные на пол тапочки, явно передумав делиться подробностями. — Но это что-то тебя в восторг не привело. Неужто наш Макс накосячил? Слушай, не переживай. Время сейчас такое, а он уже не мальчик. Есть одно средство, все просто визжат от восторга и ни какая-нибудь химия, сплошной натурал и травки. Только в горячее его добавлять нельзя, ты порошок куда-нибудь в молоко или там лимонад подсыпь и станет твой импотенто горячим, аки горный олень.

— Сама ты импотенто! — оскорбилась за Петрова Ленка. — Он знаешь какой?..

И тут же захлопнула рот, горячая не только щеками и шеей, но, кажется, даже макушкой.

— Значит, не накосячил, — протянула прозорливая Светланка, — а вовсе наоборот, сумел поразить девушку до самых глубин... души. Не бойсь, подробностей не потребую. Хотя бродят слухи, что если такие рассказы литературно оформить, то немалые деньги можно поиметь. А, Ленк, займёмся на досуге? В соавторстве. С тебя фактура, с меня оформление.

— Да иди ты, — буркнула Старообрядцева, краснея уже и спиной.

Впрочем, захоти Ленка, она бы всё равно никаких подробностей выдать не сумела и не только за деньги, а и под пытками, просто потому, что ничего не помнила, вот вообще. Двенадцать пробило — это помнила, как они с Максом шампанское выпили, тоже помнила. Дальше он сказал, что подарок, как и договаривались, под ёлкой. Потом... Ну а потом ничего. Вернее, кое-что в памяти-то осталось, но это оставшееся Старообрядцева хотела бы из собственной головы выкинуть, потом промыть череп хорошенько и ещё хлоркой протереть для надёжности.

А кому, скажите на милость, захочется вспоминать, как сама — сама! — без всякого принуждения и даже намёков с «другой стороны» набросилась с поцелуями? И вовсе не из благодарности, Старообрядцева попросту свихнулась, вот просто мозги в дурной башке перевернулись, встав как-то наискосок, боком. Она даже рычала от нетерпения и укусила Макса за плечо — это совершенно точно. И пуговицы с его рубашки содрала, так торопилась. Он вроде бы удивился и...

Вот что за всем этим последовало, Ленка не помнила абсолютно, сплошное горячее марево. Но делали, факт. Ёлку же опрокинули. И скатерть вместе с остатками новогоднего ужина на пол свернули. А ещё на них рухнуло чучело совы. Откуда оно взялось только, это чучело? И проснулась она совершенно точно в петровской постели, вот только хозяина там уже не было, осталась лишь смятая подушка.

— Как всё запущенно-то, — посочувствовала подруге Светланка. — Дай угадаю, после забываемой ночи любви Макс героически слинял?

— Никуда он не линял, — пробормотала Ленка, поймав себя на том, что пытается нащупать под свитером цепочку.

Вернее, не нащупать даже, а просто крутить её сквозь ткань.

— Просто сделал вид, будто ничего не было?

— Ну-у... примерно.

— Поня-атно. Поразила, значит, своей мухловской простотой нашего мальчика в самое сердце. Всё, Ленк, теперь тебе, как честной женщине, придётся за него замуж идти. Нанесла, понимаешь, травму. А чего ты там всё прячешь?

— Где? — не слишком правдоподобно удивилась Старообрядцева, отдёргивая руку от собственного горла.

— Да ладно, свои же люди. Показывай! — приказала Светлана. — Ого! — оценила, разглядывая кулон, который нехотя, но всё-таки достала Ленка.

Маленький крылатый шлем горделиво и даже немного самодовольно поблёскивал на её ладони, камешки у основания крыльев подмигивали заговорщицки, а тот, что побольше и красный, на переносье шлема, смахивал на звёздочку.

— Явно заказная работа, — не без здоровой толики зависти заключила подруга. — Я про такие штуки как-то большой обзор писала, знаю, о чём говорю.

— Да ладно, — не поверила Ленка, которой, в общем-то, было плевать, заказной кулон или ещё какой, ценность-то его совсем не в этом.

— Шоколадно! — схамила Светлана. — Макс-то его в коробке подарил? Ну вот и переверни подушечку, там должна быть визитка салона или мастера. Ну, чтоб почистить или, не дай бог, сломается, не дяде же Пете понесёшь чинить. И когда только успел, герой-любовник? Такие вещи за три дня не делаются.

— Да с чего ты взяла, что это Макс подарил? — попыталась возмутиться Ленка.

— А кто ещё? Виталя, что ли, твой? — фыркнула подруга. — Ладно, продолжаем восстанавливать события. Подарил тебе Макс цацку... кстати, почему шлем-то? Не слишком романтично.

— Много ты в романтике понимаешь!

— А то! Знаешь, как я звала своего супруга на заре наших нежных отношений? Хрюнечкой! Вот где любовь-то была. Значит, цацку подарил, ты ему в ответ устроила йокыргым, а потом?

— Потом ничего, — насупилась Ленка. — Ему днём первого кто-то позвонил и мы вернулись. Кажется, у Макса там что-то случилось.

— У твоего Макса постоянно что-то случается. Но это было первого, а сегодня уже пятое. Он что, даже не позвонил ни разу?

Старообрядцева помотала головой.

— Сказал, чтобы я сидела дома и никуда не высывалась. А куда мне соваться-то? К Элизе Анатольевне всё ещё не пускают, а на работе без больничного и показываться нечего. И где я его возьму, больничный этот? Теперь, наверное, придётся новую искать. Только, чувствую, Митрофанова мне такое в трудовой напишет, что даже полы мыть не возьмут.

— Нет, вот же свинья! Я всегда знала, что мужики козлы, но чтоб так! Ну Петров, ну я тебе покажу!..

— Не надо ничего никому показывать, — тихо попросила Ленка. — Он мне ничего не обещал и даже не просил. Я сама всё.

— Слушай, я никак не могу понять, ты больная, блаженная или типа такая гордая? — подозрительно прищурилась Светлана. — Так ведь и просидишь со своей гордостью на бобах. Хотя, конечно, кулончик с него поимела и какую-никакую, а поездочку...

— Светланк!

— Ладно, прости, — помолчав, махнула рукой подруга. — Это я с расстройства злоблюсь. Ну вот ведь хорошие же мы с тобой бабы, а всё достаётся каким-то... Кстати, узнала я про твою Степашку. Оказалось, что Оль Распоповых не так много, а близкая по возрасту и вовсе одна, между прочим, ни в каком и не в Козельске. Прописана по адресу... Я точно не помню, потом дам, на листочке записала, но прописка у неё в Богатеевке. — Ленка присвистнула и было от чего: Богатеевкой-то звали район, сплошь застроенный особняками да дворцами. — Владеет домом некая госпожа Сапунова. Ни о чём не говорит? — Ленка снова помотала головой. — И мне ни о чём. Правда, вроде бы у нас при губернаторе какой-то Сапунов подвизается. Или при мэре, что ли? Но фамилия не редкая, конечно. Только что это даёт?

— Не знаю, — пожала плечами Старообрядцева. — Элиза Анатольевна только просила адрес узнать.

— Ну, значит, свой долг ты выполнила. Но Макс всё-таки козёл, вот что хочешь говори. На это Ленка ничего говорить не стала, наоборот, промолчала. Потому как спорить с Светланкой себе дороже. Да и достойных аргументов как-то не находилось.

***

За окном снова валил снег и это почему-то казалось очень уместным. Двор был совершенно пустым, даже дворницкая собака по кличке Шельма, вечно отирающаяся у помойных баков, куда-то подевалась. И на улице ни души — Ленка специально сходила на кухню, проверила. Видимо, народ, утомлённый долгим празднованием, прочно залёг на диваны перед телевизорами, вот и остались только деревья, обмотанные мигающими, почти не видимыми при дневном свете гирляндами, да снег. А ещё город, одинокий и жутко тоскливый.

Почему-то там, где на дорогу выходят волки-рэкетеры и живёт трусиха Ягодка, тучи, тоже щедро сыплющие снегом, унынием не давили и хоть солнце не сияло постоянно, всё равно было светло, а тут какой-то болезненный полумрак, хоть включай свет, хоть нет.

Ленкиной ноги что-то коснулось мягко, но так неожиданно, что она едва не завизжала. Люк глянул на неё, чуть фосфоресцируя глазами, мол: «А без истерик обойтись никак нельзя?»

— Фу, напугал, — сердитым шепотом выговорила ему Ленка. — Ты же не тигр Тимур, чтобы к людям подкрадываться! — Кот презрительно дёрнул хвостом, выражая своё отношение ко всем тиграм на свете. — Правда, он тоже не подкрадывался. Представляешь, стоял в кустах близко-близко, его даже погладить, наверное, можно было.

Старообрядцева присела на корточки и, за неимением тигра, погладила Люка. Возмущённый кот — сейчас гладить себя он совершенно точно не просил! — дрогнул спиной, спрыгнул с дивана и пропал в тёмном коридоре.

— Скучаешь? — вслед ему спросила Ленка. — Не переживай, её скоро выпишут, наверное.

Кот ей ничего не ответил и квартира молчала, лишь в кабинете монотонно, словно повинность отбывая, тикали часы. Старообрядцевой вдруг подумалось, что квартира дремлет в эдакой летаргии, переживает, пока вернётся хозяйка.

Ленка хмыкнула неуверенно, мотнула головой: странные мысли, странное место и даже время какое-то странное, зыбкое, одинокое и тоскливое. Ожидающее.

— И ничего странного, на самом деле, слышишь? — крикнула Лена в сторону коридора

и кота. — Просто Элиза Анатольевна действительно уже не молодая, приболела. Со всеми случается. — Ответом была тишина, только теперь она стала другой, будто прислушивающейся. — Ну хорошо, ладно, давай рассуждать логически. — Старообрядцева натянула рукава свитера на совсем не мёрзнущие ладони, шагнула от окна к мойке. — Как я понимаю, всё началось с того, что Элиза Анатольевна увидела по телевизору пропавшие драгоценности. Которые её мама хотела обменять на продукты. — Ленка длинно, до боли в горле, сглотнула. — Но поменяла или нет, неизвестно, потому что сама пропала. Всё верно?

Люк неслышно возник на пороге кухни, сел, аккуратно обернув лапы шикарным хвостом, насторожив уши с кисточками — слушал.

— Значит, верно. Едем дальше. Хоть Элиза Анатольевна этого и не говорила, но мне кажется, она уверена, что её маму убила эта «меняльщица». И увидев на Степашке украшения, она решила найти ту тётку, поэтому стала названивать, искать певицу. Вопрос первый: настоящие драгоценности были в телевизоре на этой Лёле или хозяйка ошиблась? Хотя, какая разница? Настоящие тоже есть где-то, раз сделали копии. Колье-то, оставшееся у Элизы Анатольевны точно настоящее.

Ленка остановилась у стола, зачем-то передвинула пустую салфетницу, подумала было сесть, но отошла к окну.

— Потом ей стало плохо. В смысле, не сразу, но чувствовала она себе плохо, — сообщила Старообрядцева тишине, подышала на стекло, чтобы то запотело, и нарисовала пальцем сердечко. — А Махрутка выкинула упаковку лекарств от давления, а с Элизой Анатольевной случился приступ, как раз давление подскочило и она чуть не умерла. Так? Ещё раз допустим, Махрутку подкупили и она хозяйку отравила. — Ленка передёрнула плечами, на самом деле ей зябко стало, будто в квартире отопление отключили. Пришлось даже потрогать батареи, убедиться: никто ничего не отключал. — Вопрос, зачем её травить? Допустим, та «меняльщица» на самом деле ещё жива, хотя ей за сто лет должно быть. Допустим, что она даже действительно убила маму Элизы. И что? Ведь есть же этот... Как его? Срок наказания? Или срок давности?

Ленка обернулся к Люку. Кот только вывернул уши, он то ли ничего не понимал в человеческих законах, то ли, наоборот, разбирался в них слишком хорошо, но комментировать точно не собирался.

— То есть приступ Элизы Анатольевны и драгоценности никак не связаны? Но откуда тогда на юбилее взялась эта Степашка, да ещё с кольцом-фальшивкой? Очень уж вовремя она объявилась. Кстати, на самом деле, откуда она взялась? Вряд ли её хозяйка пригласила. Подожди, подожди... — Ленка потёрла лоб. — Тогда, в туалете, по телефону она сказала, что её притащил... Что-то такое... Дурик? Жулик? В общем, что-то такое.

Люк зевнул, показав нежно-розовую пасть и сахарно-белые клыки. Ему явно стало скучно.

— В том, что эта Степашка начала немедленно цепляться к Максусу, ничего удивительного нет, она же так своей подруге и сказала. Но она опять приплела те же драгоценности! Почему, а, главное, зачем? И тут ещё самому Максусу по голове дали, а он сказал, что это не Виталья. Но у него, у Петрова, то есть, по бизнесу неприятности. Вот кстати, он сам говорил, будто станет делать то, что от него ждут, в смысле, тоже ждать, когда лицо заживёт. И сорвался на второй день. Почему? Неужели такое уж серьёзное стряслось? А зачем он меня с собой таскал сначала туда, потом обратно?

Ленка тяжело вздохнула и пририсовала к почти растаявшему сердечку стрелу.

— И главный вопрос, меня это всё касается? Или это не моё собачье дело? Выходит, что не моё.

Люк хитровато прищурился и отвернулся. Он-то точно все ответы знал, только коты тайн не выдают, на то они и коты, а не, допустим, какие-нибудь собаки.

Ленка снова тряхнула головой, как стоялая лошадь и решительно потянула из кармана телефон, второпях вывернув подкладку. Сначала в трубке долго и заунывно гудело, Старообрядцева хотела уже было отключиться, но тут вдруг так загрохотало, будто кто-то над её головой в кастрюлю половником со всей дури бил — мама так делала, прогоняя с огорода соседского злонравного козла Мишку.

— Слушаю! — рубанул за грохотом очень сердитый Максовый голос.

— Максим Алексеевич! — заорала Ленка, зачем-то зажав свободное от телефона ухо. — Я только хотела...

— Подожди, Лен, ни черта не слышу, — рыкнул Петров, — сейчас выйду. — Старообрядцева испуганно притихла, слушая, как машинный грохот становится всё тише, удаляется. Потом тяжело лязгнуло и стало глухо. — Ну вот так оно лучше будет. Ты почему не звонила?

— Максим Алексеевич, — с перепугу зачастила Ленка. — Элиза Анатольевна говорила, что беспокоиться о колье, а я не знаю...

— Какое ещё кольцо? — раздражённо перебил ей Макс. — Спрашиваю, почему ты пять дней не звонила? Я уж чёрте что напридумывать успел!

— Ты говорил, что терпеть не можешь, когда тебя дёргают, — подумав, осторожно напомнила Ленка.

— А ты больше слушай, что я несу, — совсем рассердился Петров. — Я ещё не такой пурги нагоню.

— А ты? — Старообрядцева стёрла пальцем заплакавшее конденсатными каплями сердечко на стекле. — Ты мне почему не звонил?

— Да потому что у меня твоего номера нет.

— Он есть у Светланки. И у Элизы Анатольевны. Ещё у Махрутки.

— Я знаю.

Помолчали. Правда, это было очень красноречивое молчание. Ленка прекрасно поняла, что ещё немного, совсем чуть-чуть и он бы начал названивать и Светланке, и Элизе Анатольевне, и Махрутке, а если б это не помогло, поднял бы на уши службу безопасности, у него же наверняка есть такая, потому что Петров буржуй и фабрикант. А раньше Макс этого не делал, потому как выдерживал характер. И ещё потому, что: «Как ты себе это представляешь? Я у Светланки твой номер спрашивать буду?» И, вообще, «им нельзя», «он не из тех, кто женится», «ничего же не было!». И другие, такие же логичные, серьёзные мужские глупости, которыми, по выражению всё той же Светланки, поголовно страдают настоящие мужики предклимактерического возраста.

А он понял, что она это всё поняла. Вот просто поняла своей женской чуйкой, хоть и «девчонка», «валькирия дурная», «в дочери годится» и «мало ли таких было, а сколько ещё будет!»

Мало, совсем немного. Ни одной.

Ещё они поняли, что дальше всё будет очень непонятно и непривычно, не ясно, как именно и совсем уж только бог знает, чем закончится.

— Я соскучился, — сердито буркнул, наконец, Петров.

— И я. — Ленка улыбнулась снегопаду за окном. — А ты, вообще, где? В Китае?

— В Китае я уже был. Теперь в Омске. Завтра с утра полечу в Новосибирск.

— А в наши края когда заглянёшь?

— Как только, так сразу, — огрызнулся Макс. — В пятницу. К пяти точно буду дома.

Ключи от квартиры возьми у матери, они в японской шкатулке.

И отключился, правда, телефон тут же зазвонил опять, Ленка даже не успела руку опустить.

— Лен, из дома никуда не выходи. Поняла? — потребовал Петров. — Я серьёзно.

— Да куда я выйду? У меня даже больничного так и нету...

— Правильно, что нету. Я же ещё не вернулся. Поэтому сиди дома.

И снова бросил трубку, вернее, кнопку нажал. Ну милейший же человек!

***

— Лена? — услышала она, как и полагается, совершенно неожиданно, но даже не вздрогнула, просто Старообрядцевой очень захотелось нырнуть в мусорный бак вслед за только что выброшенным пакетом.

И дело не в том, что она выскочила на улицу лишь на минутку, а потому даже не причесалась, не в стоптанных тапочках и не старой куртёнке, накинутой на плечи. Просто вот когда она это вопросительное «Лена?» услышала, до неё и дошло: а ведь Андрей был не только Максовским сотрудником, но и его другом, а они, то есть этот самый Андрей и Ленка, целовались. И если б не вечная тормознутость Старообрядцевой, поцелуями дело не закончилось бы. Получалось, что она Петрову... Ну, не то чтобы изменила, но нехорошо, в общем, получалось-то.

Нет, всё-таки жизнь очень сложная штука.

Ленка вздохнула и нацепила самую приветливую улыбку.

— Здравствуйте, Андрей. А почему вы всегда так спрашиваете, будто не знаете, я это или на самом деле не я?

— Я вас искал. — Блондин даже не попытался улыбнуться в ответ, да и выглядел он хмурым, напряжённым каким-то. — Но у меня же даже номера вашего нет.

— Ни у кого нет номера моего телефона, — под нос буркнула Ленка. — Потому как это страшная государственная тайна.

— Лена, понимаете... — Красавчик нервно прочесал пятернёй чёлку. — Случилось... Большая неприятность случилась. Короче говоря, Макса арестовали.

— Чего? — вытаращилась Старообрядцева, ожидавшая услышать что угодно, но уж точно не такое.

— Его арестовали, — отдельно, едва не по слогам, будто умственно отсталой объяснял, повторил Андрей, — вчера.

Ленка выхватила телефон с таким энтузиазмом, что новенькие, горячо любимые джинсы жалобно треснули в шве, но она на это никакого внимания не обратила. А оказалось, что торопилась зря, телефон ей сообщил только, что «абонент не отвечает» и больше ничем помочь не смог. На второй вызов абонент тоже не ответил, и на третий.

Старообрядцева дёрнула себя за кончик носа, решительно развернулась и пошагала, правда, далеко не ушла, как раз до ближайшей лужи, в которую за ночь превратился вчера ещё пушистый снег, а там, то есть в луже, её Андрей за локоть поймал.

— Куда это вы собрались? — спросил блондин заботливо, видимо опасаясь, что у Ленки от таких сообщений крыша поехала.

— В полицию, куда ещё?

— В какую полицию, Лена? — Андрей за руку, точно они на балу были, вывел Старообрядцеву из лужи, заглянул в глаза, обнял её лицо ладонями. — Макс в СИЗО, вас туда никто не пустит.

— А кого пустят? — нахмурилась Ленка.

— Не знаю, но точно не меня. С вами всё хорошо?

— Со мной всё зашибись, — прошипела Старообрядцева, судорожно соображая, в какую сторону бежать, если полиция, как и телефон, ей не помощница. — С Максимом вот не очень.

— И вам не интересно, за что его задержали? — глянув странно, уточнил блондин.

— А это имеет значение?

Ленка раздражённо тряхнула головой, выдираясь из его ладоней.

— Не знаю. Вдруг он человека убил?

— Значит, было за что, — отрезала Лена. — Послушайте, Андрей...

— Нет, давайте не так. Сначала вы меня слушаете, а потом мы вместе подумаем, как Максу помочь. Идёт? — выдвинул контрпредложение красавец. — Вот только где бы нам поговорить спокойно, вы же в тапках.

— Тапки мне слышать не мешают. Пойдёмте в вашу машину, — распорядилась Старообрядцева. — Она же где-то тут, верно?

Блондин снова посмотрел на неё и опять непонятно, но послушно пикинул брелком сигнализации.

— Что вы там хотели сказать? — поторопила Ленка, устроившись на сиденье и проигнорировав услужливо включённую печку.

— Не сказать, а рассказать. — Андрей, опершись локтями о руль, устало растёр глаза. — Не знаю, в курсе вы или нет, но перед самым новым годом, как раз тридцать первого, арестовали одного деятеля оттуда, — блондин ткнул пальцев в потолок машины. — А мы с ним очень плотно дела имели. Считаю, этот мужик нашим ангелом-хранителем был. Макс, конечно, попытался прикрыться, сунулся туда-сюда, кое-что успел подчистить, кое-кого предупредил, но всё равно под гребёнку попал.

— Почему?

— Да потому, Лен! Что вы, в самом деле, не знаете, в какой стране живёте? Если не делиться, вашу мать, то можно смело прямо завтра закрываться и на паперть шлёпать. Тендеры, мать вашу, целевые бюджеты, етить их в коромысло! — Андрей обеими ладонями с силой ударил по рулю. — А как по-другому? Ну вот как? Налоги платить и спать спокойно? Имел я в виду это ваше спокойствие!

— Наверное, надо нанять адвоката, — сама себе предложила Ленка, про несправедливость и общее свинство слышать ничего не желавшая.

— Извините, просто достало всё, — красавец тряхнул головой, откидывая чёлку. — Адвокат тут не поможет, Лен. Да и ни один приличный защитник за это дело не возьмётся. Кому оно надо? Нужны деньги и много. А все счета, к которым я доступ имею, уже заблокировали, конечно. Но выход есть. Как раз на этот случай Макс подписал доверенность, только я её найти не могу, в офисе нет, секретарша о ней вообще не слышала. Дома у Элизы Анатольевны она может быть? — Старообрядцева лишь плечами пожала. На этот счёт у неё никаких соображений не имелось. — Лен, посмотрите, пожалуйста, ладно? Должна быть обычная пластиковая папка, красная такая. На документе в самом верху

надпись большими буквами «Доверенность». Найдёте? — Ленка снова пожала плечами. — Правда, это очень важно. Без этой бумажки нам Макса не вытащить. Ну не ключи же от квартиры мне у вас просить и самому шарить!

— Ключи от квартиры, где деньги лежат, — пробормотала Лена. — Я поищу.

— Надо бы побыстрее всё проверить. Пока эту фигню только в Интернете обсасывают. Но после праздников точно ещё и газеты подключатся, а там и какие-нибудь правозащитники. Кто-нибудь возьмёт что-нибудь под особый контроль и такой хай поднимется, ничего сделать не удастся.

— Значит, поищу побыстрее. А что будет, если не найду?

— Тогда полный писец, — огрызнулся блондин и тут же улыбнулся, правда, вышло у него кривовато. — Ещё раз простите, нервы ни к чёрту. Не найдёте, будем думать, что дальше делать. Только Элизе Анатольевне не говорите ничего, хорошо? А то, боюсь, её точно инфаркт хватанёт. — Ленка покосилась на него, но комментировать не стала. — Или нет? Лучше, наверное, сказать. У неё связи остались ещё со времён отца Макса, может, тоже сумеет кого-нибудь подключить. Вы ей расскажите, ладно? Только поосторожнее как-нибудь.

Старообрядцева кивнула, но без особого энтузиазма. Вот уж чего она делать не собиралась, так это о происходящем хозяйке сообщать.

***

Адвокат с чудным именем Гамлет Натанович оказался хоть и бодрым, но очень уж пожилым, старше даже дядюшки Михал Сергееича. Ленка как его увидела — адвоката, а не дядюшку, понятно — так у неё сердце куда-то и провалилось. С эдаким старикашкой много не навоюешь, а по телефону-то голос у него молодым казался.

— Ну-с, посмотрим, что у нас тут? — Гамлет Натанович сдёрнул с орлиного носа очки, задрав на макушку, а на их место водрузил другие, которые у него на цепочке висели. — Девушка, — сообщил почему-то с удовольствием. — Прелестная, между прочим, но до безобразия юная. И что понадобилось юной прелестнице от старого зануды?

— Я вам звонила, — проблеяла вконец растерявшаяся Ленка.

— Это я помню, — лукаво, всем лицом, даже морщинками у глаз, улыбнулся старик. — Хотя память и начинает подводить, возраст, знаете ли. Намедни вместо соли в кофе едва не сыпанул соды, представляете?

— Ага, — брякнула Старообрядцева, окончательно уверившись, что дедушка пребывает в глубоком маразме. — Извините, я пойду, наверное.

— Не откушав моего восхитительного кофе? С солью, между прочим, не с содой, — изумился адвокат, снова меняя очки местами. — А зря, зря. Я варю редкостный напиток, рецепт приготовления которого мне передал персидский посол. Под большим секретом передал, прошу заметить. Нет, это никак невозможно! Извольте следовать за мной.

Старик развернулся и бодро зашаркал тапками из тёмного коридора к свету, пришлось Ленке топать за ним, ну не обижать же дедушку, а от неё не убудет.

— Что? — клюнул носом адвокат, наблюдая, как Старообрядцева осторожно отхлёбывает из странно тонкостенной, будто не настоящей чашки. — Ага? Думали, старик Гамлет из ума выжил? Нет, юная леди, не выжил ещё. Ну или не до конца. Передаю вам секрет персидского посла! Всегда добавляйте в кофе шепотку соли. Это убирает излишнюю горечь. Что особенно актуально сейчас, когда кофе на самом деле окончательно превратилось в оно.

— Персии давным-давно не существует, — осторожно напомнила Старообрядцева, перекидывая на коленях куртку.

— Точно! — Восхитился старик. — Не существует аж с тысяча девятьсот тридцать пятого года. Прелестное дитя не только красиво, но и образовано?

— Просто мама смотрела сериал, «Секрет персиянки» называется, — пробормотала Ленка.

— Прискорбно, — невесть чему огорчился адвокат. — Но для девушки и прелести довольно. Так зачем юная леди звонила мне, да ещё, как я понимаю, с телефона госпожи Петровой Элизы Анатольевны?

— Понимаете, — Старообрядцева опять переложила куртку, пытаясь примостить ком поудобнее. — Вашу визитку я у неё нашла. Дело в том, что она сейчас в больнице, а Макс... То есть Максим Алексеевич, её сын...

— Во что с разбегу вляпался Максюша, я в курсе, за новостями слежу. — Старик снова поменял «налобные» очки на те, что с цепочкой, глянув сквозь линзы тёмными, поразительно яркими глазами. — Уже удивляться начал, что это они со мной не связываются. Грешным делом подумал, кого помоложе нашли.

— У него, у Максима Алексеевича, телефон не отвечает. А Элиза Анатольевна ничего не знает пока.

— Ну, это понятно. Раз Максюша в СИЗО, то телефончик у него того, забрали. Вместе со шнурками и ремнём.

— Почему вместе со шнурками? — непонятно с чего перепугалась Ленка.

— Порядок такой, — хитровато прищурился Гамлет Натанович. — Ну а от меня-то вы чего хотите, прелестное дитя?

— Мне нужно увидеться с Максом, — выпалила Старообрядцева, решительно выпрямляясь и расправляя плечи. — А разрешение у следователя на свидание с ним может получить только адвокат.

— Это вы тоже из сериала узнали? — помолчав, поинтересовался старик.

— Да, — честно ответила Лена. — Я не бесплатно прошу, вы не думайте. Вот тут я... — Она судорожно зашарила по карманам куртки, наконец, выудила стопочку купюр, обозвав себя дурой. Могла и догадаться обменять по дороге сотенные и пятисотенные хотя бы на тысячные. Правда, тогда бы стопочка получилась совсем неубедительной, много-то она скопить не успела, только что на вожделенные джинсы отложила и ещё чуть-чуть на летнюю поездку к маме, на гостинцы. — Здесь мало, понимаю. Но я ещё займу и...

— А вы, собственно, кто? — перебил её адвокат неожиданно неприятным, каким-то железным тоном. — Я имею в виду, кем вы приходитесь семейству Петровых?

— Я? — снова растерялась Ленка. — Я никто. А это важно?

— Ну, с какой стороны посмотреть, — задумчиво протянул Гамлет Натанович. — Иной «никто» бывает повесомее кого-то.

***

Светланка тянула свою сигарету, поглядывала исподлобья, но молчала, с расспросами не лезла — участие проявляла. А Ленка вдруг так устала, что язык во рту лежал куском свинца, даже подумать о том, чтобы им ворочать, было не в состоянии.

— Ну как там? Совсем жутко? — всё-таки не выдержала подруга.

Старообрядцева помотала головой, натянув свитер на пальцы. Ведь на самом деле никакой особой жути она не увидела. Ну комната как комната, почему-то на почту в

Мухлово похожа, а чем и не понять. Может, кабинками? Там ведь тоже вроде кабинок было: посередине комнатки вдоль такая стеклянная перегородка и ещё боковушки, получается прозрачная ячейка, в ней стул, полочка и телефон. Даже смешно, зачем телефон, если стеклянные стенки и до потолка-то не доходят? И так ведь всё слышно.

И надзирателей никаких, лишь в углу дремала толстая тётка в форме, но даже без пистолета. И уж точно ей никакого дела не было до Ленки, всего и мазнула равнодушным взглядом и опять глаза закрыла, засопела тихонечко.

Может, запах только слегка жути нагонял. Нет, ничем особенно противным не пахло, лишь немного хлоркой. И всё равно казалось, что даже стены воняют бедой. И стеклянные перегородки. И стулья. А особенно тяжёлая чёрная телефонная трубка.

— И что, там как в фильмах? С одной стороны эти в оранжевых робах, а с другой жёны и подружки рыдают? — попробовала поднажать Светлана.

Ленка снова головой помотала. Она вообще почти полчаса в комнатке одна просидела, не считая, конечно, сопящей тётки.

— А как ты вообще туда попала? Тебя помощницей адвоката сделали?

— Нет. Помощников адвоката пускают только по постановлению суда, — не без труда выдавила нынче продвинутая Ленка. — Меня Гамлет Натанович как гражданскую жену оформил. Что-то там с пропиской намудрил, я не спрашивала.

— Ну, Ле-ен, ну расскажи, — проканючила Светлана, — из тебя всё клещами вытаскивать? Мне же любопытно. Нет, Макса, конечно, до соплей жалко. Как он, кстати?

Старообрядцева, тоже едва не задремавшая, даже и не поняла, когда Макс появился. Просто скрипнула не приметная такая, филёнчатая дверка и вот уже он. А Петров, её увидев, споткнулся, застыл столбом. Так бы, наверное, и стоял, не подпихни его в спину солдатик. Или полицейский, что ли?

Макс подошёл к перегородке со своей стороны, сел, снял с телефона трубку, Ленка тоже.

«Ты что здесь делаешь?» — ни слова не говоря, спросил Петров. «Тебя жду» — так же молча ответила Старообрядцева, таращась на него, словно впервые видя: на ссадину, не ту, что в подъезде получил, та поджила, на новую, на разбитый подбородок и костяшки. «Обживаюсь» — усмехнулся Макс, отводя взгляд. Стыдно ему было и за собственную битую физиономию, и за мятый, будто жеваный, свитер. «Я жуток соскучилась!» — хлюпнула носом Ленка. Не из-за свитера хлюпнула и не из-за ссадин, какое ей дело до всего остального, если это он и он тут, почти рядом? «Я рад, что ты пришла» — насупился Макс, ведь он никого не ждал, а меньше всего её. «Как это я могла не прийти?» — до глубины души изумилась Старообрядцева. «Ну да, как это ты и могла не прийти» — хмыкнул Петров.

— Эй, не молчать там! — прикрикнула из своего угла тётка и сладко, с подвыванием зевнула. — Запрещено.

— Привет, — послушно сказал Макс. — Как там на улице?

— Привет, — не менее послушно отозвалась Ленка. — Всё таёт.

— Ле-ен, — напомнила о своём существовании Светлана. — Спишь, что ли? Ладно потом расскажешь.

— Слушай, я на самом деле устала чего-то.

— Кстати, тебя тут Андрюха искал. Андрей Мерин, знаешь такого?

— Знаю. Слушай, Светланк, ты ему скажи, что меня не видела, хорошо? А лучше скажи, что я в Мухлово уехала.

— Ну скажу, скажу, — проворчала подруга, гася окурок в переполненной банке, заменяющей в их подъезде пепельницу. — И всё-то у них какие-то дела, и всё какие-то тёмные.

— Я тебе обязательно расскажу, — горячо поклялась Ленка, — только потом.

— Потом будет суп с котом. Ты чего делать-то собираешься?

— Как чего? — удивилась Старообрядцева. — Макса спасти, конечно.

Ленка отправила страницу на перезагрузку, а пока ждала, что компьютер новенького покажет, крутанулась в кресле сначала слева направо, потом справа налево. Кресло послушно крутанулось, без скрипа выдержав и издевательство, и немалый вес Старообрядцевой, хотя лет ему явно прилично исполнилось: тяжеленное оно было, обтянутое толстой гладкой кожей, с железными ножками, резиновыми колёсиками — и никакого тебе пластика. Наверное, ещё Максовский отец притащил его из очередного своего кабинета, да и презентовал жене. Хотя, скорее, старший Петров выписал его непосредственно из Англии, из мастерской, со времён какой-нибудь славной английской королевы специализирующейся на крутящихся креслах, потому и не скрипело оно, и не рассыпалось, и спинка не отваливалась.

Лена искоса глянула на чуть заметно мерцающий монитор ноутбука, экран не показал ничего утешительного, Леди Бу по-прежнему собачилась с Деймоном¹⁷, доказывая превосходство одного препарата над другим. В их перепалку с завидным упорством встревал Чёрный Блэк, утверждающий, что оба лекарства морально устарели ещё во времена мамонтов, но спорщики его с таким же завидным упорством игнорировали и гнули своё. А больше ничего интересного.

— Ну что ты на меня смотришь? — Ленка ещё разок крутанулась. — Мне, может, тоже тут сидеть не нравится. А что делать?

Люка меньше всего в этом несовершенном мире интересовал данный вопрос, зато назойливое присутствие Старообрядцевой в квартире раздражало. Еду приготовила, миску наполнила, воду поменяла, туалет облагородила, что ещё надо? Ну и шла бы себе, так нет, сидит, крутится. Ни покоя, ни порядка!

— Во-первых, дома у меня компьютера нету, а искать с телефона — убиться можно, — с расстановкой пояснила коту Ленка. Хочешь ты узнать, отравили твою хозяйку или нет? — Рыжему и это было до лампочки, он лапу вылизывал. — Тварь ты не благодарная, — укорила зверя Старообрядцева. — А вот Элиза Анатольевна волнуется, переживает, по два раза в день названивает, всё о тебе спрашивает. Ей бы спокойно отдыхать в санатории. Знаешь, в какой санаторий мы её отправили? У-у, дворец! Кислородный коктейль, жемчужные ванны и сосны стеной, только Ягодки не хватает.

Люку и до Ягодки никакого дела не было, кот раздражённо отфыркнул шерсть и занялся другой лапой, задней.

— Вообще я тебе скажу, Гамлет Натанович гениальный старик, — рассматривая потолок, сообщила Ленка. — Экспертизу этих таблеток, то есть упаковки, которую я тогда наша, тоже ведь он организовал. В настоящей криминалистической лаборатории, о как! И даже не спросил, зачем мне это нужно. Хотя, кажется, он ничего не спрашивает, потому как сам всё про всё знает. Нет, потрясающий человек, точно тебе говорю! Ну вот, экспертизу-то он организовал, заключение мне отдал, а я в нём не понимаю ничегошеньки, — пожаловалась Старообрядцева. — Конечно, в справочник посмотреть у меня мозгов хватило. А толку? Ну, чего-то там не хватает, а другое, наоборот, есть. И чего? И ничего. Вот тепер сижу, жду.

«А в другом месте ты не могла бы ждать?» — недовольно пряднул ушами Люк.

— Говорю же, нету у меня компьютера. Да и не могу я целыми днями дома сидеть,

дядюшка волноваться начнёт. Вот и приходится делать вид, будто на работу хожу. Только с этим тоже надо что-то придумывать, денег совсем чуть осталось.

Кот, не удосужившись лапу опустить, пристально глянул на Ленку.

— Те, что в сейфе, они Максовские, для него и Элизы Анатольевны, нечего на меня смотреть. Вот он вернется, тогда и заплатит. Про зарплату же он ничего не сказал. А «бери сколько нужно» ещё не значит «бери сколько тебе нужно». Да и понадобятся ещё деньги-то, только на санаторий сколько ушло.

Про деньги Люку слушать было скучно. Кот мягко спрыгнул с дивана, пренебрежительно обнюхал корзинку, которую наверняка тоже вывезли из Англии специально для него, и покинул кабинет.

— Нет, ну всё-таки ты на самом деле жутко неблагодарный, — крикнула зверю вслед Ленка. — Смотри какая подушка, оборки какие! Сама бы спала, а ты не изволишь! — Дс ответа кот тоже не снизошёл. — Лучше бы сказал, где колье и папка, — буркнула под нос Старообрядцева, — ведь точно же знаешь.

В сейфе, код от которого ей Макс сообщил, среди алых, синих и даже белых бархатных, а, может, и сафьяновых коробочек, колье не нашлось, так же как и красной папки с доверенностью. Впрочем, без папки доверенность Лена тоже не обнаружила. Не было их и в запертых ящиках стола, ключи от которых лежали в лаковой японской шкатулке. Их вообще нигде не было, Ленка всю квартиру обшарила, задвинув неудобство и стыд с воспитанием за решительное «надо!». А спрашивать у Элизы Анатольевны Старообрядцева не хотела, не дай бог, наведёт хозяйку на совсем не нужные сейчас мысли. Ей отдыхать надо, здоровья набираться. Она и так, кажется, не слишком поверила, что Макс отбыл в совсем уж глухой Китай, где даже сотовые не ловят.

Плохо всё: и Элизу обманывать нехорошо, и шарить по чужой квартире гнусно, а хуже всего, что ни к чему это не привело, да и у Натановича дела ни шатко ни валко, ничего обнадеживающего на горизонте явно не маячило.

Ленка вздохнула и снова перезагрузила страницу. Среди серых окошечек с перепалкой Леди Бу и Деймона¹⁷ появилось новое, от Злобного Беса: «Валькирия, опять лохов на фуфлс развели?!» — и целая куча ржущих смайликов. Старообрядцева почесала бровь. Валькирия — это она, на форуме так зарегистрировалась, значит, на фуффло тоже её развели, получается. Вопрос, на какое? Лена же просто попросила знающих людей объяснить, что с составом лекарства не так.

Почесав ещё и нос, Ленка оттарабанила по клавиатуре: «Ага. Что, всё плохо?».

«Ты кто? Манагер? — тут же отозвался Злобный Бес. — Фирма «Рога и копыта», образование 3 класса?»

«11» — обиделась Старообрядцева.

«ППЦ!!!» — выдал Бес и завис. Зато притихшие было Леди Бу и Деймон¹⁷ немедленно скооперировались и начали матерно хаять недоучек, лезущих в фармакологию и ничего в ней не соображающих. Правда, ругали они не Ленку, а так, в пустоту возмущались, зато дружно и с полным взаимопониманием.

«Сложно по-человечески объяснить?» — набрала Старообрядцева, поняв, что конструктива не будет, а хаянье плавно, но неуклонно скатывается в ругань на какие-то аптечные списки.

«Слушай сюда, чучело, — смилостивился Бес. — В этом препарате активным веществом должно быть... — Сначала Ленка попыталась взять угрожающе чернеющий текст лихим

наскоком, потом попробовала разобрать его по частям, попыталась осознать отдельные слова, но на «юкстагломерулярном» сдалась и затосковала.

«Карочь, — встряла Леди Бу, видимо не лишённая человеколюбия. — Сырьё для этого г@вна гонят по дешёвке из загранки. На выходе получается хрень».

«То есть лекарство не действует?» — воспрянула духом Старообрядцева.

«Now lucky. Если повезёт, то не подействует, если не повезёт, то подействует и долбанёт так, что мама не горюй! — и снова россыпь смайликов. Видимо, у фармацевтов было своё, очень специфичное чувство юмора. — Предъявляй претензии производителю».

Ленка чуть было не спросила, как ей производителя узнать, но вовремя сама догадалась и захлопнула крышку ноутбука. Ну их, форумы эти, злые на них все какие-то. Спасибо, что хоть суть объяснили. И как это у сыщиков в сериалах получается: вжух-вжух — и всё узнали! А вот она почти целый день угробила практически впустую.

И вот ещё интересный вопрос: на кой ей знать, кто недействующие таблетки делает? Главное, понять, зачем Махрутка их покупала, ведь не могла же медсестра не быть в курсе, что они плохие! Или могла?

***

Странно, но дверь дядюшкиной квартиры открываться никак не желала, ключ проворачивался, замок щёлкал, но впустую, створка не сдвигалась даже на сантиметр. Сначала Ленка просто удивилась, но тут же накатила такая волна паники, что спина взмокла, очень вовремя вспомнилось, как она двигала дверью лежащее на площадке тело Макса. В смысле, самого Макса, ведь тело — это уже... А Михал Сергеич старенький, много ли ему нужно?

Старообрядцева вдарила кулаком по звонку и заколотила в филёнку ногой.

— Дядя! — заорала так, что, наверное, и в соседнем доме услышали. — Открывай! Открывай немедленно, а то я!..

Что она в таком случае делать будет, Ленка сообразить не успела, потому как за дверью зашелестело, зашуршало и тихий, какой-то сдавленный дядюшкин голос спросил:

— Елена, это ты?

— Я, я! — на радостях ещё громче заорала Старообрядцева.

— Точно ты? Ну-ка, скажи мне, кто был четвёртым генеральным секретарём?

— Каким секретарём? — опешила Лена.

— Н-да, это и вправду ты, — с неподражаемой, только одному ему присущей интонацией, отозвался Михал Сергеич. «Елена, ты удручающе глупа!» — Понимаешь, я попал в глупейшую ситуацию...

Дядюшка конфузливо кашлянул.

— Тебе плохо? Ты не можешь встать?

— Да прекрати ты орать! — неожиданно грозно, хоть и плохо слышно, рявкнул дядюшка. — Ещё не хватает, чтобы все соседи прибежали. Я с этой дурацкой штуки не могу вызвать полицию!

— Зачем тебе полиция?

— Чтобы они задержали преступника, которого задержал я! Неужели сложно понять?!

— Так. — Ленка выдохнула и постучалась лбом в дверь, благо кусачая, но толстая шапка здорово смягчила удары. — Дядя, какой преступник?

— Откуда я знаю, какой? — не без ехидства ответил Михал Сергеич. — Я у него документов не спрашивал.

— Ты можешь дверь открыть?

— Да в том-то и дело, не могу, — смущённо и совсем уж едва слышно отозвался дядюшка. — Я её комодом подпёр. Дверь в комнату шкафом, а эту комодом. И ни туда ни сюда, понимаешь! Нормальный-то телефон в спальне остался, а с этой вашей мобильной штуки ноль-два не звонится.

Ленка ахнула, осознав, что дело, кажется, и впрямь серьёзное. Комод, стоящий в дядюшкиной прихожей, двигали всего два раза в году, чтоб пыль под ним протереть, в генеральную уборку на Пасху ещё осенью. И то приходилось звать Митьку, здорового бугая из второго подъезда, который каждый раз божился, будто «больше ни в жисть», потому как «пупок развяжется». Шкаф же и вовсе никогда не трогали из-за монументальной неподъемности. А тут дядя смог один?! И куда звонить, действительно в ноль-два или сразу в ноль-три, чтоб приехали вязать впавшего в буйство, а, заодно, и в непомерную силу родственника?

— Елена, прекращай идиотничать и вызывай милицию! — непререкаемым тоном велел Михал Сергеич. — У меня в комнате содержится общественно опасный преступник!

— Ой, а что это у вас тут? — поинтересовалась совершенно неслышно материализовавшаяся на лестничной площадке Марьванна с Бароном на руках. — Леночка, ты заперла Михал Сергеича?

— Ну, пошла потеха, — пробормотала Ленка.

И потеха действительно пошла. К тому времени, как приехала полиция, а потом и вызванные ими эмчээсовцы; как brave ребята спускались на тросах, чтобы проникнуть в квартиру через окно в кухне; как убедили дядюшку, что окно это всё-таки придётся открыть и проникнут в него вовсе не ещё одни преступники, а пожарные (МЧС он не признавал и за спецслужбу не считал); как «скорая» спасла Марьванну, у которой на почве переживаний сделалось давление, а другая бригада помогла Любовь Петровне, заработавшей сердечный удар на почве соперничества заклятой подруге; как отловили сначала сбежавшего, а потом укусившего полицейского, ажиотированного Барона; как отобрали у восьмилетнего Федьки из третьего подъезда дубинку, которую он умудрился незаметно для всех спереть с ремня другого стража правопорядка; как, наконец, отодвинули сначала комод, а потом шкаф... В общем, к одиннадцати вечера картина случившегося более-менее прояснилась.

Дело было так. Михал Сергеевич, откушав чаю, в самый раз собирался посмотреть шестичасовые новости и уже даже телевизор включил, когда услышал в дверном замке подозрительное царапанье. Ленкин дядюшка был, конечно, человеком пожилым, имел серьёзные проблемы с ногами, да и видел плоховато, зато на слух не жаловался и соображал не хуже, а то и лучше некоторых молодых. Поняв, что позвонить в полицию и позвать на помощь он просто не успеет, а дозваться соседей не сумеет, потому как все на работе ещё, а от таких же стариков проку немного, Михал Сергеич решил действовать самостоятельно. Перехватив поудобнее палку, с которой он даже в квартире не расставался, старик спрятавшись за дверь и огрел вошедшего злоумышленника по черепу.

— А утюжок на него уж сам упал, — как бы извиняясь, надтреснутым стариковским голосом каялся дядя. — Племянница бельё гладила, да позабыла доску убрать и утюжок тоже, вот он и упал. И прямёхонько на преступника. — Племянница, то есть Ленка, отлично помнила, что всё убрала, да и бельё она всегда гладила в своей, а вовсе не дядюшкиной комнате, но промолчала. — Палку об него обломал, — едва не плакал немощный дедок, в которого вдруг превратился Михал Сергеич.

— С одного удара? — усомнился полицейский, разглядывая обломки буковой трости, перехваченной для надёжности медными кольцами.

— Да что там нынче за палки! — горестно отмахнулся трясущейся рукой дядюшка. — Одни опилки да клей.

А преступник на самом деле дожидался в комнате. Но и куда ему, бедолаге, деваться было, спеленатому-то по рукам и ногам. Видимо, дядюшка впопыхах не нашёл верёвки, так связал парня простынями, стянув поверх брючными ремнями, своим и преступника, и — для надёжности, что ли? — замотав ему лицо полотенцем так, что злоумышленник дышал-то с трудом, лишь мычал невнятно. Впрочем, даже его глаза фокусировались... не очень.

— Ну ты силён, дед, — восхищённо протянул полицейский, сдвигая форменную фуражку на затылок.

— Слава ВДВ, — скромно и совсем тихо отозвался Михал Сергеич, не без гордости косясь на портрет, украшающий стену.

На фото, аккуратно вставленном в рамочку ещё покойной супругой, дядя был молодым, бравым, в кожаном шлеме и с рюкзаком-ранцем за спиной.

— Вы этого молодчика знаете? — спросил другой полицейский, постарше.

— Впервые вижу, — чётко отрапортовал Михал Сергеич.

— Нет, — помотала головой Ленка.

Парня же она и впрямь не знала, лишь два раза видела и всё в обществе Виталика. Старообрядцева его бы и не узнала, если б не обсосанный чупа-чупс, валяющийся на паркете возле «стенки». Помнится, на рынке он тоже палочку от карамели гонял из одного угла рта в другой. А на лестничной площадке, когда Макса ударили, вроде бы обёртка от леденца валялась.

Значит, всё-таки Виталя? Только что ему потребовалось в дядюшкиной квартире, да ещё практически белым днём?

***

Увидав Ленку, участковый так скривился, словно у него все зубы разом заныли и даже обернулся на совершенно пустой коридор, будто сбежать хотел. Но вздохнув тяжело, набрался, видать храбрости, подошёл, недовольно пыхтя и отдуваясь, не без труда выудил из кармана амбарную связку ключей.

— Ну что тебе опять нужно, Старообрядцева? — проворчал, безрезультатно пытаясь вставить ключ в замок и всё мимо попадая. — Что ты всё сюда ходишь? Как на работу, ей богу.

— Всего-то третий раз пришла, — тихо напомнила Лена.

— Уже третий раз! — раздражённо рыкнул Григорий Григорьевич по фамилии Порывай и уставился на непослушный ключ, будто впервые его видя. — Думаешь, дел у меня других нету, кроме как с вами разбираться? Да делу у меня... во! — участковый с силой хлопал себя по апоплексической багровой шее. — Русским языком тебе сказано, идёт доследственная проверка. Поняла, что ли? Ну и ступай себе. Иди, иди. Видишь у меня того... работа.

— Не вижу, — вконец обнаглела Ленка, отобрала у полицейского связку, подвинув весьма упитанного дяденьку плечом, и, отыскав нужный, открыла хлипкую дверцу. Из кабинета пахло холодом, будто из подвала, и застарелым табачным перегаром. — Вы бы поговорили со мной, Григорий Григорьевич, объяснили бы всё, я бы на самом деле пошла и вас больше не беспокоила.

— Между прочим, Старообрядцева, на тебя тоже сигналы поступали, — привыкся участковый, видимо обиженный Ленкиной самостоятельностью. — Ты где прописана-то? А живёшь здесь. Вот то-то!

— Так у меня временная прописка есть, за квартиру мы с дядей за двоих платим. И трудовая книжка у меня имеется.

— Умные все какие стали! — осерчал Григорий Григорьевич. — Кошек с собаками кто подкармливает на регулярной основе? А они потом в подъездах и подвалах гадят! И эту разносят... как её? Заразу!

— А если я их перестану подкармливать, то они гадить не будут? — удивилась Ленка, но увидев, как багрянец переползает с шеи полицейского на его же мясистый затылок, а там и на лоб, зачастила испуганно. — Вы просто поговорите со мной, Григорий Григорьевич. Вы же даже фамилию мою уже запомнили. Ну, в самом деле, что я сюда третий день хожу, только мешаю? Кстати, я не одна пришла.

— Кого ты ещё притащила? — по-бычьему крутанул шеей полицейский.

— Взятку, — выпалила Старообрядцева и испуганно примолкла.

Ей показалось, что участкового сейчас удар хватанёт. А ежели не хватанёт, так сгрёбёт он Ленку за шкварник, да и спустит с лестницы. Или в тюрьму запрёт, что, конечно, ничуть не лучше.

— Ты совсем, что ли, с глузду съехала? — неожиданно спокойно поинтересовался Григорий Григорьевич. Ленка, обеими руками прижимая к животу набитый пакет, рьяно помотала головой, мол нет, не съехала, не совсем. — А чего тогда?

— Я... Я сейчас, — тихонько пообещала Старообрядцева и бочком, бочком протиснулась в сумрачный кабинет.

Там дело пошло веселее, потому как стол участкового оказался девственно пуст и ничто не помешало сноровисто расстелить скатёрку; расставить тарелки с солёной капусткой, домашними маринованными грибочками, заранее нарезанным салом; положить ложку с вилкой в салфетке, налить из пузатого термоса ещё парящий борщ. Кастриюлю с картошкой и котлетами, предусмотрительно завёрнутую в шерстяной платок, Ленка отставила в сторону и, стесняясь, не вынимая из пакета, продемонстрировала Григорию Григорьевичу горлышко бутылки.

— На апельсиновых корочках, что ли? — подозрительно повёл носом участковый.

— На ореховых перегородках, мама настаивает, — призналась Старообрядцева. — И самогон сама делает. Слеза младенца.

Полицейский подумал, пригладил лысину и махнул рукой: да пропади оно всё пропадом!

— А хлебушка нет? — спросил смущённо, пристраивая немалое пузцо за столом.

— Есть, конечно. И ещё пирожки. Сладкие и с ливером.

— Ну ты даёшь, — оценил Григорий Григорьевич и, лихо махнув стопку «слезы младенца» на ореховых перегородках, зажав ложку в кулаке, принялся шумно и жадно хлебать борщ, напомнив мигом расчувствовавшейся Ленке бездомного пса.

А что ему? Правильно сказала Марьянна: живёт бобылём, жена-то от него когда ещё ушла. На ногах целый день носится и не поест толком, да и кто сготовит? Вот и ходит голодным, бедолага, язвой мается.

— Ты там чайник поставь, — велел разомлевший участковый, разминая сигарету. — Сейчас и пирожки твои уговорим, только вот остальное уляжется чутка. Эх, вот смотрю я на

тебя, Старообрядцева, хорошая же баба, душевная, а связалась с бандюганом.

— Это с которым? — уточнила Ленка, наливая из под крана желтоватую воду в древний электрический чайник.

— Оба хороши, — деликатно рыгнул в кулак Григорий Григорьевич. — Сначала тот, с рынка, а потом этот. С самого следственного комитета о тебе справки наводили. Что, решила богатого захомутать? Да вот, видишь, проворовался твой богатенький. Ну ладно, ты не смурней. Чего узнать-то хотела?

— Да по нашему делу, — Старообрядцева пристроилась на краешке стула, смиренно сложив руки на коленях, — на счёт того вора.

— А нет пока никакого дела, говорю же, — прищурил от сигаретного дыма глаз участковый. — Идёт доследственная проверка.

— Это как?

— Да вот так. Надо ж сначала выяснить, был ли факт преступления. Может, этот, по башке твоим дядькой трахнутый, никакой не злоумышленник, а наоборот, ухажёр твой? И ключики ты ему сама дала. Свидание, значит, назначила.

— Никому я ключи не давала! — возмутилась Ленка. — Говорила же уже. И этого не знаю.

— Разберёмся, — отмахнулся Григорий Григорьевич, гася окурок, и потянулся к пирогам.

— А вот вы говорите, проверка. Как же проверка, если его уже посадили?

— Не посадили, а задержали, — веско поправил участковый, разом откусывая половину пирога. — До выяснения. Да и то потому, что оказал сопротивление, засандалил там одному в глаз, нервный такой. И личность у него не очень, мутная. На первый-то взгляд чист, как твоя на перегородах. Налей-ка мне ещё, уж больно хороша штука. Ага, так вот. Документики у него в порядке и ничего за ним не числится. Но, как полагается, поднял я старые ориентировочки и примерещилось мне, что-то уж больно морда этого смахивает на другого. Кстати, не знаешь ли ты такого Кашина Валерия Сергеевича?

— Не-ет, — протянула Ленка, — первый раз слышу. А что он сделал?

— Да с соучастницей своей бабулек с дедульками грабил. Она в СОБЕСе[1] работала и, понятное дело, знала, где старички золотишко хранят, когда пенсию приносят, ну всё такое. И подельнику своему наводочки давала. Уколет бабке сонного, сама уйдёт, а этот Кашин в квартиру проникает и чистенько её обносит.

— А разве работники СОБЕСа уколы делают? — усомнилась Ленка.

— Ну не собеса, — не стал спорить разомлевший Григорий Григорьевич. — Может, сестра... Как их там? — участковый с завыванием зевнул. — Патронажная, что ли? Не помню я. Вот имена с фамилиями как на духу, а всё остальное... Профессиональный перекус. Твоему дядьке-то кто ходит уколы делать?

— Да нет, сами справляемся.

— Значит, в другом месте собака порылась. Думай, Старообрядцева, чего этому деятелю в вашей квартире понадобилось, да так, что кровь из носу. Дядька-то твой из дома не выходит? Значит, этот знал, что с ним столкнётся и не побоялся на дело идти. Что загадочно. Обычно они профиль не меняют, домушник на себя мокруху вешать не станет, если совсем не припрёт, потому как сроки ой какие разные. А раз рискнул, то, получается, ждал, что куш будет ну очень приличный. Чего там у вас запрятано? Золото, алмазы?

— Алмазы запрятаны, да не у нас, — задумчиво протянула Ленка.

— Чего говоришь? — ословело заморгал участковый.

— Да это я так, — замела хвостом Лена. — А как, говорите, звали эту наводчицу из СОБЕСа? Или не помните?

— Почему не помню. Говорю ж, на имена у меня память, что у твоего слона. Махрутина Мария Степановна. Или Семёновна, что ли? Знаешь её?

— Нет, не знаю, — призналась Старобрядца.

— И ничего-то ты не знаешь, — сладко зевнул Григорий Григорьевич, поскрёб шею и глубокомысленно добавил: — Джон Сноу.

С этим спорить было сложно, тем более про Сноу Ленка не очень поняла. Но, честно говоря, такое положение вещей начинало всерьёз раздражать.

***

Концы с концами никак сходитья не желали. Да что там! Они просто расползались в разные стороны, вот будто она держала моток, в котором все нитки рваные, да ещё и перепутанные. Потянешь за одну, так только ещё больше узлов наделаешь, а толку никакого.

Ну вот, допустим, та наводчица Махрутина и Махрутка, которая за Элизой Анатольевной присматривала — один и тот же человек. Может быть такое? Почему бы и нет, ведь прозвище часто по фамилии дают, а тут Махрутина — Махрутка. Правда, хозяйка как-то оговорилась, что в деревне, куда их эвакуировали из Ленинграда, «махрутками» звали перезрелых девушек, таких, кто в невестах засиделся. Да ещё Элиза людей по кличкам обычно и не звала. Но это частности и совпадения, их можно и не считать.

Та, то ли медсестра, то ли работница собеса колола бабушкам снотворное, а подельник их потом обворовывал. Махрутка же вроде как подсовывала Элизе лекарство, которое не сработало по чистой случайности — тоже похоже. Но квартиру-то Петровых никто так и не обворовал! Ладно, в сейф залезть не сумели, но ведь в кабинете, под пресс-папье, лежали деньги «на хозяйство» и довольно прилично, а в спальне на тумбочке нетронутыми остались Элизина цепочка и два колечка. Их то почему не взять, раз другого нету? Не сходится.

А в дядюшкиной квартире что искать собирались? Не пенсию же, да и на карточке она. Невесть куда задевавшееся кольцо индийской богини? Но у Элизы Анатольевны других драгоценностей полно, правда, в сейфе. И не могла Махрутка про него ничего знать, хозяйка даже Максу про парюру не рассказывала, только тогда, вечером. И вряд ли она или сам Петров потом бросились в семейные истории медсестру посвящать. Опять не сходится.

Ленка осознала, что стоит на площадке между лестничными пролётами и, наверное, уже давненько, только когда пальцу больно стало. Просто вот так задумалась, что не заметила, как обкусала кожицу вокруг ногтя до крови.

— Королева Клара строго карала Карла за кражу коралла, — буркнула Старобрядцева, зализывая ранку. — Фигня какая-то выходит.

— Лена? — раздалось сверху, из-за перил.

— Блин! — буркнула девушка, задирая голову.

Андрея видно не было, но перед Максовой квартирой завозилось шумно и тяжело, будто медведь в берлоге ворочался.

— Вы меня видеть не рады, — очень грустно констатировал красавец.

— Я вас не ожидала увидеть, — честно призналась Ленка, подумала и всё-таки уточнила: — Тут.

— А я как раз вас ждал.

— В квартире Макса?

— Строго говоря, у квартиры Макса, я здесь на полу сижу. Гамрет... Не... Гамлет Натнович сказал, что вы зайдёте. Вот, жду.

— Да, мне кое-что из вещей нужно взять, — пробормотала Старообрядцева, медленно, держась за перила, поднимаясь. И начиная подозревать нехорошее. — Оказывается, в тюрьме нужно очень много. Даже больше, чем в больнице.

— А мне в тюрьму вы будете передачи носить?

Андрей сидел на верхней ступеньке, прямо на грязном кафеле, не жалея ни расстёгнутой щегольской куртки, ни джинсов. В руках, свесившихся между колен, болталась ополовиненная бутылка, солидная и очень заграничная даже на вид.

— Только не спрашивайте, что со мной, — кривовато усмехнулся блондин, резко, но не слишком уверенно мотнув головой, откидывая чёлку.

Ленка помолчала, поглаживая травмированным пальцем щель на разохшихся перилах.

— Вы тоже в тюрьму собираетесь? — уточнила, в конце концов.

— Ну а как вы думали? — Андрей изрядно отхлебнул из бутылки. — Мы же с Максом... — Блондин сцепил указательные пальцы, едва не пролив виски на собственные колени, но, кажется, даже этого не заметив. — Как пёс и его хвост.

— Интере-есное сравнение...

— Паж вам больше нравится? Верный оруженосец? Слуга? Мальчик на побегушках?

— Может, вам такси вызвать? — тихо предложила Ленка.

— А зачем?

— Домой поедите.

— А зачем? — с пьяным упорством повторил красавец, пятернёй прочесав волосы. — Чтоб всю ночь думать, как из этого дерьма вылезти и его вытянуть? Так всё равно ничего не придумаю. Не умею я, Лен. Это он, Макс, у нас голова, а я так.

— Ну не сидеть же здесь всю ночь.

— Знаете, как я в одной школе с ним оказался? — вскинулся Андрей. — Школа-то, понятно, не из простых. У меня мать туда устроилась уборщицей. Уборщицей и гардеробщицей. — Он снова отхлебнул прямо из горла, запрокинув голову. Остро пахнуло спиртом. — А для детей сотрудников была к... — блондин сдержался, прижав кулак ко рту, — квота. Вот так вот. Там все такие мажоры-мажоры и я, сын полкомойки. Но нет, меня пальцем не трогали, не думай! Как же, Петров же сказал, чтоб!.. Ему и тогда все в рот глядели, а я... Знаешь, я смотрел на Элизу и не понимал, ну вот как так? Ну вот как?! — Красавчик развёл руками. — Она ж тряпку никогда в жизни не держала, пальчики белые, ноготки розовые. У них шоколадные конфеты просто так лежали, в вазочки. Бери и ешь сколько хочешь. Представляешь?

— Андрей, ну правда...

— Тебе меня жалко? — Блондин недобро глянул из-под чёлки. — Им тоже меня жалко было. Макс отец из командировок всегда два набора привозил, одинаковых. Ему джинсы и мне такие же, ему рубашку и мне. На день рождения, в шестнадцать, часы подарил. Одинаковые. — Андрей задрал рукав куртки, демонстрируя часы, которых Ленка толком не разглядела. — А я при Максе был. Ну да, это круто! В тусовку к Петрову попасть! Помню, в десятом, я в Аньку Звереву... Так она мне сама на шею прыгнула, с разбегу. Ну а потом на него. Ему-то что? Ему пофиг, что Анька, что Машка, что Степашка. Лёля, Лёля, девушка с поля.

Он снова хлебнул.

— Андрей... — ещё разок попробовала Ленка.

— Я в химтех-то пошёл, потому что меня туда папаша Петров пропихнул. — Блондин её явно не слышал. — Я эту химию до дрожи ненавидел, не понимал в ней ни хрена. Да и сейчас не понимаю. Вот бумашки-фигашки, раскладные-накладные — это моё, а Макс в них не рубит, вот и вляпался. Говорил же ему, так не слушал. Ну и свистит себе.

— Всё, Андрей, хватит, — решительно заявила Старообрядцева. — Я вызываю такси и вы едете домой. Вам выспаться нужно.

— А, может, к вам?

Блондин опять глянул из-под чёлки, только теперь не зло, а эдак хитровато.

— Не может, — отрезала Ленка.

— Облом, — констатировал Андрей, не без труда поднимаясь, поправляя сползшую с плеча куртку. — Да я и не надеялся. Такая, как ты... Ну и опять Макс, понятно.

— Такая, это какая? — не успев язык прикусить, брякнула Старообрядцева.

Красавец ей ничего не ответил, аккуратно пристроил недопитую бутылку на ступеньку, наклонился, медленно, едва касаясь, провёл ладонью Ленке по щеке, задержавшись большим пальцем на нижней губе.

— От меня, наверное, вискарём несёт, — спросил почти шёпотом. Лена растерянно кивнула. — Спасать Макса надо. Он там не выживет. Не привык, — в полный голос заявил Андрей, выпрямляясь. — А я пошёл.

— Вам нельзя за руль! — запоздало крикнула Ленка ему в спину.

Блондин, не оборачиваясь, поднял руку, помахал на прощание.

— Один раз похоронить дешевле, чем десять лет передачи таскать, — откликнулся уже снизу.

Громко хлопнула подъездная дверь, а Старообрядцева так и стояла, тупо глядя на почти пустую бутылку, которая почему-то показалась ей очень одинокой.

[1] СОБЕС — устаревшая аббревиатура, «социальное обеспечение»

Говорят, если звёзды зажигаются, то это обязательно кому-нибудь нужно. Правда, Ленка не очень понимала, при чём тут потребность, можно подумать, эти самые звёзды спрашивают, зажигаться им или нет, они же сами по себе, а люди сами по себе. Ну да не суть, чай, не дурак такое придумал, значит, своя сермяжная правда и тут есть. А вот если смысл в том, что звездени вламываются в твою квартиру с утра пораньше и нужно ли это кому, кроме, понятно, самих звёзд? Вот Старообрядцева без эдаких сюрпризов точно бы обошлась.

— Ну и чего уставилась? — недобро усмехнулась Степашка.

— Любуюсь, — призналась Ленка и меланхолично почесала щиколоткой левую лодыжку, раздумывая, стоит ли сразу дверь захлопнуть, да ещё и коленкой поддать или всё-таки попросить негаданную визитёршу отойти хоть на шаг, а то уж слишком близко к порогу стоит, может и поймать аккуратным носиком створку.

— Налюбуешься ещё, — щедро пообещала певичка. — Впустишь, что ли, или нет? Только не говори, что не одна.

— А если так?

— Да кто у тебя может быть? — поджала блескучие губки Степашка, — не старпёр же твой. Знаю, что ты его в санаторий оздоравливаться отправила и даже знаю в какой. Давай, поговорить надо.

— Мне с тобой разговаривать не о чем.

— Зато мне есть о чём, — категорично отрезала красотка и, не слишком церемонясь, оттеснила Ленку плечиком, да так решительно, что та невольно в сторону подалась, хоть и была едва не на голову выше, да и вообще, из Старообрядцевой можно было пару таких вот Степашек слепить, ещё и на заготовку третьей бы осталось.

Да, права мама, наглость на самом деле даже не второе, а главное счастье.

— Куда идти? — осведомилась певица, оглядываясь с таким призрением, будто не в приличную квартиру попала, а на помойку.

— Кухня там, — сдалась Ленка.

— Спасибо, что не в сортир приглашаешь, — скривилась красотка и пошлёпала, куда сказали.

Даже сапоги не сняла. Хотя, говорят, в Европах и Америках разуваться в гостях не принято, но ведь у них там зимой дорожки песком с солью не посыпают. Опять же, например, в Японии даже перед входом в туалет тапки переобувают, почему бы с них пример не брать?

— Чаю нальёшь? — спросила Степашка.

— Нету, — развела руками Ленка, вставая у подоконника.

— Да и чёрт с тобой, — певица провела беленькой кожаной перчаткой по табуретке, внимательно изучила, что на ладони после проверки осталось, то есть ничего, и решила всё-таки сесть. — Мне с тобой тоже общаться радости мало. Давай чётко и ясно, сколько тебе для счастья надо?

— Чего сколько мне надо? — осторожно уточнила Старообрядцева, наматывая кухонное полотенце на кулак.

— Пять штук хватит?

Ленка подумала и размотала полотенце.

— Пять штук чего? — спросила ещё осторожнее.

— Тугриков, — фыркнула Степашка, — китайских.

— Вообще-то тугрики в Монголии.

— Не придуривайся, — опять поморщилась красotka. Кстати, мины у неё выходили странными, губы то кривились, а вот лоб с бровями не двигались совершенно, зато щёки натягивались, будто резиновые. — Я тебе даю пять штук евро, а ты мне ключи от квартиры старухи. Не насовсем, не бойся, через час обратно их получишь.

— Старух много, — протянула Ленка, снова наматывая полотенце, и исподтишка рассматривая Степашку.

Ну точно, певичка явно успела уже справиться своё шестнадцатилетние, причём как минимум дважды. Впрочем, у каждой женщины свои секреты.

— И у тебя от каждой ключи? Кончай придуриваться, — Степашка хлопнула ладонью по столу. — Хочешь заработать, гони ключи от Элизиной квартиры.

— Не хочу, — ещё подумав, призналась Старообрядцева. — В смысле, заработать не хочу.

— Ты издеваешься, что ли? — почти прошипела красotka.

Ленка опять немножко подумала и кивнула, а певица аж задохнулась, совсем по-рыбьи шлёпнула пухлыми губками, вытаращила глаза, покраснела, очень некрасиво, пятнами и... сникла, так ни слова и не сказав. Видимо позабыв про убогость обстановки и больше не боясь испачкать белую шубку, оперлась локтями о кухонный стол, ткнулась лбом в сцепленные замком руки.

— Мне нужно найти эти долбаные бумаги, — выговорила глухо. — Иначе хана.

— Теперь уже не драгоценности, а бумаги? Большой человек снизил ставки? — поинтересовалась Ленка совсем не ехидно и почти без язвительности, ну, может, чуть-чуть подпустив яду.

— Да чтоб ты понимала, — огрызнулась красotka, но получилось у неё как-то так, что Старообрядцева отложила измочаленное полотенце на подоконник, села напротив, накрыла тесно сплетённые пальцы Степашки ладонью.

— Может, расскажешь всё толком? — предложила Лена негромко. — А там придумаем, как быть. Что за бумаги-то? Доверенность?

— Да какая доверенность! Я сама толком не знаю, какие-то документы... Всё из-за старухи этой, чтоб она сдохла! Слушай, у тебя водка есть?

— Водки нет, а чаю сейчас сделаю. Ещё рогалики остались, с малиновым джемом. Будешь?

— Какие рогалики? — певица выпрямилась, усмехаясь совсем невесело. — Да мне стоит только посмотреть на булку, как жопа расти начинает. Исключительно здоровое питание, сбалансированные белки с углеводами, долой глютен.

— Кстати, а что такое этот глютен? — спросила Ленка, ставя чайник на огонь. — Вот всегда интересно было, да спросить забывала.

— Да фигня из зёрен, — как-то очень обыкновенно, совсем по-человечески отмахнулась Степашка. — Короче, что из муки сделано, того в рот брать нельзя.

— Даже хлеба, ну хоть чёрного? — изумилась Старообрядцева. — Как же без него-то? Не наешься же.

— По тебе-то сразу видно, не голодаешь, — опять скривилась Степашка.

— Каждому своё, — пожалала плечами Лена, накрывая заварочный чайник собственноручно пошитым колпаком в весёлых горохаха и бантиках. Певица пробормотала что-то смахивающее на: «Какая пошлость!» — и отвернулась, видимо, сил у неё не было на такую красоту смотреть. — Так что там с бумагами, Оль?

— Я Лёля! — зло процедила красавица. — Лёля! Сложно запомнить?

— Да хоть Маня, — покладисто согласилась Ленка. — Никаких ключей я тебе не дам, конечно. Кстати, квартира Элизы Анатольевны теперь на сигнализации, Гамлет Натанович озаботился. И код, понятно, не скажу, а его знаю только я, он каждый раз меняется. Так что ты мне просто расскажи, что и как, а там чего-нибудь придумаем.

— Чего ты придумать можешь, корова?

Это Старообрядцева комментировать не стала, просто разлила чай по чашкам, достала подогретые рогалики, вазочку с маминым вареньем, сливочное масло, хоть и не деревенское, но тоже хорошее, и снова уселась на табуретку, проникновенно глядя на певицу.

— И чего ты на меня вылупилась? — рявкнула красотка.

— Жду.

— Чего ты ждёшь?

— Когда ты о своих проблемах расскажешь.

— Да что ты о моих проблемах можешь знать? — взвизгнула Степашка и оттолкнула от себя чашку.

Только что заботливо заваренный Ленкой чай, выплеснулся через край щедрой волной, залил стол. Вот только полы в старой дядюшкиной квартире были тоже старыми, а оттого неровными. Под ножки мебели даже приходилось туго свёрнутые газетки подкладывать, чтобы не шаталась, правда, помогало это мало. Поэтому горячая лужа разлилась ручейками, да и потекла на Степашкины коленки, обтянутые тонкими чулочками. Красавица взвыла, вскочила, снеся табуретку, и разревелась белугой.

***

Оказалось, успокаивать истерящих певиц — дело посложнее, чем животину из болота вытаскивать. Конечно, с бегемотами Ленке раньше дела иметь не приходилось, а вот Тетьмашину корову Аиду из трясины, оставшейся после разлива Мухлоньки, тянули всем селом и если бы не Колька со своим трактором, и не вытянули бы, да и так замаялись все. А сейчас Старообрядцева с большим удовольствием променяла б рыдающую Степашку на застрявшую Аиду и даже бодливую Зорьку Красновых.

Успокаиваться красотка никак не желала, редела, захлёбываясь, с волчьими подвываниями, стучала зубами о край подсунутого Ленкой стакана с водой, саму её, лезущую обожжённые колени хоть полотенцем промокнуть, отпихивала, и говорила, говорила. Правда, Лена мало что разбирала, певицины икота со всхлипами мешала. Ясно, что во всём виноват её дед — не Старообрядцевой, а Степашкин — потому как у него деньжищ куча, а им, то есть Лёле и её родителям, дед ни копейки не давал, на что-то рассердившись, гад такой и эдакий и дальше чистейшим матом. И когда несчастную будущую певицу из школы за что-то вышибли — за что, осталось непонятым — «бабок» не дал, пришлось страданице в медучилище идти, за старухами судна таскать. Дальше было снова неразборчиво.

В общем, устала Ленка и замучалась, а замучавшись, разозлилась так, что... Короче говоря, на неё снова «накатило», Старообрядцева отставила наполовину выпитый, а наполовину разлитый стакан, присела перед бьющейся Степашкой на корточки, да по-

просто, по-деревенски, отвесила ей хорошего «леща».

— Сдурела? — неожиданно спокойно, а, главное, без всяких всхлипов, спросила певица. — Тебя прямо здесь урыть?

— Умоешься? — вынесла контрпредложение Лена.

Степашка утёрла нос некогда белым, а теперь разноцветным от помады, туши и бог знает чего ещё рукавом шубки, но промолчала.

— Как же ты из медучилища в певицы-то попала? — Старообрядцева уселась прямо на пол, сложив ноги по-турецки. — Я вот пробовала в актрисы, не получилось.

— Потому что ты дура, — припечатала Степашка и длинно всхлипнула. — Дед расщедрился, когда мама умерла, он же мамин отец. «Свою голову я тебе не приставлю, Олечка!» — скроив жуткую физиономию, передразнила кого-то певица. И хорошо, что певица, а не актриса, потому что получилось у неё ни на что не похоже. — «Хочешь задницей трясти, воля твоя, Олечка. Только больше не влипай никуда!» Козёл!

— А куда ты влипла?

— Да куда я только не влипала, — устало вздохнула Степашка, снова утираясь рукавом. — А теперь шаг в сторону — расстрел. Конечно, кошелёк-то у него.

— Сейчас-то зачем тебе его деньги? Ты же уже... того, — Ленка неопределённо покрутила пальцем.

— Это ты того, дура деревенская! Знаешь, сколько надо, чтоб хоть во втором эшелоне крутиться? — вызверилась Степашка. — Каждый клип ни один десяток штук стоит и не тугриков, между прочим. За всё плати, за эфиры плати, за ротацию плати! А нет ротации[1], так тебя и не знает никто! Надо ж из каждого утюга петь, а то мигом забудут.

— Я думала, это вам платят...

— Ага, платят! Догонят и ещё раз заплатят! Много я заработаю за то, что задницей потрясу в клубе «Ночной Задрипинск»? Да ещё девок развелось, как собак нерезанных! Сами соплюхи, но тоже с сиськами, письками и задницей! Пойди, поконкурируй!

— А талант? — эдак ненавязчиво спросила Ленка.

— Ты совсем дура, да? — с жалостью уточнила Степашка. — Это же шоу-бизнес, детка. В нём за картинку платят. Может, у них, в Америке, и за талант, а у нас... Чтобы в топ выбиться, немеренные «бабки» нужны. А где их возьмёшь? Вот и приходится перед дедом стелиться. Если я эти траханые документы не найду, то хрен мне, а не деньги на клипак.

— Да что за документы-то?

— Не знаю я! — красотка вскочила, едва не пнув Ленку, метнулась к окну, обратно, чуть не снеся мойку, застыла посередине кухни, вцепившись в волосы. — Не знаю! И дед толком не знает. Ему эта старуха, Элиза которая, позвонила, сказала, что есть какие-то доказательства, что дедова мать ювелирку спёрла или типа того, а, может, вообще кого-то грохнула. Он тоже особенно в подробности не вдавался. А что за доказательства, непонятно. Дед про какие-то эвакуационные списки говорил, вроде по ним вычислить можно. Не знаю, короче, но документы точно старые, понимаешь?

— Это-то я понимаю, — послушно покивала Старообрядцева, глядя на Степашку снизу-вверх. — Только зачем они твоему деду? Дело-то действительно древнее, какая разница, откуда эти украшения взялись?

— Ага! Это тебе никакой разницы, — хрипло хохотнула Степашка, — а ему очень даже разница есть. Дедуля-то всем плетёт, мол, он из потомственных аристократов и цацки фамильные, отпредков достались. А тут окажется, что его маменька их спёрла! Прикинь,

какой скандал будет?

— Честно говоря, не совсем прикидываю. Он у тебя кто? Претендент на трон Романовых?

— Он у меня ба-альшой человек, целый господин Сапунов, — скривилась певица. — Председатель дворянского собрания и депутат, ратующий за меценатство. Ты бы его послушала, вот кто поёт-то соловьём. Старикам надо помогать, особенно ветеранам, у него ж родители рука об руку всю войну прошли! Дворяне должны заботиться о простых людях, как это предки делали! Фабриканты обязаны строить храмы с музеями! Тьфу, его слушаешь, так уши вянут!

— Поня-атно, — глубокомысленно протянула Ленка, раскачиваясь, ухватившись за собственные щиколотки. — Репутация дело такое...

— Так ты найдёшь эти чёртовы документы? — даже и не спросила, а, скорее, потребовала Степашка. — Иначе мне кирдык, понимаешь?

— Я поищу, — пообещала Старообрядцева, точно знающая, что никаких документов в природе не существует. — Давай так, услуга за услугу. Ты как на юбилее Элизы Анатольевны очутилась?

— Как-как! — немедленно окрысилась красавица. — Ногами пришла. В смысле, на машине приехала.

— Ладно, переформулируем вопрос, — Ленка потёрла лоб. — А зачем ты туда приехала? Вроде не твой формат.

— Ну, я с Максьюшей давно уже познакомится хотела, а тут такой повод, — мечтательно мурлыкнула красотка. — Слушай, у тебя здесь зеркало есть вообще? Я, наверное, фиг знает на что похожа. Где у вас ванна?

Ленка рукой показала где, поджала ноги, пропуская красотку мимо себя, и почесала бровь.

— А зачем тебе с Максом знакомится? — крикнула вслед певичке.

— Ну ты совсем, что ли, дура? — не очень разборчиво за шумом хлынувшей из крана воды, но уже привычно, откликнулась Степашка. — Он же такой мужчина, та-акой...

— Какой? — сама у себя спросила Ленка.

— Я в него сразу втрескалась по уши, как только увидела, представляешь?

— И где ты его увидела?

— Не помню, где-то. Да на тусовке какой-нибудь, где ещё? А тебе-то зачем?

— Да вот хочу научиться цеплять та-аких мужчин.

— Ну-у, тебе это не грозит, — вынесла вердикт вышедшая из ванны Степашка, — не твой уровень. Значит, ты мне звякни, как бумаги найдешь. О'кей?

— Хоккей, — согласилась Ленка, не вставая с пола.

И вот вопрос: кто тут на самом деле дура? Или просто некоторые считают себя настолько умнее и хитрее окружающих, что даже не подозревают о наличии мозгов у других?

***

Всё-таки быть одной — это очень грустно, особенно вечером, когда окна заливают чернильная темнота, не столько разжиженная, сколько сгущённая пятнами освещённых окон дома напротив. Остаётся лишь смотреть на них и завидовать: у тех, кто за этими окнами, всё наверняка хорошо, ужинать собираются, а потом пить чай и вместе телевизор смотреть. Может, кто-то даже ссорится легонечко, просто так, от дневной усталости, не понимая,

насколько это здорово, гораздо хуже, когда и поругаться не с кем. Сидишь в пустой квартире и мерещится, будто в комнатах холоднее стало — и это тоже от одиночества, а ничего не поделаешь, даже позвонить некому. С Элизой Анатольевной сегодня уже говорила аж два раза. Дядюшка трубку принципиально не берёт, дуется, что неблагодарная племянница услала «к чёрту на кулички, чтоб там его окончательно угробили», то есть в санаторий, на свежий воздух, к диетическому питанию, лечебным процедурам и подальше от дома, где стало как-то слишком уж беспокойно. Маме звонить — только тревожить, она сразу поймёт, что с дочкой неладное творится. И Светланке не до подруги, у неё сейчас самый разгар рабочего дня, вернее начало рабочей ночи. А до Макса не дозвонишься, хоть узвонись.

Вот и броди от окна к окну, смотри на чужой свет, кутайся в кофту, да вздыхай усталой лошастью от жалости к себе, такой всей неприкаянной. Хочешь, по дядюшкиной квартире слоняйся, хочешь, по Элизиной, даже по Максиковой можно, ключи есть, только в неё Ленка зайти так и не решилась, побоялась, сама не понимая чего. А ведь, наверное, стоило бы сходить, хоть проверить как там... Ну, выключен ли газ, например. Нужное же дело, вдруг действительно плита подтекает? Так и до беды недалеко!

Поняв, что у неё есть важное, нужное, а, главное, срочное дело, Старообрядцева заторопилась, так заспешила, что надела правый ботинок на левую ногу, а потом долго притоптывала на пороге, не понимая, чего это так неудобно. Пришлось переобуваться, порывивая от нетерпения, а по лестнице Ленка взлетела, перепрыгивая через две ступеньки: газ дело опасное, за ним глаз да глаз нужен!

Только у самой петровской двери она притормозила, сообразив, что за квартирой и без неё есть, кому приглядеть, той же Степашке, например. Лена помялась, ногой поправив коврик, до ужаса похожий на газонную травку и, наконец, сообразив, нажала на кнопку звонка. Там, с той стороны, по-прежнему было тихо, только после негромкой звонковой трели тишина стала какой-то напряжённой, настороженной, выжидающей. Старообрядцева задумчиво брякнула ключами в кармане кофты, обернувшись на пустой лестничный проём, сумрачный и загадочный под светом экономной лампочки.

— А ну пошла отсюда! — раздалось грозное за дверью слева. — Ходят всякие, бутылки швыряют. Пошла отсюда, говорю! Я уже в милицию позвонила!

— Да это я, тётъ Нин, — отозвалась Ленка. — Михал Сергеича племянница, Лена.

— Ой, Леночка, — обрадовались из-за двери, загремели замки, и створка открылась на ширину предусмотрительно накинутой цепочки, показав любопытный старушечий нос, сучком торчащий из-под накинутой на голову вязаной шали. — Я тебя и не признала сослепу. А то смотрю, ходят тут и ходят, прям замучили.

— А кто ходит-то, тётъ Нин? — уточнила Старообрядцева.

— Да кто ж их знает? Мне, чай, не докладываются, — неодобрительно поджала тонкие губы старушка. — Вот сроду такого не было, а теперь ужас сплошной и дикий. Давеча смотрю — ба-а! — на лестнице-то бутылка стоит, да пустая. Не иначе как бомжи в подъезд повадились, теперь ведь не отводишь! Ты их не видала, Леночка?

— Не-ет, — протянула Ленка, не слишком успешно маскируя смешок под кашель. Просто Андрей со своей щегольской курточкой и чёлкой мультяшного злодея очень бы, наверное, удивился, если б узнал, что его с бомжом спутали. И поделом, нечего виски по чужим лестницам распивать. — А больше никто не ходил?

— Была, была. Девица какая-то была, вся из себя такая фря, к соседу шастала. Я его и спрашиваю: «Неужто, Максюш, жениться надумал?» А он мне и отвечает эдак со смешком:

«Мне, — говорит, — тётя Нин, спокойствие дороже». А я ему: «Ну и правильно, такая-то что? Ни борщ не сварит, ни котлеток не навертит, одни каблучища и губища!». А он...

— Тётя Нин, а давно вы ту девушку видели? — совсем невежливо перебила Ленка, которой про губы слушать ну совсем не хотелось.

— Да уж давненько, — призадумалась соседка. — Понимаешь, дело-то какое, мальчишки, паразиты, залепили своей жувачкой глазок и теперь вот сижу, трясуся. А вдруг чего? Вон дядьку-то твоего чуть не пристукнули, не дай бог, ко мне придут, а тут и не видать ничего. Попробовала сама отковырнуть, да куда там, пакость заграничная намертво прилипла. Я внуку-то звоню, говорю: «Отдери, страшно ж!», а он мне: «Приеду, баб, как дела переделаю». Дела, вишь, у него, а ты тут сиди под дверью, трясись, бди. Вот молодежь пошла! А ты-то тут чего, Леночка?

— А меня Максим Алексеевич попросил цветы полить, — ляпнула убаюканная старухиной воркотнёй Ленка.

— Ну-ну, — явно не поверила тётя Нина, — цветочки, значит. Дело хорошее. А других-то девиц нет, не было, лишь фря та. Точно тебе говорю.

— Вот и хорошо, — буркнула себе под нос Старообрядцева, решительно доставая ключи. — Других нам и не надо.

Дверь бесшумно открылась в настороженную темноту. Ленка переступила порог, судорожно пытаюсь вспомнить, где тут выключатель находится. Не вспомнила, конечно, потому как не знала, а ладонью нашаривалась лишь холодная стена. Девушка аккуратно прикрыла дверь, отрезая себя и квартиру от зыбкого подъездного полумрака и чересчур любопытного старушечьего носа, придерживаясь всю за ту же стену, шагнула к проёму, за которым синело голое, без штор, окно.

Что-то в комнате было не так, неправильно, только вот что, Старообрядцева сообразить не успела, потому как темнота вдруг вспыхнула ярким, белым, потолок. На котором мерцал блик уличного фонаря, резко и быстро поехал в бок и вниз, а собственные Ленкины ноги непонятно куда делись. И тут же ослепительно-белое загородило что-то огромное и чёрное, а перед этим чёрным поплыли зеленоватые точки и загогулины, смахивающие на червяков. Щеки коснулось холодное и твёрдое, нажало.

— Говори, где колье, сука, — прошипело громадное и холодное нажало посильнее, — а то без глаза останешься.

Ленка попыталась сообразить, о чём её спрашивают, правда попыталась, но ничего у неё не вышло, в голове будто колокол бил и затылок налился тяжёлым.

— Ну?!

Холодное, ставшее горячим, кажется, скрежетнуло по кости скулы и по щеке потекло что-то вовсе обжигающее. Старообрядцева подняла ладонь, чтобы отереть лицо, но по запястью ударило так, что рука отнялась по самое плечо, будто в неё зубную заморозку вкололи.

— Грабли убрала! — приказала чернота. — И говори, говори, тварь! Мне с тобой возиться некогда. Кончить бы тебя прямо сейчас, — громадное наклонилось совсем низко, почти к самому Ленкиному лицу, пахло свежестью и мятой. — Лезешь и лезешь, куда ты всё лезешь? Ну, говори!

— Ч-что? — проблеяла Ленка.

— Колье где?

— К-какое колье-е?

— Ах ты дрянь!

И вот тут до Старообрядцевой дошло, да так чётко, ясно и до конца, что даже под черепом звенеть перестало: сейчас её будут убивать. И, возможно, быстро это не закончится.

***

Ленка закрыла глаза всего на секундочку, не больше, а когда открыла, то ничего не поняла. Поморгала, даже зажмурилась, но яснее от этого не стало.

— Встать можешь? — хмуро спросил Макс.

— Нет, — честно ответила Старообрядцева, снова подняла руку — левую, правая так и осталась замороженной — потрогала колкую от изрядно отросшей щетины щёку. — Это ты?

— Это я, — совсем уж мрачно признался Петров.

Свет ночника бликовал в стёклах его очков, не давая рассмотреть глаза, да Ленке этого не очень-то и хотелось, она была уверена, что ничего хорошего для себя в них не разглядит.

— А почему ты в очках?

— Потому что у меня близорукость, — процедил Макс.

— А раньше был без очков, — задумчиво протянула Ленка.

— А раньше были линзы, — почти выплюнул Петров и куда-то пропал.

Старообрядцева закрутила головой, пытаясь понять, куда это он девался.

— Лежи смирно. Дай посмотреть, — рыкнуло откуда-то сверху и сзади и Ленкину голову обхватили тёплые, но очень твёрдые ладони, повертели туда-сюда не слишком ласково, даже в шее что-то хрустнуло. — Шишка, — вынес вердикт Макс, — здоровая.

— Где шишка?

— Лежи смирно, говорю, — прикрикнул Петров, — тут кругом осколки.

И снова пропал, теперь уже окончательно, позади даже пусто стало, а на душе тоскливо, ну точно у собаки, которую хозяин на даче забыл. Но Ленка всё равно почему-то послушно лежала, даже не пытаясь встать, только смаргивала невесть откуда взявшиеся слёзы.

— Не дёргайся, — приказал снова непонятно откуда взявшийся Макс и Ленкиному затылку стало жутко холодно, но так приятно, что Старообрядцева простонала тихонечко, прижалась головой к холодному, комковатому, а, заодно, скулой к тёплому — Петровскому запястью, и щекой к шершавому — рукаву его куртки.

— Ты вернулся? — помолчав, спросила Ленка.

— Четыре часа назад отпустили.

— Не-ет, — Старообрядцева поелозила затылком по комковатому, вытягивающему из головы звон и тяжесть. — Скажи, ты правда вернулся?

— Кажется, мне и деваться-то некуда, — вроде бы усмехнулся Макс.

Ленке, конечно, хотелось услышать совсем не это, но, тяжко вздохнув, она промолчала. Пока ведь и так хорошо. Ну или, по крайней мере, не совсем плохо.

— Лен, что ты хочешь, чтобы я сказал? — после немалой паузы — сердито, ну а как иначе? — спросил Петров.

— Что ты по мне скучал, — проскулила Ленка.

Наверное, шишка и впрямь была большой, а то с чего бы иначе вдруг язык сам собой болтать начал, не спрашивая хозяйкиного мнения?

— Я по тебе скучал, — совсем уж злобно подтвердил Макс.

— И что тебе было плохо без меня.

— Было плохо.

— Очень плохо?

— Детский сад! — выверился Макс и потащил Старообрядцеву вверх, пристроил между собственных коленей, сам-то он на полу сидел, заботливо придерживая кулёк у её затылка, и сдёрнул очки. Почему-то без них его глаза оказались совсем рядом, гораздо ближе, чем в очках. — Мне без тебя было очень плохо, — рывкнул. — Совсем хреново. Ты мне снилась. Подробности нужны?

— Не-а, — помотала головой Ленка, понимая, что улыбаться сейчас всё-таки, наверное, не стоит и всё равно улыбаясь во весь рот. — Ты мне потом... покажешь, — прошептала Старообрядцева и, застеснявшись собственной смелости с развратностью, ткнула носом в Максову шею.

— Во что я вляпался? — недовольно буркнул Петров ей в затылок. — Поедем весной в Киото?

— Это в Японии? А зачем мы туда поедем?

— Зачем весной в Японию люди ездят? Смотреть, как сакура цветёт.

— Запросто, — охотно согласилась Ленка. — А летом мы поедем в Мухлово?

— Зачем это? — насторожился Макс.

— Зачем люди летом в Мухлово ездят? С мамой знакомиться.

— Ещё и мама, — обречённо вздохнул Петров. — Знаешь, что самое забавное? Мне давным-давно это скучно, все эти сакуры в Киото, Ниагары в Канаде, карнавалы в Венеции. А там я всё думал, чтобы тебе показать такого. И опять интересно стало. Это вот что?

— Любовь? — совсем уж робко и едва слышно предположила Ленка.

— Какая же ты всё-таки... — хмыкнул Макс.

— Дура малолетняя? — Старообрядцева искоса глянула на него, но ничего кроме щетинистого и вполне мужественного подбородка не разглядела. — Тогда ты кто получаешься? Пе-до-фил!

— Иди ты к чёрту, Ленка, — обиделся Петров.

— Сам ты иди к чёрту, Макс, — не осталась в долгу Старообрядцева и попыталась высвободиться.

А он и не держал, потому что начал ржать, как стоялый конь. И с чего бы? Вот и пойми загадочную мужскую душу. Лена от растерянности даже встать не стала, так и осталась сидеть на полу, меж его колен.

— Ладно, взрослая опытная женщина, — оторжавшись и даже рукавом утёршись, решил Макс. — Признавайся, квартиру ты разгромила?

— Я? — тяжело поразились Старообрядцева и, наконец, додумалась оглянуться.

Лучше б она это не делала, потому что кругом царил... Нет, разгромом сотворённое назвать было нельзя, слово слабовато. Из целого в комнате осталась только мебель, да и та частично, на диване вон обивка вспорота, а на стене напротив содранные обои весели длинными неровными языками. Скинутые со стеллажа книги и безделушки грудой валялись на полу, дверца встроенного шкафа висела криво и жалко, а за ней грудой темнела одежда, кажется, порванная или порезанная. Короче, самый настоящий кошмар.

— Ну, в общем-то я и не думал, что это ты, — признался Макс, откидывая голову, опираясь затылком о край покалеченного кресла. — И твой внутренний Халк тут не при чём.

— Я не Халк, — растерянно выдала Ленка.

— Точно, ты валькирия и, вообще, жена декабриста, — не стал спорить Петров. — Значит, вот что мы имеем в итоге. Из СИЗО я приехал сюда, потом рванул на завод. Не былс меня часа два от силы. За это время кто-то вломился в мою квартиру и успел тут всё

хорошенько прошерстить. Потом явилась ты. Кстати, зачем?

— Цветочки полить, — тоненьким голоском призналась Старообрядцева.

— Уважительная причина, — кивнул Макс, потянулся куда-то за спину и опять нацепил свои бликующие очки, — особенно учитывая тот факт, что у меня даже искусственных нет. Значит, явилась ты и застала... муд... кх-м!.. злоумышленника в разгар его трудовой деятельности.

— Я никого не видела! — испуганно взвилась Ленка.

— Не удивительно, — спокойно отозвался Макс, — потому что ты немедленно получила вазой по затылку. За вазу, кстати, можешь поблагодарить Элизу Анатольевну, это она мне её спланировала. А щёку тебе за что порезали? — Лена в панике схватилась за лицо, но Петров перехватил её запястья, заставил руки отвести. — Да не пугайся ты, просто царапина, даже заклеивать не нужно. Так за что?

— Он спрашивал, где кольцо.

— Оч-чень интересно, — задумчиво процедил Макс. — А ты уверена, что спрашивал именно он?

— А кто ещё?

— Например, она.

— Я не знаю, — растерялась Ленка, — я не уверена...

— Самое забавное, что и я не уверен. — Петров почесал бровь. — Этот... злоумышленник практически съел меня в дверях. Выскочил, как... Выскочил прямо на меня, короче.

— И ты не разглядел?!

— Я разглядел тебя, валяющуюся на полу, — сердито ответил Макс, — и с лицом в крови. А этот... Ну, пониже меня будет. Куртка тёмная, капюшон. Не густо, в общем.

— И что мы теперь делать будем? — помолчав, спросила Ленка.

— Теперь мы пойдём к моей матери ночевать, — проворчал Петров, вставая. — Кстати, тебе это ещё нужно?

Он продемонстрировал Старообрядцевой то ли пакет, то ли мешок, который на её затылке держал.

— А что это? — не поняла Ленка, разглядывая сине-белый кулёк с подкапывающей с уголка водой.

— Пельмени, — огрызнулся Макс.

— Какие пельмени?

— Замороженные. Впрочем, теперь не очень. А что ты ещё хотела найти в моей морозилке?

Лена пожалала плечами, она-то в его морозилке вообще ничего искать не собиралась, но, впрочем, даже если бы и собиралась, то вряд ли нашла что-то другое. Холостяк же.

[1] Ротация — в терминологии телевидения и радиостанций периодическое проигрывание в эфире музыкальной композиции, рекламного или проморолика.

Хуже утреннего, а, главное, неожиданного звонка работодателя может быть только неожиданный утренний звонок работодателя, раздавшийся, когда работник валяется в его, работодателя, постели. Ну, пусть кровать не совсем его, а сына, но сын то точно его. То есть её. В общем, на раскалённой сковородке Ленка бы точно чувствовала себя уютнее. Она уж и в одеяло с головой закуклилась, оставив снаружи только собственный нос, да руку с телефоном, и колени к груди поджала так, что дышать почти невозможно, но лицо всё равно горело, как нахлёстанное, а никакого разговора не выходило, хоть плач. На радостное щебетание Элизы Анатольевны Старообрядцева только и могла выдавить, что «угу» и ещё «ага», иногда глубокомысленное «м-м». И, главное, совсем не получалось понять, о чём это Максовская мать говорит, только и помнилось, что она мать и именно Макса, а гнусная преступница Ленка совсем никаким не чудом, а вовсе даже по собственной воле очутилась в постели сына этой самой матери... Ну а дальше по кругу.

Тут ещё этот самый Макс, виновник невыносимых страданий, на пороге комнаты изволил явиться: голый по пояс, а всё что ниже розовеньким полотенчиком прикрыто; на ногах вязаные тапочки с помпонами; волосы мокрые и всклокоченные; в руках кружка в клеточку. Красавец мужчина! Мечта просто.

Красавец мужчина постоял в дверном проёме, прихлёбывая из своей клетчатой кружки, полюбовался Ленкиными мучениями, потом решительно подошёл, отобрал телефон, послушал, что там маменька журчит и как сказанёт:

— Мам, мы толком ещё не встали, даже кофе не пили. Давай ты через часик перезвонишь, лады?

С такого Старообрядцева окончательно залезла под одеяло, мечтая немедленно, вот не двигаясь с места, умереть. К сожалению, помереть никак не получалось и многозначительная тишина, повисшая даже не в трубке, а во всём мире, слышалась и из-под одеяла.

— Она тебе перезвонит, — сообщил сверху Макс. — Вылезай.

— Не вылезу, — поклялась Ленка.

— Почему? — Дивный вопрос! Дивнее придумать сложно, даже если очень напрячься. — Я завтрак приготовил.

Девушка отогнула уголок одеяла и осторожно пригнулась. Ещё когда её проклятый телефон разбудил Лене почудилось, что пахнет горелым. Оказалось — не показалось, воняло гадостно, на всё квартиру и не горелым, а, скорее, палёным, с этакой ноткой плавленого пластика.

— Да, тосты я спалил, — безмятежно сообщил Макс.

— Как? — тяжело поразила Ленка, от удивления выкарабкиваясь на свет божий.

— Вместе с тостером, — вежливо пояснил Петров.

— Молодец, — осторожно похвалила его Лена.

— Я в курсе, — хладнокровно отозвался Макс. — Но яичницу, по-моему, есть можно. Если замазать кетчупом, то горелого почти не видно. Правда, к ней лопатка прилипла.

— Какая лопатка?

— Синенькая. Лен, вставай. Мне через сорок минут уже выезжать надо.

Ленка послушно полезла, волоча за собой одеяло, которое было огромным, просто

каким-то гигантским, и волочиться не желало, зато тянуло за собой и подушки, и простыню, превращая задуманный незаметным отход к ванной практически в демонстрацию.

— Ты что делаешь? — поинтересовался Петров.

Ну что тут скажешь? Видимо, Светланка всё-таки права: все мужики, даже лучшие из них, тупы и недогадливы по природе своей. Или дело в ней, в Старообрядцевой? Вон в фильмах героини одеяла не стаскивают, выпархивают из кровати бабочками при полном параде, в сексуальных чулочках, напомаженные и причёсанные. Степашка, наверное, так сумела бы, а вот Ленке не дано, так и придется доживать чучелом и никакой тебе утренней сексуальности.

— Ты чего? — Макс присел перед ней на корточки. Очки он нацепить успел, а вот полотенчику на что-нибудь попримочнее сменить так и не додумался. — С чего реветь собралась?

— Ещё не хватало! — независимо прогундосила Старообрядцева, с трудом сглатывая горький ком собственной никчемности.

— Ты ненормальная, в курсе? — спросил Петров и тут же, без всяких переходов, выдал: — Про какую доверенность ты спрашивала Гамлета?

— Доверенность? — растерялась Ленка, барахтающаяся в пучинах своей некудышности и ни к каким доверенностям, понятное дело, не готовая.

— Ты спрашивала у моего адвоката, не говорил ли я о доверенности, — как-то очень твёрдо, разделяя слова немалыми паузами, процедил Макс. Он даже в лице переменялся, прямо как в книжках пишут, вот только что было одно лицо, а стало другое, хоть и человек тот же. А, может, и не тот. Этот Петров смотрел не зло, не угрюмо, а... ледяно. Этому было совершенно плевать, что там Ленка чувствует, ему просто нужен ответ, причём правдивый, иначе станет хуже, гораздо хуже, так, что и представить непросто. — О чём шла речь, Лена?

Старообрядцева молчала, судорожно пытаясь сообразить, как бы так ответить, чтобы хуже всё-таки не стало.

— Ясно, — отстранённо, даже равнодушно, подытожил Макс. Хотя, наверное, уже никакой не Макс, а вовсе Максим Алексеевич. — Ключи от материной квартиры оставь на столе. Надеюсь, дубликатов не сделала?

Ленка кивнула, а потом помотала головой. Что это такое происходит, сообразить никак не получалось, понималось только: беда пришла, она совсем уже близко, вот-вот грянет и тогда...

Старообрядцевой было лет пять, а, может, и того меньше, когда над Мухловым первый раз даже на памяти местной старожилки Фёдоровны разразилась сухая гроза. Но Лена и сейчас отлично помнила свербящий нос запах озона, ненормальный розоватый свет — казалось, светился воздух — и серенево-чёрное небо над Мухлонькой, расчерченное беззвучными, но оттого ещё более жуткими молниями. И чувство собственной незначительности, букашечности помнила тоже. «Ну всё, капец!» — сказал тогда сосед Колька и в сердцах сплюнул на сухую до каменности землю.

Капец и впрямь случился, после грозы загорелись торфяники и Мухлово даже собирались эвакуировать, село оказалось почти в кольце пожаров, но как-то обошлось.

Сейчас, наверное, не обойдётся.

— Давно ты с Андрюхой знакома? — всё тем же равнодушным тоном спросил Макс.

Ленка пожала плечами, не сразу поняв, о ком идёт речь, а потом, сообразив, проямлила:

— Да сколько с тобой. Почти.

— Выметайся, — приказал Петров. На Лену он теперь не смотрел, в шкафу копался, кажется, рубашку выбирал. — И добрый тебе совет, больше не попадайся мне на глаза.

Старообрядцева опять кивнула, сползла с постели, оставив одеяло в покое, подобрала разбросанные по полу шмотки и вышла, тихонько прикрыв дверь. За спиной что-то грохнуло, наверное, Макс врезал по стене кулаком, а, может, швырнул тяжёлым.

— Ты пригляди за ними, ладно? — тихонько попросила Ленка выглянувшего в коридор Люка. Кот глянул на неё удивлённо и не очень-то довольно. — И сам не пропадай.

Рыжий никуда пропадать явно не собирался, да и вообще не понимал всех этих людских фанаберий. По его глубокому убеждению жизнь была не такой уж плохой штукой и в усложнениях не нуждалась совершенно.

***

Когда на улице холодно, но промозгло, серо, нет ничего лучше, чем надеть собственноручно связанные носки — особо хороши из собачьей шерсти, — старый, совсем растянутый, заношенный до мягкости свитер и залезть с чашкой горячего чая под плед. А когда и на сердце так же промозгло и серо надо взять в компанию задушевную подругу. Некоторые советуют ещё и бутылочку чего покрепче, но с этим стоит быть поосторожнее, потому что с «покрепче» обычно получается «как пойдёт», может ещё хуже стать, особенно если подружка и впрямь задушевная. Тогда вместо здорового сочувствия выйдет сплошной рёв дуэтом и это уже никакое не лечение, а наоборот, сплошная депрессия, штука весьма модная, но, в общем, бесполезная, порой даже вредная.

Правда, друг тоже стоит выбирать с умом, а то получишь вместо поддержки накручивание хвоста. Куда это годится?

— Дура ты, Ленка! — вынесла безапелляционный вердикт Светланка. — Дура и уши у тебя холодные.

Старообрядцева лишь вздохнула в ответ. Нет, это определённо никуда не годилось. Даже в ворота не лезло.

— Ладно, — смилостивилась подруга, — давай разбираться по порядку. Чего ты у адвоката про эту доверенность спрашивала? Только чётко, ясно и конкретно.

— Я не помню конкретно, — покаялась Ленка.

— Тяжело с тобой, — призналась Светланка, заглядывая в чашку, будто по чайникам гадать собралась. — Ну, валяй хоть приблизительноно.

— Да я просто у него спросила, не спрашивал ли Макс про доверенность. И всё.

— И ты не говорила, что этот твой красавец Кобель просил её найти?

— Он Мерин, а не кобель. В смысле, Мерин. Между прочим, ты об этом прекрасно знаешь.

— Одно другому не мешает, — припечатала Светланка. — Ему уж точно. Так не говорила?

— Нет.

— А почему?

— А зачем?

— Конструктивно, — хмыкнув, оценила Светланка.

Помолчали, прихлёбывая маленькими глоточками горячий чай с малиновым листом — тоже проверенное, но сейчас почему-то не работающее средство утешения.

— Нет, ну всё-таки ты мне объясни, — не выдержала темпераментная подруга, —

почему не сказать-то?

— Да зачем? — Ленка снова вздохнула, пристроив чашку на колени, которому немедленно стало тепло и даже хорошо. — Я в их делах ничего не понимаю и не разбираюсь. Если б эта доверенность и впрямь была Максиму нужна, то он бы попросил Гамлета Натановича её найти. А тот бы справился сам или мне передал, верно? Адвокат ничего такого не говорил, удивился, когда я намекнула.

— Ну да, намекнула! — лошадью фыркнула Светланка.

— Как умею, — огрызнулась Старообрядцева. — Суть в том, что им моя помощь не требовалась. И чего тогда мне в их дела лезть?

— А почему не сказала, что Андрюха её ищет? Ведь похоже, что он что-то такое за Максовой спиной плетёт.

— Может, плетёт, а, может, и нет. Ну сама подумай! Они друзья с детства, даже больше, вон сколько вместе работают. Без меня не разберутся? А то ещё получится, что я вроде как ябедничаю. Макс ещё подумает, будто я их поссорить хочу. Или на самом деле поссорятся из-за меня. Кому это надо?

— Детский сад какой-то! — возмутилась Светланка. — Вторая четверть.

— Да ничего и не детский, — поморщилась Ленка. — Вон у нас в Мухлове, Ольга Степановна с Верунькой тоже не разлей вода были. Верунька по дружбе и доложила, что муж Степановны с Машкой роман крутит. И что вышло? Муж с женой разобрались, а Верунька крайней осталась, главным врагом всем. Теперь с ней ни Ольга Степановна, ни муж её, ни Машка даже и не разговаривают. Тем более, что на самом деле он не с Машкой, а со Светловой крутил.

— Ничего не поняла, но суть уловила, — призналась подруга. — Ладно, допустим, не хотела ты между ними встать. Если так подумать, даже мудро, хотя дурь, конечно. Но Максиму-то почему это не объяснила?

— Потому что... — Ленка запрокинула голову, опершись затылком о спинку дивана, но слёзы всё равно давили на глаза, жгли, как будто наказывая. — Потому что он мне не верил, понимаешь? И вчера, когда у него в квартире... И ночью. И даже утром, когда завтрак готовил, а потом с матерью разговаривал. Вот всё это делал и не верил. Подозревал фиг знает в чём-то. Как так можно? Это ведь даже не враньё, это... Не знаю, как назвать!

— А ты хочешь, чтобы он тебе с ходу доверился, аки невинная дева гусару? — скривилась Светланка. — Да такие мужики, как Макс, привыкли даже на собственный хвост оглядываться. И вон всё равно в СИЗО оказываются. — Подруга сложила пальцы решёткой и поморгала через неё на Ленку. — Чего ты хочешь?

— Да нельзя же... спать с человеком, которому совсем не веришь! — почти крикнула Старообрядцева и ткнулась носом в сгиб локтя, сердито сопя в щекочущий рукав свитера. Слёзы никак пропадать не желали, жгли и жгли, даже пролились немного. — Я же его не просила. Уж как-нибудь обошлась бы.

— А как тебе такой вариант, Макс надеялся, что хоть ты ему всё просто объяснишь и окажешься ни при чём? Его ж со всех сторон обложили.

— Если так, то надо было сразу сказать, а не притворяться!

— Да, мать, это уже диагноз, — задумчиво протянула Светланка. — Причём летальный. Знаешь, что я тебе скажу? Принципы в наше время иметь вредно. А принципы, помноженные на девичью гордость даже и опасно. Для душевного здоровья особенно. И совсем уж губительно для плодотворной личной жизни.

— Ну и ладно, — буркнула Ленка. — Я вообще решила в Мухлово вернуться, нечего мне тут делать. Всё равно актрисы из меня не получилось и не получится. Да и из магазина наверняка давно уволили. Вот только придумаю, как с дядей быть и уеду. Может, он согласится к нам перебраться. Чего ему тут одному-то? Ещё и опасно теперь.

— Тоже верно, — взгрустнула Светланка. — Не у всех же выходит. А там выйдешь замуж за какого-нибудь Кольку или Васятку, нарожаешь десяток Васялят, будишь их кормить экологически чистыми продуктами.

— Авокадо, — подтвердила Ленка. — В нём много полезных микроэлементов.

— Хорошие, наверно, в Мухлове авокадо вызревают, — размечталась подруга.

— Кстати, об авокадо, — Старообрядцева вытерла о рукав подозрительно хлюпающий нос. — Помнишь ту тётку, которая с ним ко мне пристала? Мы ещё тогда по телефону с тобой разговаривали. Я вот до сих пор понять не могу, откуда она на заднем дворе-то взялась?

— Это позади вашего магазина, что ли? Так там в заборе дырка есть, просто её за мусорными баками не видно. Водилы с автобазы блок вынули ещё в совковые времена, за водкой тишком бегали. Ну, когда ещё спиртное с одиннадцати утра только продавали и того не купить было. Про дырку-то все знают, через неё до магазина ближе, чем по проспекту. А чего ты вдруг про тётку-то вспомнила?

— Какую тётку? — на полном автомате переспросила Ленка, таращась на собственное отражение в полированной дверце шкафа. — Светланк, я, кажется, всё поняла, — зачастила Старообрядцева, спотыкаясь о слова. — Ну конечно! Со старых времён всё осталось и об этом все знают! Не с неба же они свалились!

— Кто? — опешила подруга.

— Да драгоценности же! — шёпотом крикнула Ленка.

— Ну всё, готово дело, — горестно подпёрла кулаком щёку Светланка, — таки она сбрендила.

***

Всю правоту задушевной подруги Ленка осознала, уже выскочив на улицу и едва не протаранив собой машину. Просто так совпало: и джип хозяин припарковал очень удачно, у самого подъезда, и лужа, ещё вчера плескавшаяся у ступенек, успела превратиться в миникаток, вот и поехал ботинок, а Старообрядцева завалилась на тёплый автомобильный нос или как он там называется.

— Точно, сбрендила, — самокритично оценила Ленка, поправляя съехавшую на лоб шапку.

— Залезайте! — гостеприимно, хоть и глуховато, предложил из-за таинственно темнеющего лобового стекла Андрей, ещё и приглашающе рукой помахав.

— Тебя только и не хватало, — под нос пробормотала Лена, пытаясь собрать вместе разъезжающиеся на голом льду ноги. — Вот всё у нас было, а тебя не хватало.

— Между прочим, я всё слышу, — по-прежнему глухо, будто он не в машине, а в бочке сидел, сообщил красавец.

— Вы опять тут меня ждёте? — повысила голос Ленка, хотя ей только что сообщили, что слышат её прекрасно и без всякого усиления.

— Вообще-то нет, — Андрей наконец-то догадался вылезти наружу, но далеко уходить не стал, встал, облокотившись о приоткрытую автомобильную дверцу. — Но, видимо, судьба такая. Получается, что с Максом мне сейчас видеться не стоит, а лучше с вами поговорить.

— Ну, говорите, — разрешила Старообрядцева эдак небрежно опираясь о капот.

Правда, небрежно не очень получалось, проклятые ботинки так и норовили ускользнуть под джип, утянув следом и хозяйку, приходилось не только держаться всерьёз, но ещё и ногами перебирать.

— Давайте пропустим традиционное «здесь разговаривать неудобно» и сразу поедem туда, где удобно? — вынес контрпредложение красавец, мотнув головой, откидывая чёлку. — Лен, честное слово, сейчас только вы помочь можете.

— Это я уже слышала.

— Такого ещё не слышали, — улыбнулся блондин. Улыбка вышла кривоватой, не слишком весёлой и какой-то усталой. — Понимаете, теперь мне помощь нужна. Макс меня уволил. Да и чёрт с ним, с этим комбинатом, без работы не останусь. Но вот что он мне доверять перестал... — Андрей с досадой махнул рукой, будто рубанув ладонью по воздуху, и отвернулся, глядя в сторону. Ленка видела, как у него под синеватой, плохо выбритой скулой ходит желвак. — Он думает, что это я его подставил, в тюрюгу засадил, представляешь?

Старообрядцева неопределённо дёрнула плечом, она и сама не слишком хорошо понимала, что теперь доступно её представлению, а что находится за гранью фантазии. По всему выходило, там, за гранью этой, не так много и осталось.

— Лен, я тебя по-человечески прошу, — негромко, едва слышно, сказал блондин и полез обратно в машину, всё так же глядя куда угодно, но только не на девушку.

Ленка ещё постояла, почесала под кусачей шапкой лоб, да и тоже полезла — сначала в сугроб, потому что красавец на самом деле умудрился припарковаться уж очень удачно, вплотную и к крылечку, и к забору палисадника, а только потом в джип.

— Ты чего? — не понял её манёвра Андрей. Он даже перегнулся через сиденье, рассматривая, откуда это Ленка выкарабкалась. — Не могла сказать, чтобы отъехал?

— Может, поедem уже? — независимо предложила Старообрядцева, старательно упихивая ноги под сиденье, лишь бы красавец не заметил набившийся под край ботинок колкий снег.

Ноги запихиваться никак не желали, хотя места в джипе хватало, но уж слишком их, ног то есть, было много, да тут ещё и щекам жарко стало, потому как Лена заметила, что блондин поглядывает на неё искоса и вроде бы улыбается.

— Странная ты всё-таки, — сообщил Андрей, выворачивая руль. — А, чёрт! Куда прёшь, придурок?! — Машина дёрнулась, мотанув Ленку так, что она едва о торпедо лбом не приложилась. — ...! — Выдал красавец совсем неизящное.

А Старообрядцовой до чесотки в ладонях захотелось повторить за ним, да ещё добавить пару-тройку из мухловского избранного: нос Андереева джипа почти утыкался в хищную морду машины Макса. Может, Ленка и не узнала бы авто, не сиди за рулём сам Петров, а он сидел, точнёхонько напротив неё, только чуть пониже. И смотрел. Потом ухмыльнулся совсем нехорошо, сдал назад, освобождая дорогу.

— Поехали? — как-то не слишком уверенно спросил Андрей невесть у кого. Старообрядцева кивнула и тоже непонятно зачем. — Вы что, поругались?

— С чего ты взял?

Лена отвернулась, только бы не видеть тёмную машину, пофыркивающую у обочины поворота на проспект.

— Да так, показалось.

— Попробуй перекреститься, — в сердцах огрызнулась Старообрядцева и тут же устыдилась. — Просто сегодня уволили не только тебя. То есть вас.

— Да ладно, свои же люди, — Андрей лихо выкрутил руль и газанул, подрезав испуганно осевший на задние колеса троллейбус, но сам, кажется, этого не заметил. — И с какой должности тебя уволили?

— Со всех, — снова кляцнула клыками Ленка. — Это важно?

— Это суперважно. Ты даже не представляешь, насколько это важно, детка. На кой хрен ты теперь сдалась? — Старообрядцева глянула на него, но ничего такого не увидела: красавец как красавец, чёлка на месте, глаза только чуть прищурены, но это из-за внезапно вылезшего солнца, наверное. — Хотя, может так даже и лучше.

Блондин явно беседовал сам с собой, будто в машине никого больше и не было и от этого Ленке почему-то стало по-настоящему жутко.

— Андрей, останови, пожалуйста. Я забыла...

— Утюг выключить? — хмыкнул он и нажал на какую-то клавишу. В дверце, на которую девушка почти опиралась спиной, сухо щёлкнуло. — Ничего, авось не сгорит. Сиди, как сидишь и всё будет хорошо. Лады?

— Лады, — кивнула Ленка, очень стараясь, чтобы голос звучал поувереннее. — Я, в общем-то, и не собиралась... А куда мы едем?

— К одному дяде, — охотно, даже весело отозвался красавец. — К одному очень-очень большому дяде. Он мне сначала башку оторвёт, а потом всё разрулит. Он, знаешь, мастер всякие вопросы решать. Слушай, детка, не в службу, а в дружбу, открой бардачок. Видишь, там слева упаковка с таблетками? Давай, выпей-ка парочку.

— Зачем? — опешила Старообрядцева, отдёргнув от блистера руку с таким энтузиазмом, словно упаковка её укусить могла, даже локтём о дверцу ударилась.

— Не бойсь, травить не собираюсь, — обнадёжил Андрей, — пока. Давай, давай, пей. Мне не с руки, чтоб ты лишнее увидела. Минералка в кармане на спинке сиденья. Запей, а тс подавишься ещё. Ну что ты не меня пялишься? — Спросил, хотя в Ленкину сторону вроде бы и не смотрел. — Слушай, у нас два варианта. Либо сворачиваем сейчас в первый попавшийся переулок и я тебя вырубая, либо глотаешь колёса. Я бы на твоём месте согласился на первое. Ты хоть девка и здоровая, только я всё-таки поздоровее буду. Только не вздумай хвататься за руль или ещё какую-нибудь хрень делать, ты всё-таки не Джеки Чан.

— Тут наверняка подушки безопасности есть, — пробормотала Ленка.

— А то! Но всё равно покалечишься знатно. Трасса скользкая, скорость приличная. Давай, не тормози. Никто тебя убивать не собирается, обещаю.

— Ты сумасшедший, — догадалась, наконец, Старообрядцева.

— Есть немножко, — пожал одним плечом Андрей. — Действуй, Ленка, а то ты меня уже доставать начала. Не беси дядю, чревато последствиями.

Ленка потянулась, кончиками пальцев подтаскивая блистер к краю пасти раскрытого бардачка. За окном промелькнула будка поста ГИБДД, синий щит с жирно перечёркнутым названием города и весёленькой надписью: «Счастливого пути!». А дальше плотной зубчатой стеной темнели ёлки.

«Счастливого пути!» — пожелала себе Старообрядцева, выщёлкивая на ладонь таблетку.

— Да возьми ты минералку, — посоветовал Андрей. — Чего на сухую-то давиться?

***

Реальность возвращалась тяжело, неохотно и со скрипом. Вернее, насовсем-то она

никуда и не пропадала, Ленка почти помнила, как ехала в большой машине, которую качало, будто лодку, и Старообрядцеву почти укачало, зелёная тошнота плескалась в черепе. Потом её несли, и тут уж качка стала совсем сильной, зелень выплеснулась-таки наружу и кто-то жутко матерился. Дальше начиналась темнота, но недолгая, всё быстро вернулось на свои места, хоть и со скрипом. Только вот никак не удавалось сообразить, где у всего место, да ещё своё, потому что скрип невыносимо мешал, буравил тяжёлый затылок болью. И выплунутые за шиворот свитера таблетки противно прилипли к коже, отчего она немилосердно чесалась. А ещё было холодно.

— На кой ... ты её сюда ... припёр?! — визгливый голос ввинтился в уши и затылку стало совсем невыносимо.

— А куда я её ... должен был ... девать, по-твоему? — второй голос звучал пониже, но вот истерики в нём слышалось раза в два больше.

— Представляешь, что дед скажет, ты, чмо в горошек? Да он нас вместе с ней закопает, ... пупырчатый! Включи свою болванку или спермотоксикоз вконец замучил?

— Ладно, детка, не кипишуй, — низкий голос резко успокоился, даже звучать стал иначе, почти знакомо. — Всё решим. Звони своей торфухе, пусть она...

— Да чего она, чего она? Её пацан у ментов, забыл, что ли? Её твоя эта ... и засадила! Сам справляйся, тряпка ...!

— Сейчас, только шнурки поглажу, — почти промурлыкал второй. — Звони, сказал, пусть другого найдёт, причём бегом. Или сама хвосты подчищает, мне параллельно. Слушай, выключи ты эту бандуру, и так башка болит, а ещё скрип этот.

— Ты тупой, зайчик? — к невероятному Ленкиному счастью визг неожиданно сменился ласковым курлыканьем. — Как я его выключу? Это же ветряк, экологически чистая энергия. Природу беречь надо. Ты хоть мобилу у этой коровы забрал?

— У неё батарейка сдохла, я проверил.

— И чего? Надо...

— Ничего не надо, детка. Не хрен улики где попало раскидывать, пусть всё при ней остаётся, как и было. Ладно, пошли. Звони своей Масе.

Голоса замолчали, что-то хлопнуло — дверь, наверное, а скрип никуда не делся, дикая тяжесть в затылке тоже и очень хотелось пить. Ленка пошевелила неожиданно большим языком, оцарапав его о шершавое и совершенно сухое нёбо. Легче от этого, понятное дело, не стало, пришлось открывать глаза.

Прямо над Старообрядцевой оказалась странная, низкая, скошенная крыша, а в неё окно. За окном, щедро обросшем по краям наледью, медленно крутилась, почему-то ещё и поворачиваясь вокруг собственной оси, мельница. Вроде бы она и скрипела, а, может, и не она. Вероятно, реальность никуда и не собиралась возвращаться, подкидывая воспалённому мозгу откровенный бред.

Ленка дёрнулась, попытавшись определить, всё ли в порядке с руками-ногами. Вроде бы они были на месте, только чувствовались странно, будто не совсем свои и словно бы в них чего-то не хватало, суставов, например. В пальцах, наверное, деталей тоже не доставало, гнуться они не хотели и на то, чтобы выудить мобильник из кармана куртки, потребовалась почти вечность, Старообрядцева едва не упустила пластиковое тельце и вроде бы, кажется, тихонько зарычала на собственную беспомощность.

— Ну давай же, — подбодрила Ленка мобильник, — ты можешь, я же знаю. — Телефон, вечно вырубаящийся от холода, ничего такого знать не желал, а кнопки не хотели

нажиматься, палец просто соскальзывал с прорезиненных пупырышек. — Хочешь вместе со мной сдохнуть?

Мобильник, осознав серьёзность положения, вздрогнул, экранчик залился синим светом, коротко проиграв весёленькую мелодию, и нагло подмигнул значком пустой батареи.

— Врёшь ты всё, — разоблачила телефон Старообрядцева, — меня-то не обманывай.

Телефон моргнул, собираясь погаснуть — обиделся, значит и, кстати говоря, имел на это полное право. Он не был вруном, просто по причине почтенного возраста периодически впадал в маразм и выдавал иконку перечёркнутой батареей сразу, как только его снимали с зарядки.

— Я пошутила, — шёпотом зачастила Ленка. — Хороший, хороший телефончик. Я сейчас только Светланке позвоню и можно будет дальше бай-бай.

Старообрядцева шмыгнула ледяным носом, хихикнула, смутно подозревая, что с ней всё-таки что-то не так и перед глазами вон всё двоилось, буквы расплывались, да ещё этот скрип!

Мобильник выскользнул из скрюченных пальцев, но, к счастью, далеко не упал, приземлился рядом с виском, на подушку, воняющую холодом и затхлостью. Ленка заворочалась, как медведь в берлоге, не без труда перекатилась набок, но снова брать телефон не рискнула, просто легла на него щекой, блаженно закрыв глаза, слушая благословенные гудки.

— Да, — раздалось прямо внутри уха.

— Я в порядке, — заверила подругу Старообрядцева. — У меня всё хорошо.

— Алё? Лена?

Ленка поморщилась, подружкина тугоухость сейчас была совсем некстати.

— Тут ветряк экологический чистый, потому что природу надо беречь, — пояснила Старообрядцева вполне доходчиво. — Поняла?

— Нет, — призналась Светлана.

— Ну чего тут непонятного...

Мобильник пискнул. Ленка даже приподняться сумела, таращась на предательски мёртвый экран, совсем непрозрачно намекающий, что смысла в реанимации нет. Правда, она не поверила: и между ладонями погрела, и подышала, и кнопки понажимала, но ничего не помогло.

— Мыши сушки кушать стали, — пробормотала Лена, укладываясь обратно на подушку, набитую, кажется, валенками, и пытаясь плотнее закутаться в куртку, — зубы сразу же сломали. — Голова кружилась всё сильнее, а перед глазами не просто двоилось, а делилось, как клетка в учебники биологии. — Я только посплю немножко...

Кожа под прилипшими таблетками чесалась почти нестерпимо, но снова поднять руку не было никакой возможности, она словно свинцом налилась, да и тёплая темнота оказалась совсем рядом, в ней казалось так хорошо, даже скрип мерзкого ветряка стал словно бы тише.

Вдалеке снова что-то хлопнуло.

— Сколько ты ей дал, идиот? — донеслось зыбкое, неразборчивое. — Отнеси её в дом, щенок!

— Дедушка, — пропищало жалобно, по-комариному. — Она сама...

— Когда бог наказывает грешника, он посылает ему внуков! — гроыхнуло далёким громом.

Ленка улыбнулась, позволяя темноте засосать себя. Там, за чернотой, ждал ангел, которому во что бы то ни стало нужно объяснить: она поняла ошибку и даже знает, как её исправить. А исправить непременно надо, иначе жить дальше просто не получится.

Вот только вместо ангела из темноты вылепился Макс. Впрочем, сейчас это тоже было не плохо.

Новое пробуждение оказалось куда приятнее предыдущего и прошло без всякого скрипа. Голова была ясной, даже какой-то очищенной, правда, в ней завелись некоторые странности. Например, Ленке помнилось, как она звонила, но вот кому именно не определялось совершенно. Впрочем, что она говорила и что ей отвечали, если отвечали вообще, скрывалось за кокетливой дымкой лёгкой амнезии. Но, право, это всё такие мелочи! К сожалению, пить хотелось невероятно и ещё... Ну, наоборот. Да и связанные, вернее даже жёстко стянутые запястья несколько нервировали.

— В шалаше шуршит шелками желтый дервиш из Алжира, — едва слышным шепотом пробормотала Ленка, пытаясь перевернуться на бок. Оказалось, что с руками за спиной, да ещё лежа на скользком, будто маслом намазанном и чересчур узком диване со слишком близкой спинкой, сделать это невероятно сложно. — И, жонглируя ножами, штуку кушает инжира.

— Ну и идиот! — рявкнуло, кажется, над самой головой.

Старообрядцева замерла, сглотнув дыхание. Сердце билось барабаном — и гулко, и часто, и очень громко, заходило просто и с испугу болело немножко, так что совсем не дышать не получилось. Ленка послушала, послушала барабанную дробь, приподнялась, вытянула шею так, что в позвоночнике что-то хрустнуло, но кроме пухлого диванного подлокотника да тёмного окна с купеческими шторами, перехваченными золотыми вроде бы шнурами, ничего интересного не разглядела.

— Хорошо, хорошо, я виноват, — сказали после немалой паузы, но так же близко, хотя и потише.

— Сегодня за завтраком горничная на скатерть кофе пролила, — прорычали в ответ без прежней экспрессии, утомлённо как-то. — Вот она виновата. А ты просто debil.

Ленка улеглась обратно, потёрлась щекой о диванный бок и попыталась подтянуть ноги к груди. Вышло не очень, колени никак не желали помещаться, упирались в спинку, пришлось выгнуться буквой «зю», унижительно в задницу. Та, конечно, тут же сползла с узкого сидения, повисла в воздухе и... начала перевешивать всё тело. Старообрядцева в панике схватилась зубами за кожаную пуговицу, прихватывающие инквизиторские стяжки, прошивающие диванную спинку.

Странно, но это помогло.

— Я не спрашиваю, зачем ты спёр таблетки, — продолжали устало гневаться то ли за стенкой, то ли за дверью, не понять. — Но на кой, скажи на милость, ты ими девку накормил?

— А что мне нужно было делать? — с таким намёком на бунт отозвался виноватый голос. — Простите, пушкой как-то не разжился. Монтировкой по башке лупить? Или в челюсть дать? Чтобы меня первый же гаишник за решётку упёк? Благодарю покорно, что-то не хочется. Или, может, связать и в багажник сунуть?

— Часто тебя гаишники останавливают, — почти миролюбиво проворчал первый.

— Да случается, — сдал и второй. — То у них план «Перехват», то «Сирень», то ещё какая-нибудь фигня. На выезде из города бывает, проверяют. А тут... Ну спит баба и спит, целая, непокоцанная, без царапинки. Какие ко мне вопросы?

— И чтобы ты делать стал, если б она эти таблетки глотать не захотела? —

заинтересовался первый. — Кстати, тебе налить?

— С вашего разрешения. Коньяк у вас отменный, — моментально подхалимнул второй. — А если б не захотела... Да что я, с какой-то девкой не справлюсь? Уж как-нибудь засунул бы.

— Без монтировок, хуков и прочих повреждений? — хмыкнул злящийся, впрочем, вроде бы, решивший сменить гнев на милость. — Ну-ну...

Ленка, не разжимая зубов, замычала, даже постучалась лбом о диванную спинку, но убедительного самобичевания не вышло, слишком мягким был бок. Но надо же так от страха-то одуреть! Справился бы он, как же! Это ещё бабка надвое сказала, она тоже девочка не слабая. Дура, вот ведь дура! Трусиха и вовсе никакая не валькирия, даже не Халк. Расхлёбывай теперь.

— Сколько ты ей дал?

— Да всего две таблетки.

— «Всего две», — не без здоровой язвительности передразнил первый. — Я же говорю: идиот. Ты бы поинтересовался, что за препарат спёр. Вон хоть в интернетах, вы же теперь все интернетами наученные, вот и поинтересовался бы. Не думал, что она у тебя помереть может?

— Что ей сделается, здоровая же кобыла, — несколько смущённо пробормотал Андрей.

Ну да, Андрей и есть, а вот первого Ленка так и не узнала. Честно говоря, по голосу-то она и красавца бы не разоблачила, но тут уж догадаться не сложно. Правда, было б неплохо, включись соображалка пораньше, только чего уж сейчас горевать. Теперь бы сообразить, как разогнуть полусогнутые, начавшие уже затекать, ноги и на пол не свалиться — колени, распорками упёршиеся в диван, распрямляться никак не желали.

— Кобыла не кобыла, а этот препаратец, друг мой, здоровенным мужикам осторожненько дают, по полтаблеточки, чтоб не буянили, — наставительно изрёк неопознанный. — Иначе остановка дыхания и всё, готовь речь для апостола Павла. Ну да ладно, теперь твоя красотка до завтрашнего вечера продрыхнет, коли уж сразу богу душу не отдала. Хотя подставить ты меня мог по-чёрному, Андрэ.

— Да виноват, виноват!

— Не виноват, а должен. Должок за тобой запишу. Теперь давай по делу и без выкрутасов. Зачем тебе эта барышня нужна?

— Валить мне надо и валить срочно. Я не думал, что Макс так быстро выкрутиться, всё же надёжно было.

— Думать вообще полезно, друг мой. Попробуй на досуге, вдруг увлечёшься? И надёжно всё было исключительно в твоих щенячьих фантазиях. — Первый то ли кашлянул, то ли хихикнул, но получилось у него сухо и невнятно, будто кто-то смятой газетой шелестнул. — Но суть я понял. Тебе срочно надо выехать из страны. Что дальше?

— Да понимаете, с бабками... То есть, с деньгами у меня не очень. Есть, конечно, кое-что, но на безбедную жизнь у тёплого моря не хватит. Я думал... Я хотел всё-таки попробовать с этой доверенностью дело закончить. Но это так, на нервах, всё равно не успею толком ничего сделать. А тут осенило, надо эту девку продать.

— В гарем суданского шейха? — снова шелестнул неопознанный. — В турецкий бордель?

— Какой бордель? Макс у я её продам!

— А если он не захочет покупать? Поправь, если я ошибаюсь. Вроде бы ты говорил, что

он с барышней рассорился?

— Макс со своими... барышнями не ссорится, а сразу разбегается в разные стороны. Она с какой-нибудь цацкой подороже, он с воплями, что больше никогда. А тут другое, сразу же видно.

— Кому видно, тому видно, — непонятно протянул первый. — И ты думаешь, Максимушка тебя вот так просто отпустит?

— Отпустит, никуда не денется, — огрызнулся Андрей. — Не всё же ему сливки снимать, надо и с другими поделиться. Короче, это моя проблема. Я всё давно продумал.

— Оно и видно.

— Ну да, накосячил! — Ленка, конечно, этого видеть не могла, зато хорошо представила, как красавец раздражённо откидывает чёлку. — Пришлось на ходу тапки менять, вот и растерялся. Да тут Лёлик ещё с панталыку сбила, начала истерить... Но я всё исправлю, клянусь. Девку ближе к утру увезу, вы только проследите, чтобы тут никаких следов не осталось, ладно?

— Это уж не твоя забота, чай сам соображу. И на Лёлика много не вали, не по-мужски это. Ну да мелочи всё, решим. Ты мне вот что скажи, Андрэ. С девочкой нашей всё понятно, Господь женщинам в наказание за первородный грех мозгов не даёт, но ты то зачем в эту историю ввязался?

Красавчик отвечать не спешил, пауза затягивалась. Где-то вдалеке яростно, до хрипа, разлаялась собака, что-то металлически грохнуло — гаражные ворота, что ли? И снова всё затихло.

— Не-на-ви-жу, — чётко, по слогам, наконец, выговорил блондин. — Вот кого-кого, а его бы собственными руками удавил. Мразь! Сволота поганая.

— Да с чего бы такие горячие чувства? — мягко удивился первый.

— Ему всё, а мне только хрен в грызло? Ну уж нет!

— Хозяин! — вклинился невесть откуда взявшийся третий. — Там...

— Ну что? В этом доме будет покой или нет? Без меня ничего решить не можете? Хорошо, хорошо, пойдёмте. Андрэ, давай за мной, нам надо ещё...

***

Те, кто за стеной говорили, решили убратся невероятно вовремя. Дядя, конечно, был несомненно прав, и Ленка отличалась не просто удручающей, а невероятной, может даже, с жизнью несовместимой глупостью, зато удача её не покидала, зря она на своего ангела клепала, не дремал он, сердешный. Наоборот, наверное, уже умаялся за своей подопечной приглядывать, иначе б она давно...

В общем, как только дверь в соседней комнате мягко хлопнула, тут-то страшное и содеялось. Ну, может, не страшное, а лишь опасное, но только зазевавшаяся Старообрядцева выпустила обмусоленную пуговицу и богатство, которое у неё снизу и сзади располагалось, перевесило-таки, стянув хозяйку с надоевшего дивана. Слава всем, что на полу оказался толстенный ковёр и грохота не случилось, но сотрясение вышло знатным.

Ленка полежала, до зелени перед глазами вглядываясь в полумрак, подгрребла под себя разъезжающиеся, как у новорождённого жеребёнка ноги. Не сразу, не с первой попытки, но встала, больно приложившись бедром о какой-то здоровенный стол. Коленки дрожали и держали неуверенно, да ещё руки окончательно онемели, Старообрядцева их вовсе чувствовать перестала, но в остальном жизнь начала налаживаться. Лене даже удалось обойти подлый стол, оказавшийся бильярдным, почти не шатаясь и совсем бесшумно.

За столом в специальной такой стойке торчали кии, на вид массивные, грозные, вполне способные сойти за оружие. Ленка даже пригорюнилась, в каком-то японском мультике она видела, как герой очень даже эффективно сражался, держа меч зубами, но её боги таким талантом обделили, вон даже пуговицу упустила, так что оставалось лишь одно: выпутываться, как есть, безоружной. Зато рядом со стойкой обнаружилась очередная портьера, до смешного смахивающая на оконную, даже шнур с кистями имелся, за ней незапертая, услужливо приоткрытая дверь. Дальше зала или не зала, а словно сцена для кино: тлеющий камин, тусклые чудные лампы, кресла с гнутыми спинками, низкие столики, а на них солидно поблёскивающие хрустальные бокалы.

Старообрядцева, конечно, полюбовалась эдакой красотищей, но не долго и бочком, бочком — тоже как в фильме, только в другом, не про английских сыщиков, а про американский спецназ — двинула на выход.

Там кино продолжилось, но уже про террористов, потому что поперёк почти тёмного коридора лежал мужчина в такой специфической форме охранника, даже при кепочке и бронежилете. Впрочем, это мог быть просто жилет, Ленка в них не разбиралась. Только вот лицо лежащего охранника было уж очень бледным, синеватым даже, а из-под кепочки натекла лужица подозрительно тёмного.

Старообрядцева придушенно пискнула и попятилась, только вот пятиться было некуда: сбоку глухая стена, позади зала, а там комната с бильярдным столом, впереди мертвый, кажется, мужик. Ну, вот хоть под пол проваливайся, честное слово!

К сожалению, Ленка даже не успела сообразить, что же ей теперь делать — всё за неё решили. Она совершенно ничего не услышала и не увидела, лишь почувствовала, как за локоть рванули, да так сильно, до боли в плече, и Старообрядцева начала заваливаться в бок, краем глаза увидев, что там, сбоку, неожиданно темно. Но даже возможности завопить её лишили, потому как рот зажала ужасно жёсткая рука вроде бы в кожаной перчатке.

Фильм про террористов продолжался, стремительно превращаясь в кошмар.

— Тихо, — по-змеиному прошипели Ленке в ухо.

Старообрядцева с энтузиазмом закивала, а потом замотала головой и даже присела от усердия, пытаясь всеми доступными средствами продемонстрировать, что она тише воды.

— Да не дёргайся ты! — прорычали шёпотом, но очень сердито.

Лену развернуло, заставив ткнуться лицом в твёрдое — стало совсем темно и тихо, она только два дыхания и слышала, своё, заполошное, срывающееся, да чужое, спокойное и ровное. Зато от твёрдого, об который Ленка нос почти расплющила, пахло очень, просто до боли, знакомо.

— М-макс? — проямлила Старообрядцева.

— Федя, — отрекомендовалась темнота мрачно и завозилась, чем-то звякнув. — Погоди.

Черноту прошил острый точь-в-точь шпага, луч света, жутковато подсветив половину мужского лица: лишь подбородок, рот с зажатой в зубах вроде бы ручкой, но как бы фонариком, да ноздри, а дальше провал.

— Ты всё-таки из спецназа, — облегчённо выдохнула Ленка.

— Я из спортзала, — огрызнулся Макс. — Да стой ты смирно, не дёргайся! Не разгляжу никак...

— А мы где?

Старообрядцева послушно замерла, позволяя своему, кажется, спасителю крутить себя,

как ему вздумается.

— В Караганде, — не слишком отчётливо, но очень веско ответил Петров.

Наверное, говорить с фонариком в зубах ему было не слишком удобно.

— Ага. А если точнее?

— Да чёрт его знает, в каморке, швабры какие-то тут. Ножа только нет, а жаль.

— У тебя нет ножа? — тяжело поразились Ленка, пытаюсь обернуться.

— Не прихватил, — с яростной любезностью пояснил Петров, непонятно возясь в темноте, только острый луч прыгал по близким стенам, выхватывая куски действительно швабр, перевёрнутых вёдер, стойки с пластиковыми бутылками, бок непонятого агрегата. — Придётся вам простить мою непредусмотрительность, леди.

Ленка снова не поняла, что случилось, но руки, стянутые за спиной, отпустило и они, болтанувшись, повисли по бокам, словно никакого отношения к хозяйскому телу не имея.

— Садись. — Макс, надавив Старообрядцевой на плечи, заставил её пристроиться поверх шаткой пирамидки из перевёрнутых вёдер, сам рядом на корточки примостился. Подцепил Ленины ладони — странные, распухшие, вроде как раздутые и очень тёмные — и принялся их растирать. — Потерпи, сейчас больно будет. А вообще как, цела? — Ленка рассеянно кивнула. — Тебя этот му-у... Мирин... не обидел? То есть...

— Понятия не имею, — эдак беспечно ответила она, пожав плечом. — Я почти всё время в отключке валялась. Но не думаю, они тут сначала ругались, потом... Потом тоже ругались. В общем, Андрей занят был.

— И что это значит?

Макс медленно поднял голову. Свет фонаря мазнул Старообрядцеву по лицу, по глазам и Ленка в очередной раз — кстати, в который уже за этот дикий день? — не поняла, что случилось. Просто в носу стало невероятно тесно, в глаза будто перца сыпанули и слёзы хлынули ливнем, мгновенно промочив даже воротник свитера.

— Лена? — Петров напряжился, как сторожевая собака.

— Макс, это вправду ты? — прогундосила Ленка, вытирая чешущуюся от мокряди щёку о плечо.

— Иди ты к чёрту! — обиделся спаситель и даже в какой-то степени рыцарь.

— Сам иди. Хотя нет, не уходи, пожалуйста.

Старообрядцева сползла с вёдер, ткнулась Максиму в плечо, едва не повалив Петрова навзнич, и разревелась уже всерьёз, стараясь завывать потише.

— Ну перестань, — растерянно пробормотал отчасти рыцарь, — валькирии не плачут.

— Я н-не вальки-ирия-а...

— Я знаю. — Петров, наконец, догадался погасить свой фонарик, устроился поудобнее, прислонившись спиной к стене, прижал к себе Ленку, попытавшись, правда, не слишком успешно, накрыть её полую свою куртку. — Ты мой маленький Халк.

Макс ладонью — и как только нашёл в темноте? — отёр её щёку. Правда, перчатку снять он так и не догадался.

***

Макс наврал: стало не больно, стало так больно, что хотелось кого-нибудь покусать, а за неимением подходящей жертвы тихонько подскуливающей Ленке пришлось грызть воротник петровской куртки. Спаситель стоически терпел, наглаживая страдальцу по голове, куртка тоже не сопротивлялась, зато начавшие отходить руки, кажется, по-настоящему возненавидели хозяйку. И лучше б они в самом деле куда-нибудь отошли, а то и

уши вовсе, потому что терпеть дикую ломоту в купе с не менее дикой почесухой и жжением под самой кожей не было никаких сил. Главное же, что мучилась Старообрядцева вроде бы зря, пальцы как не слушались, так послушнее не становились, сколько Макс не массировал истерзанное запястье свободной от наглаживания рукой.

— Я его убью, — серьёзно пообещал Петров.

— Гахо? — уточнила Ленка, подумав.

— Чего?

Пришлось выплюнуть истерзанный курткин воротник, хотя они со Старообрядцевой почти уже сроднились.

— Спрашиваю, кого ты убить собрался.

Макс тоже призадумался.

— Всех, — выдал он, в конце концов.

— Жестоко, — хлюпнула Ленка вконец промокшим носом, сунув замучившие руки подмышки, так вроде бы стало полегче, — но справедливо. Слушай, а чего мы тут сидим?

— Прячемся? — предположил Петров.

— Нет, это-то понятно. Но может лучше того, сбежать? Или препятаться понадёжнее?

— Нормально, — отозвался Макс таким специальным самцово-брутальным тоном, мол: «Спокойно, детка, у меня всё под контролем! Лучше поддержи мой кольт, пока я выкурю сигару».

— Тебе нормально, а вот сейчас как увидят, что меня нету, как начнут искать, так сразу станет ненормально, — насупилась Старообрядцева. — И что тогда делать станешь?

— Ничего не стану. Пока тебя никто искать не будет.

— Почему?

— О, Господи! Откуда ты такая взялась на мою голову?

— Из Мухлово, — пояснила вежливая Ленка. — Так почему?

— О, Господи, — повторил Макс и вроде бы постучался затылком в стену. По крайней мере, звук вышел сочный, гулкий, совсем не такой, когда, например, кулаком лупят, а такой, когда деревяшкой по деревяшке бьют. — Потому что они заняты, ищут, где у них пожар.

— А где у них пожар?

— Нигде. У них гараж дымится.

— Просто так дымится?

— Не просто так, а потому что я всё-таки химик, — ответил брутальный самец.

— И... чего? — спросила Ленка, раздумывая, стоит ей всерьёз обидеться или ещё погодить.

— И ничего. Из мусора и химии, которые в любом гараже есть, можно примитивную дымовую шашку сделать. Учти на будущее вдруг пригодиться, — заявил никакой не рыцарь, а вовсе даже самовлюбённый ковбой, да ещё пальцем Старообрядцевой на нос нажал, вроде как на кнопку.

И опять-таки, как только умудрился? В темноте он, что ли, видел, типа кота? Хотя враки это всё, кошки тоже в темноте ничегошеньки не видят.

— Так самое время ноги уносить пока они заняты, — проворчала Ленка, решив всё-таки обидеться, но не всерьёз, а так, чуть-чуть.

— Нет, надо ещё подождать. Вот пожарные приедут, тогда самая суматоха начнётся.

— Что-то долго они не едут.

— Это как раз объяснимо. Пожарная часть отсюда далековато, да ещё машины в ворота

не введут, узки они для ЗИЛа, потому что эти посёлки проектировали идиоты, мелочами не заморачивающиеся. Придётся им по грунтовке пожарным пилить, почти до деревни, с той стороны ворот нет. Там и забора-то никакого нет.

— И твоя шашка всё это время дымить будет?

— Нет, конечно. Но я же не одну сделал, да и ночь на дворе, снег с дождём идёт, не сразу сообразишь, есть дым или нет. Главное, палёным воняет, остальное сами додумают.

— Умный, да? — нахохлилась Старообрядцева и даже отодвинулась немножко.

— Да говорят не дурак, — хмыкнул Макс и водворил её на место, то есть обнял и к себе притянул. — Ты вроде тоже, а с Мерином зачем-то поехала. Зачем?

— Просто хотела узнать.

— Что именно?

— Всё!

— Узнала?

— Представь себе.

— Не буду, а то испугаюсь ещё, — усмехнулся Макс ей в макушку. — И, конечно, то, что тебе его жалко стало, совсем ни при чём?

— Ну и стало. А что, это запрещено? Да и пожалуйста, в следующий раз вообще никого жалеть не буду, — в конец осерчала Старообрядцева.

— Это обнадёживает.

— Что именно?

— Что будет следующий раз, — на ровном месте развеселился Петров.

— Нет, ты всё-таки дурак!

— Ещё какой, — не стал спорить Макс. — А Андрюха всегда умел на жалость давить, это у него лучше всего получалось. Но всё-таки, Лен, давай ты не будешь...

— Хорошо. — Соглашаться со всем разом и скопом лучше быстро, не давая шанса с конкретикой определиться. — Я больше не буду. Лучше скажи, как ты-то тут очутился?

— Ты позвонила, я приехал, — пожал плечами Петров.

— Я тебе не звонила, — помотала головой Ленка. — Я, кажется, Светланке звонила. Точно, ей, вспомнила!

— Ну, значит, звонила Светланке, а дозвонилась до меня. Сообщила, что у тебя всё хорошо. Если совсем уж честно, я решил, что ты пьяная в дымину. У тебя язык заплетался.

— Да я не пью, — возмутилась Старообрядцева, — Почти, — уточнила уже потише.

— Вот и я так подумал. А зачем было говорить, что всё, мол, в порядке.

— Ну как? — удивилась Ленка. — Чтобы Светланка не пугалась и не сильно волновалась.

— Л-логика! Где она? — процедил Макс и сам же себе ответил. — Нет её, даже рядом не ночевала. Твоё счастье, что у нас в области не так много домовладельцев, пекущихся об экологии. И ещё меньше тех, кто об этом орёт на каждом шагу, а то бы я тебя год искал. Так что в следующий раз, коли он всё-таки будет, просто скажи, что вляпалась и дай точные координаты, ладно?

— Ладно, — согласилась послушная, покорная и практически уже на всё готовая Старообрядцева. — Макс, а кто орёт-то? Ну, про экологию.

— Да господин Сапунов у нас ба-альшой поклонник всяких солнечных батарей и прочей байды. Очень, понимаешь, заботится Юлий Александрович о всеобщем благе.

— Юлий Александрович? — Ленкин голос с чего-то вдруг сел почти до сипа, даже

откашляться пришлось. — Друг твоего папы?

— И давний поклонник моей мамы. А ты даже не поняла, куда тебя приволокли? — усмехнулся ковбой, шикарно прищурившись из-под полей стетсона, пусть и воображаемого. — Тоже мне, сыщица доморощенная. Правда, честно говоря, я пока не очень понял, при чём тут он. Но нам, кажется, пора.

— Зато я... — начала было Старообрядцева.

— Давай потом, окей? — снисходительно попросил ковбой, снизойдя с высот своей невероятной ковбойской крутости. — Пора тебя отсюда убрать.

— Хоккей, — сердито буркнула Ленка, прекрасно расслышавшая хоть и далёкую, но отчётливую истерику машинных сирен.

Убираться она никуда не хотела, тем более сейчас, когда истина была не просто рядом, а буквально на носу висела. Да и опасность теперь казалась не такой... опасной, не совсем всамделишной, немножко ненастоящей. Наверное, потому, что она к этой опасности привыкать начала. А, может, из-за того, что рыцарь, хоть и в стетсоне вместо шлема, пусть и по ошибке, но на вырубку всё-таки прискакал?

***

Вроде бы мёртвый охранник в коридоре за время, пока они в кладовке прятались, успел не только ожить, но и к стене отползти, да ещё почти сесть. Правда, взгляд у него был до сих пор мутноватым и малоосмысленным, Ленку он вроде бы вообще не заметил, хотя она и пискнула с испугу, не удержалась.

— Ещё, что ли, добавить, — задумчиво протянул Макс, подкидывая на ладони какую-то плоскую круглую штуку.

Охранник ему ничего не ответил, но почему-то потянулся к собственному затылку, совершенно по-коровьи хлопая белёсыми ресницами.

— А что это? — Ленка кивнула на плоскую штуку, которой Петров игрался.

— Да ну к чёрту, убью ещё, — решил Макс, в последний разок подбрасывая кругляш. — Это, Лен, «блин» от гантели.

— И ты им его... А разве гантели не с такими приделанными шариками на концах? И откуда у тебя этот «блин»? Ты его прямо по голове, да? — зачастила Ленка, хлопая глазами ничуть не хуже покалеченного парня.

Макс глянул на неё эдак свысока, снисходительно. Что удивительно, охранник, прояснев взглядом, сделал тоже самое.

— Я же уже говорил, что был в спортзале. Пришлось брать, что есть, пулемёты туда сегодня не завезли, — с мученическим долготерпением разобъяснил Петров, разворачивая Старообрядцеву за плечи.

— Подожди, у него же кровь!

— Ему за это деньги платят, — отрезал Макс. — Всё, Лен, давай в сестру милосердия ты потом поиграешь, пойдём.

— Но...

Но уйти им никуда не дали, потому что в другом конце коридорчика, а откуда именно — не понятно, ну точно чёрт из табакерки, — выскочил ещё один в кепочке и то ли в бронежеле, то ли просто в жилете. Выскочил и замер, даже рот приоткрыл: удивлённый такой, кажется, конопатый и вроде бы совсем молоденький.

— Тебе только тут и не хватало, — буркнул Петров под нос, да и пошёл вперёд. — Послушайте, уважаемый, — заговорил раздражённо, даже брюзгливо. — Что у вас тут

творится? Быстро, чётко и кратко, почему я должен терпеть этот бардак?

Что там дальше Петров вытворял, Ленка рассмотреть не успела: раненый, который вот только что и сидел-то криво, начал подниматься вполне целеустремлённо и в спину Макса он смотрел вовсе не томно, а как-то очень нехорошо.

— Мама! — рывкнула Ленка в панике, получилось почему-то басом, и вытянула из-за спины швабру, которую от Макса прятала.

Проклятый черенок выскользнул из влажной ладони и всё ещё не слишком послушных пальцев, Старообрядцева попыталась перехватить рукоять, швабра провернулась пропеллером точь-в-точь, как в боевиках, даже воздух вроде бы свистнул.

— Ты чего? — не понял раненый, перестав подниматься, так и остался стоять на одном колене, опираясь ладонью на пол.

— И-йя! — взвизгнула Ленка и саданула парня солидной, тяжёлой щёткой, сработанной наверняка из массива дерева и с натуральной щетиной, не иначе.

А куда попала, она не видела, потому как зажмурилась. Вроде бы по хребтине парню, а, может, и нет, но куда-то попала точно, ведь в коридоре стало очень тихо.

— Лен, ты как? — донёлся из тишины Максовый голос.

Старообрядцева в ответ пожала плечами и осторожно приоткрыла один глаз. Петров стоял над телом поверженного конопатого.

— Надо же получилось, — задумчиво протянул Макс, натирая собственный кулак. — В первый раз, представляешь? Тренеру скажу, не поверит. Только я, кажется, палец сломал.

— Зачем? — прошлёпала Ленка совершенно сухими губами.

— От тебя, наверное, заразился.

— Чем?

— Халкизмом. Пойдём, валькирия. Копьё своё не забудь.

Старообрядцева, пораскинув мозгами, открыла и второй глаз, опасливо косясь на валяющуюся швабру. Ну и на второго, вернее, первого охранника, так же тихо лежащего рядом.

— Макс, ты цел? — проблеяла Ленка тряско.

— О, Господи! — раздражённо выдохнул Петров, решительно подшагал и не менее решительно взял Лену за руку.

Тут за поворотом коридора, откуда и выскочил конопатый, что-то треснуло, будто переломился здоровый сук, и грохнуло весьма внушительно.

— Нельзя ли поосторожнее, уважаемый Михаил Сергеевич? — раздался слегка раздражённый, но, в общем-то, благожелательный голос, сильно смахивающий на девчачий. — Так ведь и убьёте молодого человека.

— Прошу прощения, Элиза Анатольевна, — смущённо пробасили в ответ. — Нас ведь как учили...

— Ну, так переучивайтесь, не мальчик уже. Деликатнее стоит быть.

— Чёрт! — процедил Петров, с силой шлёпнув себя ладонью по лбу, и зашипел дырявым шлангом — от боли, наверное, потому как содранные костяшки у него на самом деле уже успели опухнуть и, кажется, продолжали распухать.

— Макс, — поприветствовала сына Элиза Анатольевна.

Из-за поворота она не вышла, а вышагнула, да ещё с таким достоинством, куда там английской королеве, не умеет та так шагать, даже и близко не похоже.

— Мама, — прорычал в ответ Петров.

— Дядя? — выгнулась Ленка на ковыляющего вслед за хозяйкой родственника.

Правда, ковылял Михал Сергеич уверенно, где-то даже браво, опирался на трость заливчато, с эдаким гусарским шиком.

— Извольте видеть, дорогая Элиза Анатольевна, — при виде Ленки дядюшка мигом набычился, посмурнел. — Моя племянница, Елена. Как я вам и говорил...

— Мама! — совсем не вежливо перебил старика Петров.

— Макс, — холоднокровно отозвалась Элиза Анатольевна, снимая с рукава элегантной шубки пушинку.

— Иди ты к чёрту, мама!

— И тебя туда же. Лена, с вами всё в порядке? Мне поступил странный звонок, а до вас дозвониться я не сумела, и мы с Михаилом Сергеевичем решили немедленно приехать, чтобы проверить всё самим.

— Кому ты ещё позвонить успела? — то ли рявкнул шёпотом, то ли простонал Петров, оборачиваясь.

— Я не... — прошелестела Ленка, даже отступая на шаг, таким страшным сейчас выглядел Макс. — Я никому! Я только Светланке! То есть тебе, а больше...

— Между прочим, мне ты тоже позвонила, — невероятно вовремя встрял дядюшка. — Я уже собирался спать ложиться, а тут...

— Погодите, Михаил Сергеевич, давайте сначала разберёмся, — Элиза Анатольевна очень хозяйским жестом взяла Ленкиного родственника под руку. А тот глянул на неё с таким обожанием, что Старообрядцева, даже позабыв, что вокруг творится страшное, позавидовала: ну бывает же любовь на свете! И возраст ей нипочём. — Ты можешь объяснить, что произошло, Макс?

— Режим конференции, скорее всего, — буркнул Петров, отворачиваясь от Ленки.

Видимо, смотреть на девушку у него уже никаких сил не было.

— Какой ещё конференции?

— Думаю, когда она звонила, включила режим конференции. Ну и дозвонилась всем, кому могла.

— Нет у меня такого режима, — пробормотала Ленка, чувствуя себя конченной преступницей. — То есть, я не знаю... Получается, что Светланка тоже сейчас приедет? — вылетело прежде, чем она успела рот захлопнуть.

Макс всё-таки глянул на неё и выматерился сквозь зубы. Помолчал и выматерился ещё раз, но уже витиевatee. Потом загнул такое, от чего даже мухловские бы умельцы рты пораскрывали. И, видимо исчерпав ресурсы родного и могучего, выдал:

— Цао ни цзуцзун шибда дай![1]

— Ты знаешь, Макс, я не ценитель подобных выражений, но, пожалуй, данную ситуацию по-другому и не охарактеризуешь, — оценил Юлий Александрович. Как и полагается всем уважающим себя злодеям, появился он никем незамеченный и был элегантен, как сам дьявол. Если бы, конечно, тому пришла блажь разгуливать посреди ночи в пиджаке сливочного цвета и при шелковом платке вместо галстука. — Динь-динь, ты прекрасна, как всегда. — Престарелый красавец облобызал ручку не сопротивляющейся Элизы Анатольевны и полностью проигнорировал драконом запыхтевшего Михал Сергеича. — Елена, рад, что вы так быстро оправились. Приношу самые искренние извинения за необдуманное поведение господина Мерина.

— С-сука! — выдавил сквозь зубы Макс.

— Козёл! — не остался в долгу Андрей, смело выходя из-за спины Юлия Александровича.

— Мальчики, — укорила их Элиза Анатольевна.

К сожалению, её никто не услышал, всплеснувший тестостерон оказался сильнее воспитания.

[1] Иск. китайский, обценное выражение.

Кто откажется посмотреть на хорошую драку, особенно если участники отдаются делу полностью, да ещё с экспрессией, с огоньком, так сказать? Да любой откажется! Это только в кино ноги летают грациозно, брызги крови веерами и фейерверками, а главный герой, только что получивший по физиономии рельсом, эффектно вытирает уголок губы, сплевывает юшку на пол и так даёт противнику по шам, что и Годзила бы забоялся.

Реальность же, как обычно, придуманной картинке сильно проигрывала. Ну что может быть впечатляющего в двух катающихся по полу, надсадно пыхтящих мужиках, тягающих друг друга за грудки? Сплошная срамота и никакой красоты, по крайней мере, Ленка так считала. Даже в Мухлово дрались... ну, грандиознее, что ли. Вон хотя бы Димку Корчагина вспомнить, как он вилами Федьку гонял, когда его с Алкой-фермершей застукал. Правда, там не драка получилась, а натуральные гонки с препятствиями. Только когда сама Алка с колодезной цепью выскочила, тогда до настоящей драки и дошло, обоим досталось, Димке даже вилы не помогли. Но всё равно там размах был, а тут смотреть и то стыдно.

Но, кажется, такого мнения лишь Старообрядцева придерживалась, потому как остальные свидетели на происходящее пялились, да ещё как: парочка охранников, которые с престарелым красавцем притопали, несколько растерянно и всё больше на хозяина поглядывали, явно приказов ожидая; сам Юлий Александрович глядел неодобрительно, брезгливо, но вмешиваться не спешил; Элиза Анатольевна иронично, не без весёлости; дядюшка Михал Сергеич с азартом, плечами поводя, будто помогая, и даже крикнул раз: «Слева, слева его!», а кому крикнул, не понятно; ну а Степашка-Лёлик, тоже оказавшая тут, судорожно тыкала маникюром в телефон. Снимала всё это безобразие, что ли?

Ну а пока все пялились верх начал одерживать Макс, видимо, он не только сегодня в спортзал ходил. Причём верх-то он одержал в самом прямом смысле, то есть взгромоздился на Андрея, саданул ему по физиономии, правда, получилось не слишком эффектно, потому как левой рукой, правую, уже разбитую, Петров берёт. Вероятно, поэтому он решил сменить тактику и, схватив красавца за блондинистый чуб, приложил Мерина затылком об пол, но тоже без особого результата, толстый кавролин помешал. Вот на этом эпическом моменте у Ленки терпение и кончилось.

Старообрядцева схватила вазу с сухим веником — Светланка такие икебаной называла — да прямо так, веника не вынимая, хватанула об стену. Средство подействовало моментально, возня прекратилась.

— А почему не шваброй? — с лёгким намёком на любопытство поинтересовалась Элиза Анатольевна после немалой паузы, когда все, ну абсолютно все, включая Степашку с телефоном, таращились на Ленку.

— Да ну её, — застеснялась Старообрядцева, косясь на охранника, притулившегося у плинтуса и до сих пор вполне успешно имитировавшего глубокий обморок, — слишком уж тяжёлая.

— Это был настоящий китайский фарфор, — посетовал Юлий Александровис, впрочем, без особой досады.

— Враньё, — не поверил отвалившийся к стенке Макс и утёр в кровь разбитые губы, правда, не шикарно, большим пальцем, а рукавом куртки, отчего только сильнее размазал грязь и стал похож на переобедавшего вампира. — Что я, китайского фарфора не видел.

— Эта ваза датирована эпохой Минь, — упёрся престарелый красавец.

— Да хоть Мань, — Петров, в полном согласии с законами жанра, сплюнул на пол, — всё равно новодел.

— Макс, как ты себя ведёшь! — укорила сына Элиза Анатольевна.

— Как полный придурок, — чистосердечно признался Петров.

— Ты мне челюсть сломал, козёл, — пожаловался потолку не спешащий вставать Андрей.

— Будешь вякать, сломаю вторую, — от всей широкой души пообещал Макс.

— Вы уже закончили? — капризно уточнила Степашка. — Я могу идти?

— Придётся ещё немного подождать, — осадил её Юлий Александрович. — Нам необходимо уладить возникшие недоразумения.

— Какие ещё недоразумения? — надула губы певичка.

— По всей видимости, под «недоразумением» уважаемый господин Сапунов подразумевает похищения человека, — хмыкнул Макс. — И причинение вреда здоровью. Ну а уж какой там был вред, тяжкий или не очень, разберутся адвокаты, я в этом не понимаю. Лен, иди сюда.

— Зачем? — не слишком уверено отозвалась Старообрядцева.

Макс глянул исподлобья и очень выразительно, Лена, на всякий случай поудобнее перехватив швабру, подошла.

— Присядь, — приказал Петров.

— Зачем?

Макс снова посмотрел. Ленка поспешно присела.

— Дуй, — Петров указал пальцем на собственную, буквально на глазах меняющую свой цвет на багровый, скулу.

— З... Зачем?

— Потому что мне больно, чёрт побери! — взорвался Макс. — А заодно объясни, почему мне постоянно пытаются набить морду, когда ты рядом? Я, между прочим, не гопник с району, — он так и сказал, «с району», — я уважаемый бизнесмен!

— Интересно, кем уважаемый? — подал голос за Лениной спиной Андрей.

— Строго говоря, сейчас ты сам полез в драку, — напомнила Старообрядцева. — И обжегся тогда сам. А в подъезде тебе... дали по лицу без меня.

— Ты была в квартире, соответственно рядом.

— И в тюрьме меня не было.

— Ты приходила.

— Но уже потом.

— Время штука относительная. Ты будешь спорить или дуть? — набылся Петров.

Ленка осторожно хихикнула и подула.

— Легче?

Макс серьёзно кивнул, перехватил её за шею, заставив наклониться ещё ниже, почти к самым очкам, которые до сих пор каким-то чудом оставались у него на носу, да ещё и целыми.

— Прости меня, — едва слышно потребовал Петров.

— За что? — так же тихо удивилась Ленка.

— Что не поверил. Вернее, подумал, что ты тоже... Что вы с Мерином... В общем, прости.

— До тебя только сейчас дошло, что я не... — просипела Старообрядцева.

Сидеть на корточках, да ещё с согнутой едва не дугой шеей, было дико неудобно, но очень важно — вот именно сидеть, и именно так, и именно сейчас. А остальное не имело ни малейшего значения.

— Ты всегда отвечаешь вопросом на вопрос? — нахмурился Макс, надвинув брови на очки, как-то вот у него получилось.

— А что?

— Чёрт!

— Ма-акс, — протянула Старообрядцева, не без труда всунув между ними руку, и аккуратно, самыми кончиками пальцев погладив распухающую скулу, на которой свежий багрянец уже перекрыл линияющую желтизну старого синяка. — Всё ж просто. Ты до сих пор не понял? Я же тебя люблю.

— Это хорошо. — Петров перехватил её запястье и прижал ладонь к своей щеке — сильно, а ведь это наверняка было больно. — Очень хорошо, что ты меня любишь, Ленка. Только пока не бросай это дело. — Она помотала головой, дивясь мужской тупости. Всё же уже сказано, так как же по другому-то быть может? Ну ведь никак не может. — А я тебе потом всё скажу, ладно?

— Почему потом?

— Наверное, потому что трус.

— Хочешь, я сгоняю в Изумрудный город и принесу зелье храбрости?

— Девушки из Мухлово читают книжки?

— Сейчас, наверное, только девушки из Мухлово и читают книжки, — сообщила откуда-то сверху Элиза Анатольевна. — И меня этот факт несказанно радует. Но остальные присутствующие начинают скучать. И, боюсь, совет катиться к чёрту они могут воспринять неадекватно.

— Есть вариант, — отозвался Макс, не отпуская Ленкиной руки, — к чёрту можем обратиться мы.

— К сожалению, такой вариант невозможен, — вздохнул Юлий Александрович. — Я вынужден вас задержать, пока мы не разрешим все недопонимания.

— Чёрт, — сквозь зубы выдавил Петров.

И Ленка была с ним полностью согласна. Ну вот почему бы миру не провалиться, когда этот так нужно? Не навсегда, понятное дело, но хоть на время. Так ведь нет, не проваливается.

***

Ленку Петров не отпустил, даже когда вся честная компания перебралась в комнату, ту, что с камином. Сам-то Макс в кресло уселся, а Старообрядцеву на подлокотник пристроил. Это уж было совсем-совсем неудобно, Лена себя не курицей, а коровой на насесте чувствовала, и ей до зуда в зубах захотелось стать чуточку поменьше. Но спорить она не стала, в конце концов, кому какая разница? Да никакой! А если кому и есть, то пусть... Пусть идут к чёрту, вот так!

Додумавшись до такого, Старообрядцева даже приосанилась, спину выпрямила и горбиться перестала. Макс, конечно, всё заметил, но комментировать не стал, лишь сцепил свои пальцы с Ленкиными в замок.

— Ну что ж, начнём, пожалуй, — предложил Юлий Александрович, вальяжно устроившись в кресле напротив. — Поскольку всё случилось в некоторой степени с моего

попустительства, я возьму на себя смелость вести переговоры о компенсации, достаточной, чтобы нивелировать досадный инцидент. Лёля, предложи всем напитки.

— А ху-ху не хо-хо? — выдвинула контрпредложение надувшаяся, да так и не раздувшаяся Степашка.

— Обойдемся без напитков, — буркнул Макс, — утро скоро, а у нас дома кот некормленный. Но прежде чем начнём нивелировать инциденты, а так же создавать прецеденты и заниматься прочим мозгоклюйством, я бы хотел уточнить некоторые детали. Тоже возьму на себя смелость.

— Иначе? — элегантно приподнял бровь стареющий красавец.

Петров до ответа не снизошёл, но как-то сразу стало понятно: иначе ничего хорошего не произойдёт, а может даже и плохое случится.

— Хорошо, я расскажу тебе, что знаю, — Юлий Александрович, сложил ладони домиком, прикрыв рот. — Но предупреждаю, знаю я не всё.

— А я вот знаю, — пробормотала Ленка, — и почти всё.

— Да что ты можешь знать, дура? — шикарно усмехнулась Степашка, всё-таки что-то налившая из солидного графина, но только в один стакан. Себе, наверное.

— Как показывает доигрывание, дура здесь ты, — невозмутимо парировал Юлий. — Так что будь добра, захлопни рот. И поддержи его закрытым.

— Да не дура она, — даже для себя неожиданно вступилась за певичку Ленка, — просто красивая очень. И всегда красивой была.

— И где тут связь? — заинтересовалась Элиза Анатольевна, пристроившаяся на краешке дивана ну точно герцогиня или всё та же королева.

Она даже ноги сложила по-особому, по-герцогиньски, наверное: коленка к коленке, а ступни эдак на бочок, на сторону. Старообрядцева тоже попробовала так сесть, чуть не свалилась с подлокотника и, конечно, на неё тут же все уставились. Особо недовольно глянул дядюшка, сопящий сердитым драконом. Михал Сергеичу явно было неуютно, а ещё раздражало, что его тут будто и не замечают. Но высказываться он то ли опасался, то ли стеснялся и от этого раздражался только пуще.

— И при чём тут моя красота? — эдак свысока напомнила Степашка.

— Ну, просто красивые люди с детства привыкают, что они... красивые и им всё можно, — неопределённо повела рукой смущённая донельзя Ленка. — Вот у нас в детском саду была девочка, Миленой её звали. Вся такая... Её всегда Снегурочкой делали, потому что самая красивая. И дружить с ней все хотели, продавщица в магазине конфетами угощала. Миленка туда просто так бегала, за конфетами. И потом в школе тоже. Учителя её любили, соседи. Просто потому, что красивая, понимаете?

— Примерно, — несколько рассеянно кивнул Макс. — Но есть другой вопрос. Андрюхе засадить меня вы помогли, Юлий Александрович?

— Ты как подумать то такое мог? — оскорбился престарелый красавец, а красавец молодой, стоявший, эффектно облокотившись о каминную полку и прижимающий к подбитому глазу пустой стакан, насмешливо фыркнул.

— Подожди, — заторопилась Ленка, — ты не оттуда начинаешь. У меня тоже вопрос. Юлий Александрович, вы с Андреем родственники или всё-таки нет?

— Нет, — старик так удивился, что даже вальяжность свою подрастерял, но совсем ненадолго, моментально обратно вернул. — С чего такие выводы?

— Просто вы очень похожи, — покивала Старообрядцева, — вот я и решила, но

ошиблась. Но если нет, то начинать нужно действительно издалека, совсем издалека. На самом деле всё думала, надо ли об этом говорить, и не уверена...

— Думала она! — восхитилась Степашка. — Интересно, чем.

— Ничего, Лена, — грустновато улыбнулась Элиза Анатольевна, — выкладывайте, не бойтесь и не сомневайтесь. Я тоже кое до чего додумалась. Уж лучше знать, чем всю жизнь догадываться да подозревать.

— Тогда так, — Старообрядцева, чтобы храбрости набраться, посильнее сжала Максовскую ладонь. Странно, но он пожал в ответ и ещё страннее, что смелости сразу прибавилось, будто планку вверх сдвинули. — Началось всё с Ленинграда и... Ну, скажем, с продажи парюры из индийских алмазов. Хотя, слово «продажа» тут как-то не очень.

— Динь-динь, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь, — подал голос Юлий Александрович.

Старик закрыл глаза, откинулся на спинку кресла, но «шалашик» из пальцев от лица не убрал, хотя теперь это выглядело как-то странновато, да и сам он словно в размерах уменьшился.

— На самом деле понимаешь? — ледяным тоном осведомилась Элиза Анатольевна. Вот теперь она совершенно точно смотрелась настоящей королевой, надменной и, пожалуй, разгневанной. — Мне только одно интересно, когда ты узнал?

— Совсем недавно, клянусь. Когда ты позвонила. Не обдавай меня холодом, Динь-динь, прошу. Моей вины тут нет, я был ребёнком.

— Так, стоп! — Макс аж подался вперёд, но Ленкиной руки не выпустил. — А я вот ничего не понимаю. Объясните специально для тупых, помедленнее и желательнее на русском.

— Тут нечего понимать, всё кристально ясно. — К сыну Элиза Анатольевна не обернулась, смотрела лишь на старика в кресле. — Мать этого человека в блокаду промышляла обменом продуктов на драгоценности. И, подозреваю, убила мою маму.

— Побойся бога! — Юлий Александрович развёл руки, будто к этому самому богу взывая. — Дети не в ответе за грехи родителей, в Писании сказано. Повторяю, я был ребёнком, от меня ничего не зависело. И, клянусь всем святым, твою маму никто не убивал. Они повздорили, сильно кричали. Кажется, твоя мать была не согласна с... гм!.. ценой. А потом она просто упала, так страшно, плашмя, словно её подрубили. Мне это до сих пор в кошмарах снится. Не знаю, что случилось. Инсульт? Инфаркт? Голод доконал? Но она просто упала.

— И вы решили забрать драгоценности себе? — чуть скривила губы Элиза Анатольевна. — А с моей мамой что сделали? Просто выкинули или всё же снежком припорошили?

— Динь-динь, мне тогда и десяти не исполнилось! Мать мне дала пощечину за то, что я испугался, заплакал.

— Ах пощёчину, — усмехнулась Элиза. — Бедолага. Соболезную.

— Мама, — негромко позвал Макс.

— Извини, — Хозяйка, наконец, отвернулась от Юлия Александровича. — Но есть вещи, которые простить невозможно.

— В общем, вот так драгоценности и попали в семью Сапуновых, — очень ловко и ненавязчиво подытожила Ленка. — Я так понимаю, после войны и потом тоже... э-эм... накопленное тратилось не очень активно, ведь просто так продать украшения было сложно.

— Но возможно, было бы желание, — заверил её Петров. — Сложнее деньги потратить, ибо особо не на что.

— Господи, какой ужас! — Элиза Анатольевна схватилась ладонями за щёки, как в дурной мелодраме, а вот побледнела она вполне реалистично, до синевы под глазами. — Макс, твой отец... Те украшения, которые он дарил! Алексей говорил, что их достаёт Юлик, что у него связи. Выходит, они тоже оттуда, из Ленинграда?

— Динь-динь, ну что за трагедии на ровном месте? — Престарелый красавец устало прикрыл глаза рукой. — У меня на самом деле всегда были связи и те времена не исключение.

— Ещё ваша матушка служила фрейлиной при императрице, — напомнил, фыркнув, Макс, — а вовсе никакой не продавщицей. И именно от неё вам в наследство достались редкие раритеты. Как же, слышали и не раз.

— Одно другому не мешает, — мудро улыбнулся Юлий Александрович из-под ладони, которую с лица так и не убрал. — В советские времена графини нередко становились поломойками.

— А то, — прищипнул Петров, — только вот по времени не сходится. Она фрейлиной то в младенчестве заделалась? Сколько ей в сорок втором исполнилось? Шестьдесят? Восемьдесят?

— По-моему, мальчик мой, ты переходишь все границы. И откровенно говоря, это не твоё дело. Но коли уж пошёл такой разговор, отвечу на выпад. Я никогда не говорил, что наследство оставила моя мать, так другие решили. При Её Величестве имела честь служить её матушка, то есть моя бабушка.

— Да хорош заливать! — гаркнул вдруг Михал Сергеич, для весомости саданув себя кулаком по колену. — А то я таких не видал, что ли? Помню, у нас в горкоме тоже хмырь служил, сам весь партийный-распартийный, как положено. Да только все знали, что он из бывших. В квартире у него кровати со шкафами, картины, книги, чисто в музее. Мол, отец белогвардеец и вроде как граф. А потом-то правда всё едино всплыла, скупал по дешёвке старьё у бабок с дедками и за своё выдавал. Отец же у него на «Машстали» всю жизнь болванки точил, да там и помер. Самогону с карбидом перепил.

— Что вы себе позволяете? — с лёгкой брезгливостью поинтересовался Юлий Александрович.

— Да, в общем, это и неважно, — снова встряла Ленка, которой было немножко страшновато, но и дико интересно. И ещё немножко обидно, ведь она сама до всего догадалась, а тут другие куда-то не туда урулить норовят, вот и приходится вожжи подтягивать, возвращать, значит, на дорогу, которая Старообрядцевой нужна. — Главное, индийские алмазы у Сапуновых сохранились. И вот однажды их увидела внучка и очень ей драгоценности понравились. Да, Степашка?

— Чего? — надула губку заскучавшая и отвлекшаяся было певичка.

— Ничего, — отмахнулась от неё Ленка. — Это я к тому, что отношения между внучкой и дедушкой простыми не назовёшь, Юлий Александрович сначала был очень недоволен её родителями, кто-то за кого-то там неправильно замуж вышел. Или женился? Я не помню. Да и Лёля пошла не в деда, вела себя неправильно, а вести правильно никак не хотела.

— Ты-то откуда знаешь? — скривилась вышеупомянутая Лёля. — То же мне, мисс Пуаро нашлась. Ей наболтали, а она уши развесила.

— Мисс звали Марпл, а про деда ты мне сама рассказала, — с энтузиазмом возразила

Старообрядцева. Лена хотела было продолжить, но призадумалась, обкусывая ноготь. — Хотя, конечно, могла и наврать, — решила, наконец, — но зачем? И это тоже не так уж важно. Драгоценности ты у деда всё-таки спёрла и сделала с них копии, верно?

— Я до сих пор не понимаю, зачем это было нужно делать, — проворчал престарелый красавец.

— А что мне, в стекляшках ходить? — возмутилась певица. — Я какая-никакая, но всё-таки звезда.

— Скорее звездень, — буркнул Макс. — В итоге-то всё равно стекляшки.

— Стекляшки стекляшкам рознь, — Степашка глянула на Петрова с извечным женским превосходством из разряда «чтобы ты понимал!»

— Тщеславие — один из любимых грехов дьявола, — чуть заметно улыбнулась госпожа Петрова, разглаживая полу шубки.

— От этого кому-то плохо стало? — оскорбилась красотка.

— Стало, — решительно кивнула Ленка. — Твоему деду. Элиза Анатольевна очень расстроилась, когда узнала украшения, начала выяснять, откуда они взялись и пригрозила, что расскажет правду. Сказала, что у неё есть документы и фотографии.

— Чёрт! — Макс сдернул очки, с силой растерев двумя пальцами переносицу, — до меня дошло. Если б история на самом деле всплыла, репутации бы вашей каюк пришёл, так, Юлий Александрович? А, заодно, и карьере. Всё-таки политик, радеющий о ветеранах, мать которого хлебом за золотишко приторговывала, выглядит бледновато. Да и липовый аристократ в председателях дворянского собрания — это как-то не очень.

— Ну мы же не в Америке, Макс, — развёл руками Юлий. — Не всё так трагично.

— Не в Америке, факт, — кивнул Петров. — Но и на малых родинах нынче белые пальто в моде, а грязное бельишко стараются подальше упрятать. Скандал мог бы выйти знатным. Оно вам надо?

— Не надо, — снова встряла Ленка. — Поэтому он и привёл на юбилей Элизы Анатольевны внучку. Хотел, чтобы она с тобой... ну, закрутила, — Старообрядцева для наглядности повращала рукой, — и добыла фотографии с документами. Наверное, это ещё и в воспитательных целях было. Что-то вроде: «Сама заварила, сама и расхлёбывай!»

— А это-то ты откуда взяла? — окрысилась Степашка.

— Так опять же ты рассказала, когда из туалета подруге звонила. Сказала, что привёл тебя Жулик. Юлий-Юлик-Жулик. Ты так дедушку в детстве звала, да? И про Макса доложила. Наверное, чтобы никто не удивился, зачем он тебе понадобился. Он же по твоим меркам не слишком уж богатый, добыча так себе.

— Лен, а ты не думала, что иногда можно и промолчать? — пробухтел Петров, снова растирая переносицу.

— А что? — испугалась Старообрядцева.

— Ничего, — замученным конём мотнул головой Макс. — Значит, маму никто не травил? И то хлеб.

— Травили! — обрадовала его Ленка. — Только это другая история. Не совсем другая, но в общем... Короче говоря, Степашка когда-то училась в медицинском колледже. Её туда дедушка пристроил, чтобы исправилась.

— А это тоже она тебе рассказала? — хмуро спросил Юлий Александрович.

— Ага, — кивнула Старообрядцева.

— Идиотка, — вынес вердикт ласковый дедуля.

— Да ладно, — благодушно отмахнулась Лена. — В училище она и познакомилась с Масей, то есть с Машей, которую Элиза Анатольевна Махруткой звала. Честно говоря, это всё только мои догадки, но уж больно много совпадений, так что пусть будет. Короче говоря, Степашка знала, что Махрутка работает у Петровых. Вот тут я не очень уверена, то ли Махрутка попросила подругу о помощи, то ли Лёля ей помогла взамен на информацию о Элизе Анатольевне и Максе. Но это неважно.

— Не слишком ли много у тебя неважного? — Макс глянул на Старообрядцеву исподлобья.

— С этим потом разберёмся, — заверила его Ленка. — Тут что главное? Главное, что Махрутка очень хотела выйти замуж за богатого. Она ведь пыталась тебя соблазнить?

— Ч-чего? — подавился Петров и аж закашлялся, бедный. — Я не...

— Было дело, — спокойно перебила его Элиза Анатольевна. — Макс вполне мог этих попыток и не заметить, он же мужчина. Но мне пришлось поговорить с ней.

— Во-от, — Ленка многозначительно подняла палец вверх. — Я тоже так подумала, когда её бельё увидела. Дорогое оно очень было.

— Где это ты её бельё видела? — совсем неприлично вытаращился Макс.

— Да Люк помог, кот. Но факт в том, что Махрутка решила, что в деле твоего соблазнения Элиза Анатольевна ей очень мешает. Ну и попросила у подружки средство, чтобы хозяйка под ногами не путалась. Я когда нашла пустую упаковку, удивилась. Препарат-то рецептурный и рецепт достать не так просто. А ещё на нём красным написано было «образец». Сначала-то я на это не обратила внимания, только потом, когда меня Андрей таблетками накормил... — Ленка осеклась, заметив, как Петров кулак сжал, и заторопилась. — И, вообще, нам очень повезло, что завод, который принадлежит Юлию Александровичу, выпускает некачественные лекарства, то есть подделки, а то всё могло и хуже закончиться.

— Что она несёт? — пробормотал господин Сапунов, в изнеможении прикрывая глаза неожиданно морщинистыми веками. — Что она несёт?

— Ничего я не несу, — обиделась Ленка. — Завод записан на вас, это я в Интернете узнала. Вернее, на вашу жену, как и дом, и всё остальное, вы же политик. Но не суть. Ну а анализ таблеток, которые Махрутка Элизе Анатольевне скормила, помог сделать адвокат Макса. Вы их не из того сырья делаете, мне на форуме объяснили. Наверное, таблетки, которые у Андрея были, такие же некачественные, поэтому я и не заснула на сутки. Правда, я их почти сразу выплюнула. Задвинула за щёку, сделала вид, что сознание потеряла и выплюнула за воротник.

— Молодец, — одобрил Макс. — Ты бы их ещё под язык сунула.

— Что опять не так?

— А ты не слышала, что через слизистые препарат всасывается эффективнее и быстрее?

— Хорошо, — перебила сына Элиза Анатольевна, — Махрутке таблетки дала Лёля, Андрею тоже. А сама-то она их откуда взяла?

— Не знаю, — честно призналась Старообрядцева. — Может, образцы Юлий Александрович дома держал, может на заводе. Или у менеджеров каких-нибудь. В конце концов, никого не удивит, что внука хозяина по заводу шастает и делами интересуется.

— Что не доказательство, то всё менее убедительное, — разулыбался престарелый красавец.

— А моё дело не доказательства искать, — набычилась Ленка, — а правду

рассказывать. Вот, например, Степашка не только таблетки достала, но ещё очень хотела в квартиру Элизы Анатольевны влезть, для того и наняла Махруткиного дружка, который в дядину квартиру тоже того... влез.

— А от меня-то ему чего понадобилось? — задрал кустистые брови Михал Сергеич.

— Не от вас, от меня. А вот чего, я тоже толком не знаю, — покаялась Старообрядцева. — Но догадываюсь. Либо ключи от квартиры Петровых, либо доверенность, которую Андрей искал. Смотрите, что-то вору очень нужно было, так нужно, что он днём попёрся, когда дядя дома был. Просто он очень редко выходит, если только в поликлинику. Но ждать этот... преступник не стал, значит, время поджимало. Почему? Да потому что Элиза Анатольевна уже собиралась из санатория возвращаться. Других-то причин нет, а дядюшка здесь вовсе ни с какого боку. Получается, ему было что-то нужно у меня для того, чтобы попасть к ней. И что это может быть? Только ключи. С собой-то я их постоянно не носила, уж больно связка здоровая. Там и от дверных замков, а они сами по себе большие, потому как дверь такая, и от почтовых ящиков, и от подъезда. Вот, кстати, кто об этом мог знать? Только Махрутка.

— Ну, понятно, — кивнул Макс. — Сначала они мой дом разгромили, попутно дав тебе по голове, доверенности не нашли и решили проверить материну квартиру. Логично. Кстати, мой кабинет на комбинате тоже не только полицейские обыскивали. Но почему ты решила, что это дело рук Лёли, а не самого Мерина?

— Так опять они сказали, — развела руками Ленка. — Я слышала, как Андрей требовал от Степашки, чтобы она звонила Маше, чтобы та прислала другого парня, потому что этот сидит в тюрьме.

— Потрясающее по доходчивости объяснение, — подал ехидный голос Юлий Александрович.

— И что вам объяснить? — нахмурился Петров.

— Мне надо объяснить, — Старообрядцева подняла руку, как на уроке. — Я не очень поняла, зачем Степашке искать что-то для Андрея?

— Да потому что она должна мне по самое немогу, — неожиданно ответил сам Мерин. — Ну чего смотрите? Думаешь, она только с тобой кувыркалась? Нет, наша Лёля многостаночница, просто стахановка.

— Скотина, — сквозь зубы прошипела Степашка.

— Только ей постоянно денежки нужны, чтобы звездой быть. Дедушка денег не даёт, вот она и заняла у меня. Отдавать-то надо? Надо. А если нечем, то приходится отрабатывать натурой. Она и нашла паренька, который тебе, друг Макс, рожу начистил, чтобы ты отдохнул немножко и у меня под ногами не болтался. Чего тебя обратно-то принесло? Чего в Сибири не сиделось? Хорошо же там было, да ещё с такой девочкой. Не принесло бы, глядишь, и в СИЗО б не угодил. Хотя нет, я всё равно попытался бы тебя засадить. Кстати, тут получается, что все в гуано, один Юлий Александрович у нас в белом. А ведь это он помог того дяденьку, который тебя за собой в тюрюгу потянул, упечь. Откуда у меня-то взяться компромату на таких больших людей, не подумал?

— Это политика, Макс, а она дело грязное. — Господин Сапунов снова сложил пальцы домиком и глянул проникновенно, честно так. — Да, в этой ситуации у меня были свои интересы, но клянусь, я не знал, что этот щенок хочет тебя подставить.

— Нет, не клянись обманчивой луной[1], — хмыкнул блондин, — всё он знал. Но всё же жаль, не успел я эту чёртову доверенность найти, могло бы неплохо получиться. Ты в навозе,

я в шоколаде — справедливо.

— Жаль, — негромко согласился Петров. — Вот только в двух вещах ты крупно ошибся, друг Андрюха. С Лёлей я не кувыркался, потому у вас сразу концы с концами сходятся перестали. И доверенность искал зря, я такие бумажки не храню, уничтожаю, как только в них надобность пропадает. Я ж не дурак и ты не первый, кто меня кинуть захотел.

— Но от меня ты этого не ждал? — уточнил Мерин.

— Не ждал. Тебе от этого легче? Учти, Андрюх, тебе теперь одна дорога, в дворники. Уж это я постараюсь обеспечить.

— Да и хрен с тобой, с тебя я и так поимел немало. Вон Ленке тоже понравилось.

До Старообрядцевой не сразу дошло, что это такое он имел в виду, а когда всё-таки дошло, она снова едва с подлокотника не сверзилась. Спасибо Макс, удержал, только руку её ещё сильнее сжал.

— Что, не поверил? — ухмыльнулся блондин.

— Нет, — совершенно спокойно ответил Петров.

— Ну и зря. Рано или поздно, но она тебя тоже подставит, потому что ты козёл. Ну, ладушки, — Андрей потёр руки, будто замёрз. — С вами, ребят, хорошо, а без вас ещё лучше. Пойду. Ведь ты, Ленок, не будешь на меня заяву катать, правда? И правильно, ты же хорошая девочка.

— Остался один вопрос, — Юлий Александрович сгорбился в кресле, облокотившись о колени. — Хотя моей прямой вины в произошедшем нет, но я бы хотел всё же предложить некоторую компенсацию. Особенно тебе, Динь-динь.

— Знаешь что, Юлик? — Элиза Анатольевна подняла подбородок повыше, глянув даже не царственно, а практически божественно. — Иди ты к чёрту! Макс, Лена, Михаил Сергеевич, мы уходим.

И поднялась, махнув шубкой, будто шлейфом.

***

Кажется, зима в новом году так и не сумела определиться с настроением. Вот буквально только что, всего несколько часов назад дождь шёл, даже туман поднялся, а к утру всё схватило холодом и звёзды на ещё не начавшем светлеть небе были крупными, морозными, по-настоящему полуночными. Ленка, засмотревшись на них, естественно немедленно споткнулась на обледеневшем горбыле и упала бы, но Петров, конечно, спас.

— Ну, куда ты выперлась? — недовольно проворчал Макс, разворачивая Старообрядцеву к себе спиной и укрывая полами собственной куртки. — Я же сказал, что на минуту отойду, в машине кое-что забыл. Иди домой.

— Угу, — согласилась Ленка, не двигаясь с места. — Слушай, а куда Элиза Анатольевна всё-таки колье спрятала? Нет, мне просто интересно, ты не думай. Или его того... Махрутка забрала? Или Степашка?

— Никто его не забирал. Мать его в Люкову корзинку вшила, в которой он типа спать должен. Только он к ней, по-моему, даже близко не подходит.

— Это хорошо.

— Почему?

— Не знаю, — пожала плечами Ленка. — Просто хорошо и всё.

— Лен, — помолчав, позвал Макс. — В общем, я хотел тебе сказать... Не подхожу я для этого, понимаешь? Я ни с кем и никогда... Да и поздно мне переучиваться. Чёрт! Ну не знаю я! Короче, давай попробуем.

— Давай, — кивнула Старообрядцева, улыбаясь звёздам.

— И всё?

— А что ты хочешь, чтобы я сказала?

Ленка запрокинула голову, пытаясь рассмотреть петровское лицо, и ничего, понятное дело, не увидела, он же у неё за спиной стоял.

— Что ты меня любишь, — проворчал Макс.

— Люблю, — не стала спорить Ленка.

— Что жить без меня не можешь.

— Не могу, — она снова пожала плечами.

— Что ты рада?

— Я рада.

— И долго ты будешь со всем соглашаться?

— А разве с тобой можно спорить? — до глубины души удивилась Старообрядцева. — Ты же деспот и тиран. И, вообще, этот... Уважаемый бизнесмен, вот как.

— Как мило, — протянули из темноты, из-за границы световой лужи, растёкшейся от фонаря у подъезда. — Не дёргайся, Макс.

И Петров, конечно, дёрнулся. И не просто дёрнулся, а почти отшвырнул Ленку назад, да так, что она коленками проехала по ледяной тёрке.

— Ты вконец рехнулась? — прорычал Макс. — Сериалов пересмотрела?

— Всё под контролем, милый, — мурлыкнули из темноты, оттуда, где чернел странный силуэт, смахивающий на букву «г»: длинная-длинная фигура и ещё перекладина — вытянутые руки, что ли? — Слушай, теперь я понимаю злодеев. Так и тянет рассказать, почему вы сейчас сдохните.

— Ты хоть соображаешь, что делаешь?!

— Ути, какие мы серьёзные, — явно издеваясь, надула губы певичка. — Ну, давай, теперь ты расскажи, какая я идиотка. Вот интересно, почему вечно косячат мужики, а безмозглой называют меня? Не знаешь? И я не знаю. Самое смешное, что обычно как раз я получаю, что хочу, а вы остаётесь в пролёте.

— Пушку опусти, дура! — рявкнул Макс.

А Ленка попыталась подняться, опираясь вмиг замёрзшими руками о лёд и крутя головой. Никакой пушки она не видела, да и плохо понимала, что происходит.

— Зачем? — удивилась тёмная фигура и мотнулась вперёд, в свет, оказавшись Степашкой в беленькой шубке. В напряжённо вытянутых руках она действительно держала что-то чёрное. И вправду, что ли, пистолет? — Ты знаешь, сколько я такого шанса ждала. Ой, долго! И прикидывала, и планировала, а вот звёзды сошлись и пришлось экспромтом действовать. Но так даже лучше выходит, красиво. Смотри сам, как у нас дела складываются: дед заказал тебя Андрюхе, чтобы ты ему карьеру с репутацией не испортил, а Мерин и рад стараться, он же тебя ненавидит. Ну а девка под руку попала. Правдоподобная версия? Как по мне, так очень. Меня же здесь даже рядом не было, нет и не будет. Не волнуйся, я не твоя дура деревенская, о доказательствах позабочусь.

— Я только об этом должен волноваться? — хмыкнул Макс. — Слушай, Лёль, давай поговорим спокойно.

— О чём? — хихикнула певичка. — Ты с идиоткой помрёте, Андрейка загремит на нары, дедуля следом, а я, наконец, получу всё, что мне полагается. Что ты-то можешь предложить? Давай, Максющ, опускай ручки, надо же с первого раза попасть, а то мне тебя

жа-алко.

И вот тут до Ленки дошло, что всё на самом деле, всё это взаправду происходит. И Степашка тут, настоящая. И пистолет тоже здесь и он настоящий. И что сейчас, буквально в эту минуту, нет, в эту самую секунду, в миг, спятившая красотка выстрелит. В Макса. Который здесь. Который настоящий.

Царапающий лёд больше не обжигал пораненные ладони, боль стекла по ноге из разбитой коленки и исчезла, тело перестало быть громоздким и неуклюжим. Старобрядцева, не успев толком встать, прыгнула вперёд, обеими руками отталкивая Петрова. И то, что уже летело навстречу, ударило, закрутило, опрокидывая навзничь. Плечу стало ужасно горячо. Крупные морозные звёзды медленной каруселью закружили перед самым лицом, а ниже них зло сверкнули Максовские очки.

Кто-то кричал, а что — не понять. Вспышками ослепляли синие огни. Сквозь вату в ушах слышался вой сирен. «Лежать, лежать, я сказал!» Кто кричал? Кому? Макс что-то говорил, а, может, даже кричал, но почему-то совершенно беззвучно.

Жаль, глаз Петрова Ленка разглядеть не могла. Наверняка он сердился. Впрочем, как всегда.

[1] У. Шекспир. «Ромео и Джульетта»

Естественно, ГИБДДшники притаились в засаде там, где никто этого не ожидал и конечно, они остановили именно его машину, хотя пяток предыдущих, вернее, впереди едущих и не на самой вменяемой скорости, пропустили.

— Сержант Быр-гыр-дымов, — невнятно отрекомендовался страж порядка, небрежно козырнув, — Нарушаем? Документики, пожалуйста.

— Слушай, командир, я спешу! — сквозь зубы выдавил Макс, бессмысленно охлопывая себя по карманам и не очень то соображая, что ищет.

— Все спешат, — меланхолично ответил толстяк, поправляя кислотно-зелёный жилет на немалом пузе.

— Да у меня жена в больнице!

— У всех жёны в больницах. Права, небось, дома забыли?

— Какие права?! Она умереть может, пока я с тобой лясы точу!

— Все там будем, — отозвался явно успевший познать дзен ГИБДДшник.

— Да иди ты к чёрту! — Макс, выворачивая подкладку, выдернул-таки из кармана бумажник и сунул его в руки толстяка. — Так нормально?

— Эй, мужик, — страж аж попятился от такого напора. — Вправду, что ли, случилось чего?

***

— Она похожа на Макса, — решительно заявила Элиза Анатольевна.

— Господь с вами, — укорила её Ленкина мама. — К счастью, девочка удалась в нашу породу. Смотрите, какой носик, какие глазки. Красавица!

— Конечно красавица, настоящая принцесса. Нос наш, петровский. И глазки тёмненькими будут.

— Светленькими. И волосики тоже. Вот в Мухлово к нам приедет, мы её ягодками, овощами со своего огорода, молочком откормим. Будет как мама.

— Какие там глазки? — недовольно проворчал Михал Сергеич, осторожно заглядывая в кроватку, смахивающую на пластиковый ящик, только без крышки. — Ничего ж не видать.

— Вот и мне кажется, что больше всего она похожа на обезьянку, — улыбнулась Ленка, разглаживая на плоском, наконец, животе унылое больничное одеяло.

Интересно, почему даже в вип-палате всё такое унылое и казённое? Наверное, потому что здесь всё-таки больница, а не дворец съездов, к примеру.

— Ты что такое говоришь, доча?

— Елена, как так можно? Наша девочка само совершенство!

— Спятила совсем? На обезьяну похожа, надо ж сказануть!

— Это всё гормоны, точно вам говорю!

А дядюшка только глянул на Ленку одобрительно.

Старообрядцева попыталась миролюбиво улыбнулась обеим новоиспечённым бабушкам, наконец, пришедшим к согласию, и от души зевнула. Хорошо её дочери, спит себе и спит и ничто её не волнует, а ты тут отдувайся за двоих. За троих даже.

Дверь палаты распахнулась с таким энтузиазмом, что шваркнула о стену, обнаружив на пороге страшного, даже жуткого господина Петрова: волосы, выбившиеся из короткого хвостика, всклокоченные, небритая морда бледная, под глазами круги, нос ведьминский,

крючком, общий вид насупленный.

— Ты где был? — эдак невзначай поинтересовалась Ленка.

— Цветы искал, — буркнул Макс.

— Нашёл?

— У меня их отобрали.

— Злые враги?

— Тётка в халате.

— И правильно сделала. Ты с дочерью знакомится будешь или ещё погодишь?

— А... — Макс неуверенно переступил с ноги на ногу, провёл ладонью по волосам, впрочем, без особого успеха, растрепал больше. — А можно?

Ангел улыбнулся, устало повёл плечами, разминая. Крохотное пёрышко выпало из белого крыла, спорхнув на одеяльце в маленькой кровати. Он нагнулся было, чтобы поднять, но передумал: пусть его, всё равно подумают, что из подушки вылезло, а ей на счастье. Может, хоть она не будет его искать, поймёт, что оно всегда тут, рядом. Нужно всего лишь соблюдать три правила: не делать того, за что потом будет стыдно, не желать зла и никогда не жаловаться на судьбу. А чего на неё жаловаться? Ведь она такая, какой её люди делают.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net